

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2014

Издание выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
[http: //www.msps.su](http://www.msps.su)

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барбанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP), Норвежского института
международных отношений (NUPI), Стокгольмского института переходной
экономики (SITE), группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 4 (66) 2014

К читателю

Елена Немировская: 5
«Все мы имеем право на жизнь и должны учиться жить вместе»

Семинар

Внешняя политика и национальные интересы 8
Анатолий Адамишин
Дискуссия 11

Тема номера

Общее благо и духовная культура 20
Кшиштоф Занусси

Точка зрения

Социальное доверие: условия и вызовы 25
Дэв Воллебек

Гражданское общество

О кризисе гражданского общества в Британии 32
Джеффри Хоскинг

Гражданское образование и свобода 40
Александр Согомонов

Горизонты понимания

Эффект колеи 54
Александр Аузан

Зарубежный опыт

Раскройте ваши доходы! 62
Мона Тоусен

Идеи и понятия

«Гибридный национализм»: истоки, риски и возможности 68
Дмитрий Горин

Недавнее прошлое

За правду и добро: кредо гласности 71
Леон Арон

Наш анонс

Железный занавес
Подавление Восточной Европы (1944–1956) 85
Энн Эпплбаум

Книги

Семейное дело 104
Андрей Захаров
Региональное книжное обозрение 106
Родион Гаршин
Контрапункт 109
Владимир Рыжков

Nota bene

Мир художника 118
Сергей Тахтамышев

*В оформлении этого номера журнала
использованы работы авторов из Польши, России, Швейцарии.*

Публикуемое интервью было подготовлено в рамках проекта «Польско-российские неправительственные инициативы», реализуемого фондом «Образование для демократии» в партнерстве с Московской школой гражданского просвещения и финансируемого Департаментом публичной и культурной дипломатии Министерства иностранных дел Польши в рамках конкурса «Сотрудничество в области публичной дипломатии 2014»

«Все мы имеем право на жизнь и должны учиться жить вместе»

Мартына Квятковска, координатор программ фонда «Образование для демократии»:

Лена, вы получили недавно польскую награду — Кавалерский крест Ордена за заслуги перед Польшей. Несколько лет назад вам вручили Почетный знак польского Министерства иностранных дел «Vene Merito». Чем для вас являются подобные награды?

Елена Немировская, основатель Московской школы гражданского просвещения:

Эти награды подтверждают, что деятельность Московской школы важна не только для России. Поэтому для меня как ее основателя нет различия, получаю я польскую награду или российскую, как, например, в конце прошлого года премию имени Егора Гайдара. Ведь независимо от специфики польской или российской культуры мы работаем на развитие цивилизации. Правовое государство, права человека, независимые демократические институты — эти ценности присущи любому современному (подчеркиваю это качество) государству. И мы — Школа — стараемся, чтобы все знали, что они важны и для нашей страны, чтобы молодые люди стремились к тому, чтобы Россия стала современной. Любая культура стремится воспроизвести свои традиционные навыки, содержание, и попытка придать ей более современный характер очень сложное дело. Массовое сознание по определению консервативно, и мы работаем без всякой гарантии полного успеха. Стараемся тем не менее показывать новые, альтернативные пути решения вопросов у нас и за рубежом.

М.К.: *Как возникла идея такой Школы, каковы ее истоки?*

Е.Н.: Идея Школы зародилась в умах и сердцах людей моего поколения, которые, так же как и я, полагают, что страна должна постепенно, по мере сил, освобождаться от государственного насилия, которое она унаследовала. Переживание за судьбу страны и ответственность — так я определила бы ее истоки. Стараться думать самостоятельно, общаясь, участвуя в дискуссии, читая книги. Наш опыт показывает, что этому можно и нужно учиться.

М.К.: *Кто ваши слушатели?*

Е.Н.: В наших семинарах принимают участие молодые люди с разными политическими взглядами, с разными карьерными устремлениями. Мы стремимся к тому, чтобы у них была возможность вступать в дискуссию, слышать других, отстаивать свою позицию, развивать критическое мышление — право знать и свободно мыслить.

М.К.: *Насколько участникам семинаров и других мероприятий Школы интересен опыт других стран?*

Е.Н.: Я думаю, любому человеку приобщение к знанию, а тем более непосредственное знакомство и общение с интересными и известными людьми — политиками, экономистами, общественными деятелями, журналистами — доставляет удовольствие.

М.К.: *Уже пять лет вы сотрудничаете с польскими партнерами, с фондом «Образование для демократии». Что для вас в этой связи является самым важным?*

Е.Н.: Во-первых, я говорю это искренне, заинтересованность Польши в работе с нами, и когда произношу эти слова, думаю о конкретных людях, в частности о вас. Все строится на личной заинтересованности и усилиях лиц, без которых не было бы результатов сотрудничества. Спасибо вам за это.

Во-вторых, Польша — это страна, которая никогда не выпадала из «биографии» России. В наших межгосударственных, культурных и интеллектуальных связях всегда присутствовала дополнительная эмоция. И в результате, не забывая о том, что было удачным и неудачным в нашем прошлом, мы смогли построить сотрудничество. Я имею в виду не личные дружеские связи, которые не зависят от внешних факторов, но выстраивание отношений между нашими странами на уровне гражданского общества.

Вообще, для современного мира, мне кажется, особенно важны такие инструменты выстраивания партнерства, как компромисс и честность. Всем нам, не только в России, надо учиться решать конфликты мирным путем, слышать и понимать Другого. Даже если не удастся достигнуть многого, мы должны двигаться в этом направлении. Все мы имеем право на жизнь и должны учиться жить вместе.

М.К.: *Чтобы увидеть и услышать Другого, необходимо делать что-то совместно. Выпускники ваших семинаров — очень активные люди. В каких сферах мы можем сотрудничать?*

Е.Н.: В первую очередь — в сфере образования и просвещения. Обсуждая совместно проблемы правового государства и гражданского общества и обмениваясь опытом, мы должны раскрывать значение и

смысл таких понятий, как «права человека», «толерантность», «компромисс», «европейские ценности». Для меня лично Европа как проект является важным символическим образованием, в котором есть место и для России. Россия не член Европейского союза, но она является его партнером. И мне нравится думать о Европе как палитре ее великого разнообразия культурно-исторических ценностных образов.

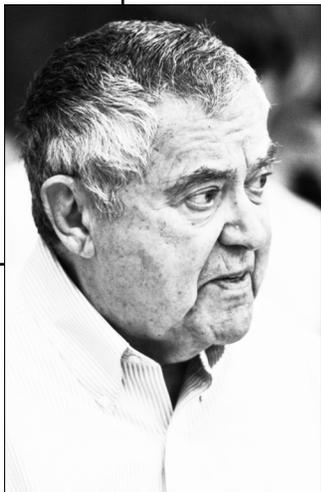
Что значит быть гражданином? Понятие гражданского общества существует давно, но сегодня оно приобретает, на мой взгляд, особое значение. Ведь демократия и гражданственность — это не то, что мы получили (или получаем) раз и навсегда. Это

непрерывный процесс трансформации и для нас, и для Польши, и для других стран. Напомню, что в конце XX века многие были воодушевлены не так давно вошедшим в обиход понятием *good governance* (хорошее, надлежащее руководство) в противовес *government* (правление)*. Это понятие уже подразумевает гражданское участие в публичных процессах — с его свободами и рисками. Стремление к полезной работе в этой сфере — это и есть задача для гражданских активистов, к которым я отношу и Школу как некое целое. Сотрудничество с Польшей для нас важно с точки зрения стимулирования гражданской активности, обмена опытом и расширения публичного пространства для диалога.

Голицыно, 31 июля 2014 г.

* В случае *government* речь идет о деятельности правительства и органов государственной власти и означает правление «жесткое», по вертикали, в отличие от *governance* — руководства, управления, подразумевающего принципы и механизмы функционирования частных структур, профессиональных и общественно-политических объединений граждан и их взаимодействия с государственными структурами для реализации своих интересов. — См.: Новый общественно-политический словарь. Пер. с франц. яз. — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — С. 442–449. — Прим. ред.

*Анатолий Адамишин,
заместитель министра
иностраннных дел СССР
(1986–1990);
министр РФ
по сотрудничеству
с государствами СНГ
(1997–1998)*

Внешняя политика и национальные интересы*

Функция внешней политики любого государства — продвигать, защищать, отстаивать национальные интересы страны. Вопрос: что это за интересы? Кто и на основании каких критериев формулирует внешнеполитические цели государства? До определенной поры у нас все было очень просто: в СССР этим занимались непоколебимые борцы за интересы социализма. Но после распада СССР и соцсистемы что лежит в основе внешней политики? Возьмем самую невинную формулу: задача международной политики — создавать условия, наиболее благоприятные для внутреннего развития. Прочитую одного умного человека, жившего сто пятьдесят лет назад, который, на мой взгляд, хорошо сформулировал задачу внешней политики. Канцлер Горчаков** в докладе Александру II говорил: «При современном положении нашего государства главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела внутреннего развития. И вся наша внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче». Лучше, мне кажется, не скажешь. Это аксиома: внешние действия должны соотноситься с возможностью получить выигрыш на внутреннем поле.

На практике, однако, дело нередко складывается так, что направления внешней политики определяются не столько в интересах всего населения, сколько в интересах правящей группировки и соответствующих политических сил, то есть прежде всего внутренней политикой, направленной на их длительное пребывание у власти. Если в обществе отсутствует политическая конкуренция, власть, естественно, будет руководство-

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 27 июля 2014 г.

** Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков (1789–1883) — глава русского внешнеполитического ведомства при Александре II, последний канцлер Российской империи.

ваться исключительно своими представлениями о происходящем в мире. Однако если оно располагает эффективными рычагами воздействия на власть, то может внести серьезные коррективы и во внешнюю политику. Одним из таких примеров является вьетнамская война: реакция, которую она вызвала в Соединенных Штатах, сыграла немаловажную роль в прекращении войны американской администрации. Зрелое в политическом смысле общество не полагается на совесть и компетенцию

людей, стоящих у руля на местном или государственном уровне, оно старается корректировать власть, которую выбрало, создает обстановку, когда власть сотрудничает с гражданским обществом. Одним словом, работает формула: если общество не контролирует власть, власть контролирует общество. Мне могут возразить: при массовой поддержке внешней политики никакого разрыва между властью и обществом быть не должно. Но на практике он есть. Так что не следует поддаваться магии цифр: если внешнюю политику поддерживает большинство, она не обязательно эффективна.

Теперь несколько примеров из прошлого нашей страны. Главной задачей внешней политики Советского Союза было недопущение войны. Абсолютно правильная постановка вопроса, и она довольно умело внедрялась в массы. Даже частушка была такая: «С неба звездочка упала прямо милому в штаны». Третью строчку пропускаю. И последняя: «Лишь бы не было войны». Вот это состояние отсутствия войны — основная заслуга политики того периода. Дело неоднократно доходило до грани, как сейчас говорят, ядерного апокалипсиса, которого все же удавалось избегать: срабатывал механизм взаимного сдерживания.

Несколько десятилетий СССР жил вне большой войны, но международные отношения представлялись нашим руководителям исключительно как арена борьбы двух общественных систем. Я помню залитый солнцем кабинет Юрия Владимировича Андропова в Кремле,

*Это аксиома:
внешние действия должны соотноситься
с возможностью получить выигрыш
на внутреннем поле*

один-единственный раз я видел его так близко. Мы принесли ему проект речи на заседании Политического консультативного комитета Варшавского договора. Андропов поднял голову, оторвавшись от текста, и говорит: «Решается земельный вопрос». Мы переглянулись: при чем тут земельный вопрос? Тогда он пояснил: «Кто кого закопает».

На протяжении послевоенных лет идея мира была главной мантрой внешней политики СССР, поскольку она предоставляла условия для внутреннего строительства, поддержания стабильности. А еще надо было сохранить социалистический лагерь, поддерживать коммунистические движения и партии, помогать целым странам, «вставшим на путь социализма», на что тратились гигантские ресурсы. Все это, разумеется, на фоне соперничества с США и их союзниками, холодной войны и гонки вооружений. Представляете, какую ношу взвалили на страну?! С одной стороны, люди работали на себя, обеспечивали какой-то жизненный уровень, а с другой — работали «на дядю», то есть на победу социализма в мировом масштабе, на реализацию статуса страны как сверхдержавы. Это, я думаю, глубоко укоренилось в российском обществе и нашем сознании. Ощу-

щение, что нас должны не столько любить, сколько бояться, и вряд ли оно приносит пользу.

Борьба за мир — это, конечно, правильно, но в то же время продолжалась гонка вооружений, семь лет шла афганская война. Ядерной войны удавалось избегать, поддерживая некий баланс сил. В наших идеологических построениях гонка вооружений была продолжением классовой борьбы, прекращать которую было нельзя. К концу брежневского правления в советских и американских ядерных хранилищах на каждого жителя Земли приходилось больше четырех тонн взрывчатки в тротиловом эквиваленте. Этот абсурд надо было прекращать. Никто из прежнего руководства — ни Брежнев, ни Андропов, ни Черненко — не мог решиться заключить мир с «классовым врагом».

Решился Горбачев, за что честь ему и хвала. Конечно, он не только понимал абсурдность гонки вооружений, но и видел, что страна идет ко дну. Гонка вооружений, поддержка локальных конфликтов в регионах мира, помощь национально-освободительному движению, верным и неверным друзьям — все эти гири потянули Советский Союз на дно. Горбачеву удалось их сбросить. Хочу подчеркнуть, что национальные интересы ему были дороже, чем личные. Чем он это доказал? Тем, что тронул неприкасаемую прежде касту — партийную верхушку. Он мог бы оставаться лидером государства не меньше Брежнева, но выбрал другую судьбу. На коротком отрезке перестройки мы достигли очень серьезных прорывов. Я их коротко перечислю, потому что, во-первых, история быстро забывается, во-вторых, на Горбачева вешают много того, чего он не заслуживает.

Итак, что сделала команда Горбачева? Положила конец идеологической кон-

фронтации, удалив из массового сознания образ классового врага; прекратила холодную войну с США и их союзниками; остановила разорявшую страну гонку вооружений; нашла в себе силы прекратить девятилетнюю войну в Афганистане; способствовала урегулированию целого ряда региональных конфликтов; нормализовала отношения с Китаем (когда Горбачев пришел к власти, наши отношения с Китаем были враждебными); не только восстановила отношения с Израилем, но и наладила с ним сотрудничество; сумела провести процесс воссоединения Германии, он завершился историческим примирением двух ее частей; не пыталась силой удерживать восточно-европейские страны в лоне обанкротившегося советского режима, и поэтому в бывших социалистических странах не было восстаний; подняла на щит права и свободы человека не только на национальном, но и на международном уровне; впервые за несколько десятилетий открыла Советский Союз внешнему миру. Есть еще пункты, но не буду вас утомлять. Замечу только, что при Горбачеве внешняя политика Советского Союза вполне соответствовала национальным интересам советского народа — к сожалению, период оказался слишком кратким, выглядящим исключением на фоне политической истории страны.

Мне хотелось напомнить о роли Горбачева и перестройки. Пусть Россия вышла из нее серьезно ослабленной, но получила неплохие шансы во внешней сфере: у нас не было явных врагов, налаживалось сотрудничество с западными государствами. В том, что оно не пошло, вина не только России. И западные государства боялись подпустить нас близко — слишком мы большие и непредсказуемые. Но условия для внутреннего строительства в стране были близки к идеальным.

Дискуссия

Анна Урядова, профессор Ярославского государственного университета:

— Добрый день. Два ваших основных тезиса я поняла так: во-первых, было бы оптимально, если бы внешняя политика была без войн; во-вторых, национальные интересы не предусматривают включения во внешнюю политику идеологии. К сожалению, история России — это прежде всего история войн, основанных на национальных интересах, как говорят политики. Что вы подразумеваете под «национальными интересами»?

Анатолий Адамишин:

— Я полагал, что про это как раз и рассказывал. Давайте повторю. Национальные интересы, как мне видится сейчас, заключаются в построении развитого в экономическом, политическом и демократическом смысла общества, в повышении благосостояния людей, во включении страны в поток глобального мира, в стремлении удержаться от конфликтов и тем более от войн. Вот, я думаю, такие параметры. Однако Россия должна несколько изменить представление о том, что делает страну сильной. Россия до сих пор не создала образа, который притягивал бы к ней соседей и не только соседей, — образа страны, заботящейся о благополучии своих граждан и, как говорил Горчаков, избегающей внешних необоснованных порывов. То есть страны, которая свои усилия направляет на внутреннее развитие.

Тимур Ужахов, журналист, Республика Ингушетия:

— Вы очень интересно интерпретировали заслуги Михаила Горбачева, одна из них — прекращение холодной войны. Но с другой стороны эта война не прекратилась, по-моему, до сих пор. И Михаил Горбачев успел набрать такой внешний долг, что Россия потом долго и мучительно его выплачивала. И наконец, именно при Горбачеве произошли события, запустившие цепную реакцию внутрисоветских конфликтов в Нагорном Карабахе, в Средней Азии и на Северном Кавказе...

Анатолий Адамишин:

— Разговор долгий. Если называть вещи своими именами, холодную войну мы проиграли, и Горбачев, по сути, подписывал условия мира после холодной войны. Естественно, для проигравшей страны эти условия оказались, может быть, жестче, чем могли быть. Но тут уже нужно говорить о позиции наших партнеров на международной арене. Идея Горбачева заключалась в том, что прекращение холодной войны — необходимая стадия подведения черты под прошлым перед переходом ко второй стадии сотрудничества, прежде всего с Соединенными Штатами Америки, и уре-

гулирования положения в мире. Не знаю, была ли эта концепция правильной, но она обещала неплохие результаты. Однако делу помешала новая ситуация в США: если президент Рейган и госсекретарь США Шульц были настроены на сотрудничество с Советским Союзом, то сменивший Рейгана в 1989 году Буш публично заявил о победе США над Советским Союзом в холодной войне. На этом фоне у американской номенклатуры возникла эйфория, которая уже при Буше-младшем вновь привела Америку сначала в Афганистан, а потом в Ирак, ибо США посчитали, что могут решить все проблемы. Наша номенклатура демонстрировала, в свою очередь, некоторую надменность и горделивость. Понимание Америкой себя как избранного богом государства одержало верх. Кстати, я рад, что Бушу все это на пользу не пошло. Когда Клинтон вел против него предвыборную борьбу, нашел прекрасную формулу: Буш считает, что выиграл холодную войну, и похож на петуха, думающего, что рассвет пришел, потому что он прокукарекал. При этом Буш заложил в американскую внешнюю политику очень тяжелую схему, не допускающую роста ни одной державы выше себя, что было серьезной ошибкой Америки.

Другая сторона дела. Горбачев делал все, полагая, что Советский Союз сохранится. Его распад, безусловно, подорвал наши шансы на международной арене. Почему союз распался? Уж не Горбачев ли этому способствовал? Не поставлена ли в Беловежской пуще только одна подпись под свидетельством о смерти? Моя позиция заключается в том, что перестройку и Советский Союз погубила борьба за власть — самый, можно сказать, банальный процесс, который происходит в государстве, где возникает определенная свобода политических действий. И я не согласен с тем, что распад Советского Союза был эвтаназией, неизвестно, сколько еще он просуществовал бы. Есть предположение, что все разведки мира, ЦРУ и другие, слишком преувеличивали силу Советского Союза и не предполагали, что он развалится. И я думаю, может, разведка была права: у Советского Союза было еще достаточно потенциала. Наверное, сохранить СССР как политический субъект было невозможно, но сохранить единое государство со всеми вытекающими преимуществами, думаю, мы могли. Этому помешала, как я сказал, элементарная борьба за власть, поскольку для Бориса Николаевича Ельцина в Беловежской пуще главным было избавиться от Горбачева.

Не соглашусь с вами в том, что холодная война продолжается до сих пор. В горбачевский период, потом ельцинский, потом ранний путинский, политику которого называли прозападной, поначалу она такой и была, больше все-таки было сотрудничества, чем войны. И это сказало на многом: американцы сократили войска, много вывели из Европы. Произошло очень многое, связанное с интеграцией России в глобальную экономику, в «восьмерку» и ВТО. Нельзя сказать, что против нас постоянно строились козни. Почему об этом часто говорится? Потому что в США всегда были, есть и, думаю, будут силы, которые желают если не удушить Россию до конца, то поставить ее на колени. От этого никуда не деться, но во времена сотрудничества России с Западом эта публика притихла. Сейчас она снова активна. По поводу долгов. Знаете, я бы еще сравнил цифры: кто набрал больше долгов — Горбачев или Ельцин? Безусловно, есть вина Горбачева за

подобное внутреннее развитие. Но несправедливо во всем винить человека, который после десятков лет диктатуры пришел и сказал: даю вам свободу. Свободой, к сожалению, воспользовались больше популистски. Помоему, я ответил на ваши вопросы. Или еще что-то было?

— По поводу национальных конфликтов.

— Национальные конфликты. Что выбрать? Жесткую диктатуру, которая силой сдерживает конфликты, или все-таки более-менее нормальное государство, где загнанные под ковер проблемы и находившиеся там в течение долгих лет, естественно, вышли на поверхность? Горбачев заплатил по счету, который образовался в значительной степени до него.

Константин Крылов, корреспондент «100 ТВ», Санкт-Петербург:

— Мой первый вопрос вам как профессиональному дипломату в связи с тем, что вы говорили о национальных интересах и интересах элит. В чем состоит задача дипломата: выполнять приказы своего правительства или действовать исходя из собственного представления о национальных интересах? Второй вопрос вам как человеку, который был связан с СНГ. Были ли, по вашему мнению, СНГ мертворожденным проектом изначально, в силу амбиций национальных элит, о которых вы говорили. Или у него был шанс стать чем-то вроде европейского восточного Евросоюза?

Анатолий Адамишин:

— Первому вопросу я очень рад, он даст мне возможность погарцевать. Владимир Ильич Ленин говорил, что для решения международного вопроса дипломатия нужна примерно на пять процентов, остальное решает соотношение сил между сторонами. В МИДе, когда я зачитывал его цитату, меня спрашивали, стоит ли ломаться из-за пяти процентов. Я отвечал: да, стоит. У нас есть лишь пять процентов, и они должны быть использованы хорошо. Теперь о том, как вести себя дипломату. Дипломат не политик, но он обязан помогать политике. Некоторые телеграммы по международным делам определили многое в том, как прошли международные события. Когда ты понимаешь, что в данном конкретном вопросе интересы страны расходятся с интересами правящей элиты, для тебя наступает тяжелый выбор. Есть три возможности: сдаться и делать то, что тебе велят; попытаться каким-то образом повлиять на ситуацию; уйти с работы. В застойные годы наша небольшая, условно говоря, либеральная когорта видела свою задачу в том, чтобы попытаться уменьшить ущерб, наносимый международным отношениям политиками. И в некоторых случаях это удавалось.

Теперь по поводу СНГ. Думаю, что у Содружества в том виде, каким оно было создано в Беловежской пуще, большого будущего не было. Почему? Потому что все делалось на скорую руку, тяп-ляп. Говорят, Кравчук в Беловежской пуще все ждал, когда Ельцин жестко поставит вопрос о Крыме. Но категорически вопрос о Крыме Ельцин так и не поставил. Исправлять историческую ошибку пришлось уже в значительно худших международных условиях и гораздо более обременительной ценой. Собравшись в Беловежской пуще (могу документально подтвердить), главы трех государств толком не знали, где размещено ядерное оружие

Советского Союза, и вопрос о нем был решен поверхностно. Через какое-то время нужно было заключать с Украиной особое соглашение, по которому она прекращала быть ядерной державой, им стал знаменитый Будапештский меморандум: Россия, США и Англия взяли на себя обязательство уважать территориальную целостность Украины. То есть ошибки, сделанные в Беловежской пуще, тянулись потом длинным шлейфом. СНГ создавалось не с целью объединиться, а чтобы облегчить цивилизованный развод. Можно ли было сделать из этого что-то работающее? Можно. Но к тому времени, когда начали всерьез заниматься СНГ, позиции настолько окостенели, что было очень сложно. Когда я пришел работать в министерство по сотрудничеству с государствами СНГ, мы начали смотреть, какие документы СНГ работают, оказалось — всего два. Устав СНГ был принят в девяносто четвертом году! А потом, СНГ было вроде подарка Кравчука Ельцину, что поставило Украину в ситуацию, когда она вполне могла шантажировать Россию. Перед Ельциным, беднягой, все время стояла дилемма: следует ли удовлетворять «друзей по СНГ», действуя вопреки интересам России? А поскольку СНГ воспринималось наподобие компенсации развала Советского Союза, многие приходившие к Ельцину просьбы удовлетворялись по принципу «за дружбу надо платить». А сегодня мы пошли по правильному пути — экономическому. Но это долгий путь, и Беловежская пуща имеет к нему мало отношения.

Юрий Лобунов, журналист, Брянская область:

— Анатолий Леонидович, сейчас внешняя политика России интересует весь мир, и даже в самой России людей она интересует больше, чем внутренняя политика. Если от практической ситуации, в которой мы находимся, шагнуть в сферу теоретическую, то какова сейчас идеальная для России модель внешней политики? В общих чертах обрисуйте, пожалуйста.

Анатолий Адамишин:

— Канцлер Горчаков это сделал. Я скажу, что в нынешней существенно осложненной обстановке у внешней политики России места для маневра крайне мало. Думаю, главное действие должно заключаться в том, чтобы уменьшить ущерб от санкций и постараться активизировать внутренние ресурсы и внешние альтернативные возможности. Но нужно понимать, что работать необходимо по всем азимутам, не только азиатским, и что сейчас такая ситуация, когда нужно стерпеть и не добавлять масла в огонь. Следующее наше неосторожное движение действительно может привести к серьезному ухудшению обстановки для России. Когда я наблюдал за американцами, вспомнил Данте, который говорил: «Обман и сила — вот оружие злых». Сейчас это наглядно проявляется.

Вадим Карастелев, координатор проектов Московской Хельсинкской группы, Москва:

— Анатолий Леонидович, по мнению политолога Станислава Белковского, у Путина оборонительное сознание. Мой вопрос заключается в следующем: при оборонительном сознании возможен интерес, инициатива или

оно подразумевает только реагирование, которое мы наблюдаем во внешней политике России последние несколько лет?

Анатолий Адамишин:

— Должен сказать, что оборона — вполне приемлемая ситуация. Вы не можете все время наступать, должны когда-то и обороняться. Внешняя политика России реактивная, наверное, да. Наши последние действия и инициативы можно назвать реактивными, но они очень даже индивидуальные, самостоятельные. Главное сейчас, на мой взгляд, консолидировать позиции, сохранять эту консолидацию и стараться помириться с западным миром. Нет никакого смысла быть в ситуации войны с ним.

Станислав Лазовский, старший научный сотрудник Центра по приграничному сотрудничеству Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге:

— Мне крайне интересно ваше мнение как человека, имевшего отношение к тем, кто принимал решения в то время: соответствовало ли объединение Германии национальным интересам Советского Союза?

Анатолий Адамишин:

— Должен сказать, что ситуация с Германией и Восточной Европой была следствием простого решения, направленного на удержание восточноевропейских стран, включая ГДР: мы не применим силу. Когда это стало ясно, события разворачивались очень быстро. Могли мы удержать восточноевропейские страны и ту же ГДР? Да, могли. Но только силой. Другой возможности не было, по крайней мере в то время, когда накопились страшные проблемы. Теперь вспомним, в каких условиях все происходило: внутри советского истеблишмента шла постоянная борьба, нужно было переходить от позиции «мы не отдадим ГДР ни в коем случае, мы не допустим

воссоединения ни в коем случае» к позиции «воссоединение назрело, надо бороться за условия». Мы долго полагали, что не можем предать ГДР, а не предать ее можно было только силой. И сила там была большая — военные городки, гарнизоны, базы. С одной стороны, большинство политиков на Западе выступало за воссоединение Германии. С другой стороны, наши союзники по соцлагерю рвались от нас — и в Чехословакии, и в Польше к власти пришли новые люди. И наконец, Россию терзали внутренние распри. Ситуация для принятия решений тяжелая, но общий итог, по крайней мере для России, оказался приемлемым: мы закрепили границы в Европе, сложившиеся после Второй мировой войны, и это не было делом легким. Границы были укреплены, раз. Германия не получила ядерного оружия, два. Мы получили какие-то финансовые средства для вывода наших войск, три. А главное: в сознании немцев все-таки осталось, что ключи к воссоединению они получили от Горбачева, потому что если бы Горбачев применил силу, соединения не произошло бы или произошло с совершенно иными последствиями. Так что наше перемирие с Германией было историческим, и все это время Германия была нашим ближайшим партнером, в том числе экономическим. Думаю, с учетом обстановки бескровный вариант был явно в нашу пользу.

Вахтанг Цоцонава, *предприниматель, Грузия:*

— Совсем недавно скончался Эдуард Шеварднадзе, бывший министр иностранных дел СССР, один из архитекторов мира после холодной войны. Я часто слушал его выступления, читал мемуары как раз об объединении Германии. Самое интересное для меня из вашего выступления — мысль о том, что политическое руководство Советского Союза прекрасно понимало, что невозможно оставить Германию разделенной. Однако почему те же чины КГБ не смогли воспринять объединение адекватно? Ведь мы прекрасно понимаем, что их мышление было намного шире, чем это может показаться.

Анатолий Адамишин:

— В связи с кончиной Шеварднадзе я давал несколько интервью. И уже говорил публично то, что повторю сейчас: Шеварднадзе был хорошим министром иностранных дел Советского Союза. Он честно работал на перестройку. Россия, в свою очередь, отблагодарила его. Сейчас я расскажу историю, которая осталась за кадром. Во время гражданской войны в Грузии (1991–1993) был эпизод, когда Гамсахурдиа двигался на Тбилиси, и в российском истеблишменте начался раздор: помогать Шеварднадзе или нет. И все-таки возобладало мнение о том, чтобы спор между Гамсахурдиа (а с ним вместе был и Дудаев) и Шеварднадзе решить в пользу Шеварднадзе. Тогда был применен прекрасный ход. Мы не вводили войска (они там, правда, стояли, но небольшие), а блокировали железную дорогу, которая была единственным способом движения войск звядистов в сторону Тбилиси. Гамсахурдиа был вынужден повернуть назад. Так что Россия тогда спасла Шеварднадзе.

Я тоже читал мемуары Шеварднадзе. После прочтения я позвонил его помощнику и попросил передать Эдуарду Амвросиевичу, что очень разоча-

рован его мемуарами, потому что в них на России сплошь лежит вина. И даже говорится, что когда Шеварднадзе с Алиевым были членами советского политбюро, то много делали для того, чтобы приблизить самостоятельность Грузии и Азербайджана — это полная ерунда. Ничего такого они, конечно, не делали. У меня есть ощущение, что Эдуард Амвросиевич в конце концов уже не понимал, кто он: то ли министр Советского Союза по иностранным делам, то ли борец за независимость Грузии. Последние его высказывания меня действительно расстроили. Но, повторю, он честно работал на перестройку, и Горбачев именно поэтому его взял, поскольку загодя подбирал кадры, а Шеварднадзе в то время был настроен демократически. Я думаю, в нем было много личной порядочности. Упомяну один факт: они с женой были очень близки, он тяжело переживал ее смерть; когда они только собирались пожениться, будущая жена его предупредила, что в ее семье есть люди, к которым плохо относится КГБ. Шеварднадзе выбрал любовь, а не лояльность КГБ. В целом он оставил серьезный след в российской внешней политике, и ему надо быть за это благодарными.

Александра Азархина, *политический эксперт Центра демократического возрождения, Киев:*

— У меня вопрос о примирении с Западом и Украиной. Каким образом и какие шаги необходимо сделать России для примирения при условии, что Украина не изменит своего отношения к ситуации в Крыму и в Донбассе?

Анатолий Адамишин:

— Начну с того, что, к сожалению, двадцать три года для российско-украинских отношений были провальными. Все-таки Украиной надо было заниматься серьезнее и не так, как это делали российские политики. Думаю, процесс примирения с Украиной будет долгим и болезненным. Первое, что сейчас требуется, естественно, — сделать все, чтобы прекратить войну. Конечно, у американцев другая концепция: мир под бомбами. То есть вы бомбите и одновременно ведете разговор о мире. Американская рука чувствует в том, что происходит на востоке. Во-вторых, нужно зализывать раны войны. Всячески. Принимать людей к себе, пытаться восстановить отношения на человеческом уровне. К сожалению, есть США — единственный игрок, не заинтересованный в стабилизации. Единственный, кто получает серьезные выгоды от происходящего на Украине: тут и прихватывание Европы, и демонстрация того, кто в лавке хозяин, и наказание России. Думаю, есть экономическая выгода, связанная, например, с необходимостью НАТО вооружаться, а вооружение в значительной степени закупается в США. Или возьмем знаменитую историю с газом. Если вытеснить Россию с ее газом, то сланцевый газ из Штатов там найдет более легкое применение. Европейцам он встает дороже, но американцев это мало заботит. Так что сейчас нам нужно зализать нанесенные раны и там, где возможно, идти навстречу украинским пожеланиям, в том числе в области экономики. Думаю, ассоциация Украины с Европейским союзом совместима с зоной свободной торговли с СНГ или Таможенным союзом. В конце концов, наша позиция по Украине всегда

была такой: в НАТО — нет, в Европейский союз — пожалуйста, с учетом некоторых условий. И последнее: надо обязательно пересмотреть риторику по украинской теме, она просто смертельна для отношений между странами. Зачем такое злорадство, я понять не могу. Украина свой выбор сделала, надо с ним смириться и постараться извлечь из него что-то хорошее.

Константин Островский, *юрист Transparency Intl, Калининградская область*:

— Анатолий Леонидович, мы прекрасно помним, как российское общество требовало присоединения Крыма. Как вы думаете, почему внешняя политика России в отношении востока Украины перестала отвечать внутренним запросам российского общества, что повлияло?

Анатолий Адамишин:

— Мне кажется, общество в этом вопросе неоднородно. Малоподготовленная часть общества, может быть, и настроена несколько шовинистически, поскольку сейчас в России националистический угар. Но я думаю, многие люди считают, что нам не надо туда лезть. И потом, наверное, надо понимать, что там ловушка. Если мы влезем, будет тяжело.

Эдуард Амиров, *заместитель председателя первичной профсоюзной организации «Башкирская содовая компания», Республика Башкортостан*:

— Ваш заокеанский коллега, американский политик Пол Крэг Робертс работал помощником министра финансов в правительстве Рейгана, когда вы работали у Горбачева. Он, наоборот, утверждает, что США делает неосторожные шаги и нарушает договоренности, которые администрация Рейгана дала Горбачеву. Вы как свидетель скажите: перед тем как Советский Союз все-таки развалили, знали ли вы об этих американских обещаниях, как они были сформулированы, письменно или по-джентельменски устно? Спасибо.

Анатолий Адамишин:

— Я провел собственное расследование по этому поводу и убежден, что Бейкер предложил Горбачеву очень ясную сделку, а именно: американские интересы в Европе обеспечивает НАТО, если Германия останется вне НАТО, наши интересы не будут обеспечены, но мы понимаем ваши интересы и считаем, что если Германия будет в НАТО, НАТО ни на дюйм не продвинется к востоку. Это была совершенно четко выраженная сделка. Была ли она оформлена? Нет, не была. В том числе и потому, что мы до последнего были за то, чтобы Германии в НАТО не было. А если у тебя позиция «Германия не в НАТО», ты не можешь отвечать за то, что НАТО не пойдет дальше на восток. Думаю, здесь, во-первых, сыграла роль псевдолегалистская модель: если, мол, что-то не было зафиксировано, то нечего и спрашивать. А главное — по мере того как положение Советского Союза ухудшалось вплоть до полного исчезновения его с международной арены, руки западников все больше развязывались. У меня есть впечатление (хотя ругать США не в моих правилах — просто потому, что ругателей

очень много), что американская политика, говоря дворовым языком, словочная — политика империалистическая, когда весь мир хочется держать под контролем. Действительно, неприятно. Другой вопрос: если ты встречаешь, условно, бандита, что делать? Обязательно скручивать его, что ли? Вот я однажды прочел у российского политолога, что миссия России — сдерживать экспансионистские устремления США. И написал ему: «Без меня». Сейчас американцы совершают, на мой взгляд, серьезную ошибку. Один мой знакомый написал, что сегодняшняя политика США написана в Китае, талибами и Ираном — действительно, все три субъекта радуются тому, что делают американцы. Они толкают нас к Китаю, раз. Они будут мешать нам сотрудничать в Афганистане, значит, талибам будет легче, два. С Ираном у нас неплохие отношения, значит, он будет заинтересован эти отношения развивать так, чтобы на него меньше давили.

И я думаю, что, как всегда, действия Америки объясняются внутренней политикой, потому что каждый политик оценивает, что ему выгоднее: наказывать Россию до конца или отпустить руку. Думаю, Обама сейчас склоняется к консервативному тренду. Самому ему терять нечего, он уже «хромая утка». Но впереди выборы, и у Демократической партии тоже. Ее потери будут возложены на него. Так что в силу внутривнутриполитических причин он больше склонен к беспардонности в некоторых поступках.

Артем Торчинский, *руководитель проектов Фонда борьбы с коррупцией, Москва:*

— Анатолий Леонидович, вы упомянули Будапешт и соглашение, согласно которому Украина отказалась от ядерного оружия в обмен на гарантии США. Насколько я знаю, такие же соглашения заключены с Японией и Южной Кореей, эти страны также отказались от ядерного оружия в обмен на ядерный зонтик США. Могут ли страны под предлогом того, что американцы не выполнили гарантий в отношении Украины, потребовать себе ядерное оружие?

Анатолий Адамишин:

— Во-первых, Будапештский меморандум не является гарантией только США. Это гарантия трех стран — США, Англии и России. Во-вторых, детали заключения соглашений с японцами и корейцами мне неизвестны, но думаю, что если они захотят приобрести ядерный статус, то столкнутся с большими сложностями. Этого ни в коем случае не захочет Китай, да и американцы вряд ли будут довольны. Расползание ядерного оружия по миру — не то, чего хотят державы, обладающие ядерным оружием. И, в-третьих, на следующий день после заключения Беловежского соглашения Кравчук сказал: теперь есть три ядерные кнопки, имея в виду Россию, Украину и Белоруссию. Украина хотела оставить ядерное оружие, поэтому так долго пришлось их уламывать и дать гарантию территориальной целостности. Но если они сейчас захотят вернуть статус ядерной державы, думаю, у них ничего не получится, в том числе из-за американцев и Западной Европы. Распространять ядерное оружие никто не хочет.

*Кшиштоф Занусси,
кинорежиссер,
Польша*

Общее благо и духовная культура*

Понятие общего блага широко обсуждается не только в англосаксонских странах. И если мы хотим понимать происходящее в общественной жизни, оценивать эффективность политиков, то должны соизмерять их действия с производством общего блага.

У этого понятия много определений. Шотландский философ Френсис Хатчесон определял в XVIII веке общее благо как «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Это можно принять, но не понятен механизм его распределения. Согласно Джону Миллсу, общественное благо — это то, что создается общими усилиями и справедливо распределяется. А вот как определяет его католическая церковь. В 1891 году в энциклике *Regum Novarum*, социальной доктрине католической церкви, Папа Лев XIII призывал государства блюсти условия справедливого распределения общественного блага как залога прогресса государства. Христианская религия ценит достоинство каждого человека и, соответственно, право всех людей, особенно слабых и уязвимых, на свою долю общего блага.

Понятие общего блага, как видим, весьма неопределенное, и его легко превратить в средство для достижения политических целей. Приведу в качестве примера цитату госпожи Клинтон, которая, возможно, станет будущим президентом США. В 2004 году, выступая перед группой спонсоров, госпожа Клинтон сказала: мы берем у вас средства, но они идут на общее благо, общие потребности и призваны приблизить людей к состоянию, которое можно назвать счастьем.

В 2000 году, в Гданьске, городе, где фактически началась Вторая мировая война и где был положен конец польскому коммунизму, мы проголосовали за Хартию основных прав человека. В главе, посвященной обязан-

* Публикация подготовлена на основе выступления автора на семинаре Школы в Голицыно 30 июля 2014 г.

ностям и ответственности, речь шла и об общем благе как стремлении предоставить как можно большему количеству людей как можно больше индивидуальных прав и свобод.

И все-таки, что такое — общее благо? Экономисты считают, что это экономический рост. Что по мере экономического роста люди становятся более счастливыми и удовлетворенными, а общество — более стабильным. Но вспомним и подумаем, к какому времени можно отнести понятие экономического роста. Многие цивилизации — египетская, вавилонская, индийская, китайская, цивилизация майя — были экономически стабильными и не росли в современном понимании. В частности, экономика Египта в течение тысячи лет своего существования оставалась стабильной. И лишь в последние 700–800 лет понятие экономического роста приложимо к развитию Европы. Да, возможно, этот рост отвечает общим интересам, дает человеку невероятные возможности. Мы открыли электричество, атомную энергию и так далее. Все это означает, что мы не голодаем, не замерзаем, легко передвигаемся из пункта А в пункт Б, получаем информацию, обмениваемся ею и проч. Стремясь повысить качество жизни, человечество все время создает новое.

Но как бывший физик я хотел бы заметить, что политики и социологи не всегда воспринимают действительность в нужных цветах. Экономический рост — не совсем объективный и не единственный показатель общего блага. В конце концов, понимая, что всякий ресурс ограничен, мы должны выбирать между тем, чтобы «иметь», и тем, чтобы «быть». Чаще всего мы выбираем первое. И тут перед человечеством встает дилемма, потому что основная проблема в том, как человечество выживет, до бесконечности наращивая потребление.

Мы живем в опасности на этой планете. Планета проживет и без нас, и, может

быть, без нас проживет лучше. В отдаленной перспективе человечество вымрет — возможно, причиной этого будут катаклизмы, на которые мы не сможем повлиять, или мы сами приблизим конец, развязав мировую войну. Мы живем в мире, который сами создали, не в естественной среде, а в рукотворной. В Москве на одном из мастер-классов мои студенты пошутили. Среди них был очень богатый молодой человек, уже довольно пьяный. Они его еще немного подпоили, так что он вообще отключился, посадили в клетку, отвезли в зоопарк и поставили рядом табличку «Homo sapiens» с подробностями: сколько он ест, сколько пьет, сколько живет. Перед клеткой водрузили видеокамеру. Проснувшись, парень, естественно, очень удивился, почему слева от него шимпанзе, а справа орангутан. Я вижу этот случай как метафору того, во что мы можем превратиться, если не включим разум. Может быть, нам найти политика, который будет создавать проблемы, чтобы мы не деградировали, чтобы работали над собой. А то ведь в нашем обществе, где нет запретов, мы хотим потреблять и потреблять, по нарастающей. И никаких барьеров нет, мы не ставим себе ограничений. Об этом сегодня предпочитают поменьше говорить, хотя мы наблюдаем природу человека в новых условиях и ее надо заново определить. Меня, например, защищает культура, которую мне передали деды. В моей семье считалось дурным вкусом ездить на дорогой машине в бедной стране. Мой дядя был врачом, очень богатым человеком, но не показывал своего богатства, потому что считал это дурным тоном. Демонстрация достатка — манера быстро разбогатевших, но малокультурных людей.

Итак, вернусь к понятию общего блага: его определяют как большое благо для большего числа людей. Но какой должна быть стратегия развития человечества, чтобы мы действительно росли и развива-

Вали Экспорт. Скорбное ожидание. 1976

лись? Думаю, что экономисты узко понимают развитие, говоря только о материальном росте, имеем ли мы право не думать о духовном росте? Существуют некие показатели именно духовного роста. Подчеркиваю: не в сфере искусства, которое есть лишь часть общей культуры, а в сфере культуры человека. Противоположность культуре — это нечто звериное, грубое, пошлое, вульгарное и кроваво-жадное, одним словом, варварство.

Общее благо — это правовая форма признания и реализации индивидуальных благ по принципу формального равенства. Благо (индивидуальное и общее)

включает в себя различные интересы, притязания, воли различных субъектов (физических и юридических лиц) лишь в той мере, в какой они соответствуют общей правовой норме, отвечают единым критериям правовых запретов и дозволений в рамках общего правопорядка.

Когда мы думаем о программах социального развития, не следует забывать, повторяю, о том, в какой мере они способствуют духовному развитию. Социальная программа, не ставящая целью духовное развитие, никудашная. Понятие демократического общества подразумевает как материальный, так и духовный рост. Матери-

альный обеспечивается в силу того, что в условиях демократических свобод, при существовании оппозиции и права людей на несогласие с чем-то и выражение собственного мнения, возможна конкуренция. Очевидно, что справедливая конкуренция подразумевает справедливые правила игры. Вспомним историю азиатских «тигров». Возьмем, например, Тайвань или Южную Корею. Очевидно, что в определенный исторический период там произошли демократические преобразования, что привело к улучшению условий для роста. Схожие перемены произошли в Польше. Как выглядит в этой связи Россия? Когда Петр Великий, начал в России технологическую модернизацию, он не сделал ничего для реформирования менталитета российского общества. Разве что заставил бояр сбрить бороды, что, в общем-то, было безусловным унижением. Объяснить отставание России от развитых стран (в 1914 году Россия отставала от передовых европейских стран примерно на пятьдесят лет) после огромного, но достаточно краткого технологического рывка можно тем, что изменения в социальной, политической и духовной жизни не поспевали за технологическим развитием.

Для западного мира Вторая мировая война была временем полной переориентации. Само понятие территории утратило свое прежнее значение. Все империи — Испания, Португалия, Голландия, Англия — с большими муками и трудностями растеряли свои колонии. Франция, в частности, потеряла Алжир, в котором три миллиона французов считали эту территорию своей. Я не соглашусь с вашим президентом, что распад Советского Союза был бедствием. Мое смиренное мнение, мнение художника, заключается в том, что для России это было положительное событие.

Я принимал как-то участие в дискуссии, где один из ваших важных депутатов ска-

зал, что Европа России не нужна и что вместо СССР будет создано некое евро-азиатское пространство. Нам всем понятно, что такое европейская уния, Европейский союз, потому что мы со Средних веков мечтали о том, что христианские страны не будут друг с другом воевать и что мы будем объединены общими идеалами. Потом грешный человек не выдержал и убил другого человека, западные крестоносцы убивали византийских, вообще в Европе было слишком много войн, все это было. Но идеал мы сохранили. И сегодня Евросоюз стоит на фундаменте ценностей, которые выросли из иудеохристианства. Все права человека, права индивидуума выросли из традиции. Вот я и спрашиваю: если сегодня создается евро-азиатская уния с мусульманскими, буддийскими странами, то что для этой унии послужит объединяющим началом? Мне ответили, что им будет память о Советском Союзе. Поверьте, я не рад такому ответу.

Основной вопрос, стоящий перед нами многие столетия: как строить благоденствие, чтобы все большее количество людей могло пожинать плоды не только материальной, но и духовной культуры?

В упомянутой мною Гданьской хартии есть очень важная идея: «человек должен стремиться обеспечить другим людям свободу и развивать понимание собственной ответственности». Важны также солидарность граждан, сплоченность общества. Ничего не выйдет, если не обращать внимания на духовное пространство общества, присутствие в нем эстетики, красоты. Особую ответственность за присутствие красоты в общественной жизни несут ученые и люди искусства. Под красотой я подразумеваю не сентиментальную слащавую похлебку поп-культуры, я говорю о красоте поступков, о великодушии в действиях. Чем больше людей великодушных, тем прекраснее наше общество. Вообще,

понятие красоты я отношу к области этики: красивые поступки так же красивы, как красива природа и произведения искусства. Если мы об этом забываем, то обедняем настоящую красоту, к которой отношу добро и правду.

Важным для себя я считаю воспитание отношения к правде. Тут у моего поколения были особенно большие проблемы семьдесят лет назад. Во время войны родители говорили: «Правда — это хорошо. Но не говори правды, когда немецкий солдат стучит в дверь и спрашивает, кто есть дома. Отвечай, что никого нет». И добрый мальчик врал. Этому надо было учиться. Когда я пошел в школу, отец подозвал меня, и у нас был трудный разговор. Он сказал: «Учителя физики, химии, математики будут говорить правду. Ты смотри, слушай и учись. А то, что ты узнаешь на уроках истории, литературы, географии, запомни и расскажи нам. Правду узнаешь от нас, а в школе тебя обманывают».

По линии отца мое происхождение итальянское, предки были архитекторами, строителями. Я тоже должен был стать архитектором и даже готовился к экзамену. Но отец показал мне известный подарок Сталина — Дворец культуры и науки в Варшаве в стиле соцреализма и подробно объяснил: надо быть темным человеком, чтобы создать такие пропорции, это не искусство, это подчинение его идеологии. Я решил учиться на физика, чтобы быть подальше от всего этого.

Коммунистическая идеология пришла к нам на танках и всегда считалась чужой. В 80-е годы среди актеров, как и во всем обществе, наметился раскол: члены партии не хотели играть на одной сцене и в одном театре с беспартийными. И зрители прекрасно знали, кто перед ними выступает. Для актера любовь публики важнее всего. И если власть благоволит артисту, любви зрителей она подарить не

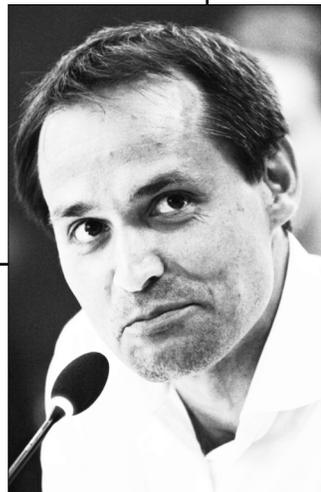
может. Принять от власти какие-то блага было позорно.

Надо сказать, что для нас в 80-е годы гораздо важнее было сидеть за столом и разговаривать, чем принимать участие в демонстрациях. Были такие семинары. Мы уже тогда обдумывали, какие законы нам нужны, и несколько таких законов подготовили еще до падения коммунизма. Они потом сразу были введены. Закон о самоуправлении в Польше кажется очень удачным, потому что обязывает местную власть отвечать перед местными жителями. И это хорошо чувствуется: если у меня в деревне проблема, мне не нужно звонить в министерство, потому что там сделать ничего не смогут. Но если я позвоню начальнику деревни, он сразу скажет, когда появятся деньги на решение проблемы.

Многое нам не удалось. Не думайте, что Польша — это рай на земле. Абсолютно не так. Политическая и духовная ситуация в Польше меня очень тревожит. Но нам удалось подготовить кадры. В 1989 году произошла смена кадров: на главных постах оказались люди, которым в прошлом приходилось быть в подполье, и они лучше работали, чем прежние чиновники, исполнявшие свои обязанности формально, лишь бы угодить начальству. Хороший чиновник должен быть способен противостоять некомпетентному напору политической власти, думая о благе общества.

У меня нет никакого сомнения в том, что такие ценности, как благо, универсальны. Но они находят разное выражение в разных обществах и в разный исторический период. Если мы говорим о демократии, то она иначе выглядит в Сингапуре или в Токио, нежели, скажем, в Соединенных Штатах. И европейские демократии тоже отличаются: демократия в Норвегии не совсем похожа на демократию в Польше. И это нормально, что мы от нее не отказываемся.

Социальное доверие: условия и вызовы

*Дэг Воллебек,
научный сотрудник
Института
социальных исследований
(Норвегия)*

Когда я жил в России, много времени за рулем проводил в пробках. Езда по Москве для меня стала культурным шоком: в момент поворота на перекрестке водители стараются протиснуться так далеко, как это возможно, даже если уже горит красный. А если замешкаешься или будешь ждать, когда перекресток освободится, стоящие сзади начнут сигналить, требуя продвижения. В конечном итоге перекрестные автомобильные потоки смыкаются, и движение полностью останавливается. В Норвегии в подобной ситуации водители не тронутся с места, пока не убедятся, что перекресток свободен. У нас поведение на дороге предсказуемо, потому что подчиняется правилам. Вряд ли разница в стиле вождения говорит о каком-то моральном превосходстве норвежцев. Манера вождения в Москве хорошо иллюстрирует понятие *социальной ловушки*: все субъекты ведут себя рационально, но эгоистично, делая невозможным коллективное действие. В результате проигрывают все. Должен сказать, мне потребовалось немного времени, чтобы привыкнуть к московскому трафику, и я в конце концов выучил здешние обычаи, которых, основных, оказалось два. Первое: самая большая машина проезжает первой и только потом едут остальные. Второе: все правила необязательны, точнее, правил нет вообще. Проблемы возникли, когда я вернулся в Осло и пришлось заново привыкать к законопослушному и спокойному движению на дорогах. В другой раз культурный шок я испытал, когда совершал покупки в магазине «ИКЕА». В Норвегии мы обычно сами сканируем товары, платим и уходим. В Москве мои покупки сканировали сотрудники магазина, а на выходе еще один человек проверял по чеку, не прихватил ли я лишнего. Понятно, что мои примеры носят скорее карикатурный характер, однако они демонстрируют фундаментальные различия в системах убеждений жителей двух наших стран. В моей стране люди предпочитают доверять другим людям. В России принято быть осторожным в обще-

нии с незнакомыми людьми. Общества в наших странах организованы по-разному именно на основе этих различий. Уровень доверия определяет их институциональные и структурные особенности, и когда доверия недостаточно, интересы сплетаются в клубок, который сложно распутать. В России показатели социального доверия не особенно низкие — около 30%. Но если в Европе социальные обзоры показывают рост уровня доверия с 2006 по 2012 год, то в России положительной динамики нет.

Сегодня научный мир и политика проявляют больший интерес к феномену социального доверия. Его рассматривают либо как средство избавления общества от всех болезней, такую волшебную палочку, либо как средство достижения политического успеха. Подчеркну, что здесь и далее буду иметь в виду обобщенное среднестатистическое доверие. Мои шведские коллеги различают холодное, или осознанное, доверие и спонтанное, или слепое, доверие. Исследователь К. Ньютон использует другую терминологию, выделяя узкое и широкое доверие. Существует также разница между межличностным социальным доверием и доверием межинституциональным. Причем их корреляция отнюдь не очевидна. В Южной Европе, например, корреляция между двумя типами доверия отрицательная: либо вы верите властям, либо вы верите людям. В скандинавском контексте государство и общество плотно взаимосвязаны, поэтому корреляция между социальным и институциональным доверием очень сильна. Люди верят друг другу и доверяют государству. Россия находится где-то посередине между крайними точками.

Норвежская газета «Афтенпостен» утверждает, что из всех европейцев норвежцы — самые наивные. Конечно, доля истины в этом есть. Когда я приехал в Москву, был здесь одним из самых наивных водителей, действуя не совсем умно. Но если в бытовом смысле мы рассматриваем излишнее доверие как наивность, то для науки социальное доверие — актив, а не пассив*. Американский социолог Джеймс Коулман аргументированно доказывает, что доверие является важным элементом *социального капитала*. Используя доверие как ресурс, люди могут налаживать сотрудничество друг с другом, не опасаясь попасть в социальную ловушку. Американский политолог Роберт Патнэм рассматривает доверие как социальный капитал целых наций и документально доказывает, что это очень хрупкий ресурс. Концепция Патнэма нашла продолжение в эмпирических исследованиях разных научных направлений. Экономисты, например, связывают уровень доверия с динамикой экономического роста: при более эффективном (доверительном) сотрудничестве мы сокращаем транзакционные издержки и, соответственно, экономим на ресурсах, которые раньше тратили на контроль действий партнеров, контрагентов и пр. Социальная медицина изучает, насколько более эффективно работает человеческий организм в условиях, когда люди доверяют друг другу, что, в свою очередь, отражается на качестве жизни и качестве управления. Шведский экономист, живущий в США, Андерс Ослунд назвал доверие «куриным бульоном социальной

* См. подробнее: Роберт Патнэм. *Чтобы демократия сработала*. Пер. с англ. А. Захарова. — М.: Ad Marginem, 1996; Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. — New York: Simon & Schuster, 2000.

жизни». Подобно волшебной палочке, доверие создает огромные возможности для улучшения жизни общества и поэтому является исключительно привлекательным политическим механизмом.

Итак, мы рассматриваем доверие как социальный актив, и актив очень хрупкий. Скажем, в США уровень доверия снижался начиная с 60-х годов, со времени начала войны во Вьетнаме. Роберт Патнэм пытался объяснить эрозию доверия без учета таких факторов, как растущее социальное неравенство, политическая нестабильность. В снижении уровня социального доверия он обвинил телевидение. Об этом он рассуждает в книге «Боулинг в одиночку»: поглощенные ТВ люди становятся изолированными, теряют социальные навыки и выпадают из коллективной деятельности. Вообще социальное доверие изменяется довольно медленно, однако опыт США показывает, что при определенных условиях оно может исчезнуть мгновенно по историческим меркам, в течение нескольких десятилетий. Причем, по мнению Роберта Патнэма, изменения происходят на уровне индивидуального сознания.

Эмпирические исследования социального доверия тем не менее пошли по пути изучения не индивидуальных, а структурных его характеристик. Выяснилось, что важную роль в его формировании играет уровень развития в стране правовых институтов и институтов гражданского общества. Французские экономисты Ян Алган и Пьер Каюк в своем исследовании, опубликованном в журнале *American Economic Review*, сопоставили уровни доверия эмигрантов в разных странах. Обнаружилось, что американцы скандинавского происхождения даже в четвертом поколении показывают больший уровень доверия, чем американцы нескандинавского происхождения. Это значит, что социальное доверие в сознании людей устойчиво и имеет глубокие исторические корни. Историческое развитие Скандинавии со времен викингов благоприятствовало формированию высокого уровня доверия в обществе. В Скандинавии рано развилась судебная система, заменившая в XI веке языческое «право». Ранний индивидуализм усилился благодаря протестантской реформации, которая подчеркивала ответственность человека перед Богом. Государства с протестантским наследием и сегодня демонстрируют более высокий уровень доверия. Реформация поощряла развитие грамоты и письма, что способствовало широкому народному активизму и учреждению сильного гражданского общества во время мирной демократизации Скандинавских стран в XIX веке. Одновременно лютеранская церковь подчеркивала роль государства и короля как гаранта общего благосостояния. Все эти факторы повлияли на развитие современного социального государства. Сегодняшняя Скандинавия представляет собой общество активных людей, которые требуют от власти отчета. Общественные организации выполняют функцию посредника между политической системой и гражданами. Вообще, деятельность НКО и гражданского общества — обязательное условие для создания в стране культуры высокого доверия. Один из моих любимых историков описывал Скандинавские страны как «общество союза между государством и отдельными гражданами, которые освобождаются от уз зависимости».

Другой фактор, влияющий на уровень социального доверия в обществе, — чувство общности судьбы. Это понятие ввел в обиход профессор Эрик

Усланер*, подразумевая под ним корреляцию между социальным неравенством и социальным доверием. Некоторые авторы полагают, что социальное доверие формирует два типа равенства — экономическое и равенство возможностей. Под первым подразумевается эффективность распределения ресурсов в обществе, понимание людьми логики экономического прогресса и перспектив собственного будущего. Прогнозы Усланера в связи с этим довольно мрачные: он полагает, что доверие не укоренится в обществе, где нет двух указанных типов равенства, поскольку у людей в таком обществе будет отсутствовать чувство общности судьбы.

Доверие подразумевает веру в то, что другие принадлежат к вашему нравственному сообществу, говорит Эрик Усланер. Но кого мы включаем в свое нравственное сообщество? С кем делим ощущение общей судьбы не только в социоэкономическом понимании, но и культурном? В эпоху глобализации и массовой иммиграции Европа становится мультикультурной. Вряд ли быстрая трансформация этнического состава от однородного к мультиэтническому возможна без падения уровня социального доверия, но и национальная однородность — недостаточная причина высокого социального доверия. В мире много примеров однородных обществ с низким уровнем доверия. Тем не менее высокий уровень однородности может быть важным условием доверительности. Роберт Патнэм полагает, что люди склонны прятаться в собственном этническом панцире. Эмпирические данные весьма противоречивы: в целом уровень общего доверия не слишком связан с этническим разнообразием, но данные исследований в малых сообществах, муниципалитетах или местных общинах показывают сильную их взаимосвязь. Объяснить это можно двояко: во-первых, люди не думают об иммигрантах, когда отвечают на вопрос об общем доверии; во-вторых, социальное доверие относится к универсальным ценностям, которые формируются в детстве и остаются с человеком на протяжении всей жизни. Высокий уровень доверия в Норвегии или Дании, например, развился как следствие эпохи благополучия задолго до начала массовой иммиграции. Тем не менее растущая миграция, уверен, повлияет на уровень доверия в Норвегии. В последние 30 лет тенденция была положительной, поэтому многие смотрят в будущее с оптимизмом. Но я не уверен, что, отвечая на вопросы о доверии, большинство людей вспоминают об иммигрантах. В Швеции есть иммигрантские районы с очень слабым уровнем доверия между соседями, особенно там, где развито чувство несправедливости, царят предрассудки.

Тенденция к сегрегации в Скандинавских странах действительно вызывает беспокойство. Изоляция, отсутствие контактов между группами, предрассудки — все это рецепт катастрофы. Данные о растущей безработице говорят, что ситуация ухудшается. В Норвегии мы, наверное, преуспели чуть больше, чем в Швеции: инвестировали в развитие сообществ именно в иммигрантских районах, выстроили специальную систему общего государственного образования. Наверное, слишком оптимистично думать, что мы добьемся социальной спаянности, во всяком случае, при жизни моего

* *Uslaner, Eric M. The Moral Foundations of Trust. — Cambridge, 2002.*

поколения, но, возможно, наши дети смогут доверять друг другу больше и больше взаимодействовать. Поэтому сохранение интегрирующих институтов очень важно. В Швеции, в Стокгольме, треть детей получают образование в частных школах, что, конечно, является отступлением от социалистических принципов. Уверен, что переход только к частному образованию чреват негативными последствиями. Нам необходимо всячески противодействовать сегрегации институтов по этническому признаку для поддержания в будущем социальной сплоченности.

В решении проблемы избыточной иммиграции можно двигаться по пути, например, Саудовской Аравии. К тому же экономика Скандинавии имеет схожие черты с некоторыми государствами Персидского залива: привилегированная группа местных, распоряжающаяся нефтяными богатствами, не заинтересована в том, чтобы вновь прибывающие в страну получали гражданство и претендовали на часть ренты. Одна из норвежских коалиционных политических партий уже говорит об избыточной иммиграции и необходимости ее ограничения. В настоящий момент никаких корректировок в политике Норвегии, связанных с иммиграцией, мы не видим. Но в будущем, по мере роста потоков приезжих и увеличения социального напряжения, вопрос об иммиграционной политике может стать самым важным политическим вопросом. Не будем делать вид, будто такой проблемы не существует.

Противостоять потокам иммигрантов невозможно, всякие подобные попытки проваливаются. В результате в обществе развиваются отдельные субкультуры, изолированные этнические анклавные с особыми социально-экономическими условиями проживания. В подобном обществе люди между собой не пересекаются, и, значит, ощущение общности судьбы для них невозможно. Как выработать общую постнациональную идентичность в обществе, где приезжие из других стран составляют половину или большую часть населения? Необходимо прежде всего не бояться использовать в отношении себя понятие «национальная принадлежность» и не допускать сегрегации институтов по национальному признаку. И, конечно, тут нужны совместные усилия государства и гражданского общества.

На уровень доверия в обществе, безусловно, влияет уровень коррупции. Будучи актом узурпации, коррупция разрушает доверие. Политолог Б. Ротстайн делится интересным наблюдением: в обществе всеобщего благодеяния потенциал коррупции тем выше, чем больше функций у государственных чиновников. Э. Усланер и Б. Ротстайн говорят о порочном круге: экономическое неравенство и низкий уровень доверия провоцируют коррупцию, которая, в свою очередь, влияет на рост неравенства и недоверия. При этом авторы критически оценивают роль добровольных ассоциаций и гражданского общества в борьбе с коррупцией, возлагая эту задачу на государственные институты. Лично я с институциональным подходом согласен. Однако если мы при этом будем отрицать роль добровольных организаций, то выплеснем вместе с водой младенца. В одной из своих работ я использовал данные Европейской социальной службы, изучая влияние индивидуальной организационной деятельности на уровень общего доверия. Прямой зависимости не обнаружилось. Однако мы видим иную картину, если исследуем это влияние, расширяя масштаб сопоставления до рай-

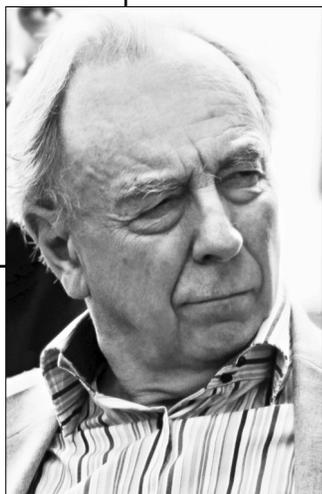
Марина Абрамович/Улай. *Любовная связь*. 1977

онов и регионов: чем больше людей вовлечены в деятельность общественных организаций, тем выше уровень социального доверия. Полагаю, что именно организации гражданского общества сохраняют и *институционализируют* уровень доверия, а не порождают его. Общественные организации влияют на уровень социального доверия не потому, что вовлекают людей в коммуникацию, а потому, что представляют собой инфраструктуру коллективного действия, доказывают рациональность, доступность и полезность кооперации и сотрудничества. В обществе с плотной сетью добровольных ассоциаций развивается культура коллективного решения проблем. Здесь применим термин, который в переводе с норвежского означает «избранный представитель», «некто, кто был избран и заслуживает доверия». Кроме того, вне гражданского общества и гражданского контроля правительственные учреждения и государственные институты не обладают должным уровнем легитимности и не являются вполне эффективными. Страны с наиболее высоким уровнем доверия подразумевают такую модель общественного устройства, где развито посредничество между гражданами и политической системой, развита система гражданского надзора. Я не готов сделать однозначный вывод об абсолютной причинно-следственной связи между уровнем доверия и гражданской моделью общественного устройства, но сильное гражданское общество — это одновременно и результат культуры доверия, и ее основа.

Можно ли выбраться из социальной ловушки, когда в обществе нет традиции доверия, нет правовой культуры, нет гражданской активности и нет равенства? Вопрос чрезвычайно сложный. Предположу, что в таком случае нужно одновременно развивать разные сегменты общественного устройства, начать сразу со всех сторон: снижать уровень коррупции и социального неравенства, строить гражданское общество.

Понятно, что хорошо иметь ресурс, такой как доверие, который снижает общие транзакционные издержки, облегчает сотрудничество и повышает уровень жизни. Но всегда ли это хорошо? Я уже говорил, что Скандинавские страны относятся к числу обществ с высоким уровнем доверия. Скандинавию часто называют системой дружелюбных государств. И в известном смысле опыт Скандинавских стран показывает, в какой мере демократизация основана на общенародном движении. После террористического акта 22 июля 2011 года, приведшего к гибели 77 человек, норвежский премьер-министр произнес, на мой взгляд, фундаментально важную речь, в которой призвал граждан к большей открытости. При этом наблюдатели отметили неконфликтную интонацию премьер-министра. Однако в течение года после теракта были введены драконовские методы, позволившие правительству ввести беспрецедентный контроль за повседневной жизнью граждан. Безусловно, доверие к правительству было подорвано. Парадоксально, но большинство из тех, кто доверял правительству, поддержали жесткие нормы государственного контроля. Поэтому, конечно, существует риск, что доверие может сделать нас немыми и мыслящими некритично, и тогда оно становится нашим врагом.

Закончить мне хотелось бы предостережением. С политической точки зрения доверие — такое магическое зелье, которым всякий пытается завладеть. Левое политическое крыло, заинтересованное в социальном равенстве, декларирует, что неравенство ведет к росту коррупции, снижению уровня доверия и т.д. Истоки норвежской культуры доверия, с точки зрения левых, основаны на обществе социального благоденствия и щедрых социальных инвестициях государства. Поэтому левые предпочитают говорить о сильных государственных институтах, ощущении общности судьбы, социальной сплоченности, но умалчивают о нарастании иммиграционной нагрузки и культурных противоречий. Консерваторы и правые, напротив, ратуют за такую политику доверия, когда государство устраняется и оставляет граждан наедине с собой. Поэтому выводы правых в дискуссиях о доверии диаметрально противоположны выводам левых. В частности, консерваторы и правые сосредоточены на исторических и культурных аспектах доверия, выступают за сохранение Норвегии как этнически однородной страны, поскольку растущая иммиграция сделает невозможным сохранение культуры доверия. Можно сказать, что те и другие правы и неправы одновременно. Хорошо, конечно, что политики заботятся о том, в какой мере их решения воздействуют на уровень социального доверия. Но меня глубоко тревожит то, как развивается политическая риторика: часто она подразумевает, что люди подобны друг другу. А значит, политики начинают искать универсальные рецепты успешного общества. Однако сколько бы мне ни нравилось верить людям, я не уверен, что хотел бы жить в утопии.

*Джеффри Хоскинг,
профессор Лондонского
университета,
почетный доктор
Института российской
истории РАН*

О кризисе гражданского общества в Британии

Если одним словом охарактеризовать суть гражданского общества, то я употребил бы слово «доверие», так как важно, чтобы граждане доверяли государственным институтам. Между тем не так давно, 13 июля 2014 года, политический обозреватель газеты Observer Эндрю Ронслей написал в одной из своих статей, что британская публика потеряла доверие не только к банкирам, но и к врачам, полицейским, священникам, газетам, компании «Би-би-си», национальной разведке и прежде всего к политикам.

Могут ли в таком случае, задает автор вопрос, приниматься осмысленные политические решения, если люди никому не доверяют? Обратимся к предпосылкам общественного доверия и посмотрим, в каком состоянии они находятся сегодня в Британии.

Закон и правовое государство. Ясно, что закон и его исполнение, то есть правопорядок, необходимая основа социальной стабильности и общественного доверия в любой стране. Именно правовая система дает людям уверенность, что конфликты можно разрешить мирным путем. Как очевидно и то, что ключевую роль в этом играет государство. Но тут возникает парадокс: можно ли доверять государству? На мой взгляд, можно, хотя даже в условиях безупречной демократии я лично не стал бы на сто процентов доверять, например, правительству. Ведь оно состоит из обычных людей, склонных к ошибкам и к игнорированию чужих интересов. Все мы склонны к этому, но члены правительства имеют гораздо более широкие возможности для злоупотребления. Поэтому доля недоверия правительству абсолютно необходима, и поэтому же в правовом государстве одна из обязанностей парламента — обсуждение всех законопроектов, предлагаемых правительством, и контроль за его работой.

Другой ключевой институт государства и общества — судебная система, которая призвана обеспечивать соблюдение закона в повседневной жизни. Суд реализует

принцип равенства всех перед законом. Следовательно, все граждане, включая членов правительства, в равной мере отвечают перед законом.

Еще один ключевой институт — средства массовой коммуникации. Публика нуждается в объективной, правдивой информации, причем в такой форме, чтобы человек мог ее понять. Как нуждается она и в публичной дискуссии, в которой формируется общественное мнение, как об этом писал в 60-е годы Юрген Хабермас*. Поскольку без информации и открытой дискуссии публика склонна верить слухам, легко поддается манипуляции.

Сейчас в Британии эти ключевые институты под угрозой. Но прежде чем говорить об этом, обратимся к налоговой системе.

Налоги — это своеобразный членский взнос за возможность жить в приличном обществе. Справедливые и эффективные налоги — краеугольный камень гражданского общества, которое зависит от так называемого фискального договора, когда в идеале все вносят свой вклад в общее благо в зависимости от возможностей и получают в зависимости от потребностей**. Путь к этому идеалу пролегает через налоговую систему.

Конституционное государство имеет одно особое преимущество: ему гораздо легче использовать средства граждан в виде налогов. Хорошо помню, как в начале 1990-х русский инспектор налогов удивился, когда узнал, с каким успехом шведское государство собирает налоги. Он спросил своего шведского коллегу, как

это удается делать. Швед ответил, что его соотечественники платят налоги, так как верят, во-первых, что большинство сограждан делает то же самое и, во-вторых, что государство честно тратит налоги на цели, полезные обществу. На что в ответ русский инспектор сказал, что русские, наоборот, во-первых, неохотно платят налоги, так как считают, что многие их вообще не платят, особенно богатые, и, во-вторых, что коррумпированные политики и бизнесмены тратят большую долю полученных доходов на личные цели. К сожалению, Британия сейчас движется в эту сторону. И существенную роль играют при этом налоговые убежища***.

Налоговые убежища помогают крупным фирмам уклоняться от обязанностей по «фискальному договору», скрывая их прибыль. С этой целью фирмы создают фиктивные дочерние компании, так называемые *shell companies*.

Где находятся эти налоговые убежища? К моему стыду, многие из них в Лондонском Сити или на островах бывших колоний британской империи: Channel Islands, Cayman Islands, British Virgin Islands. Сити имеет права, полученные в Средние века, еще до появления парламента, и продолжает пользоваться ими. Другие убежища находятся в Швейцарии, в Люксембурге, в некоторых штатах США.

Налоговыми махинациями занимался и Barclays Bank. Например, известно, что в 2013 году он получил в Люксембурге прибыль в 1,4 миллиарда долларов, а заплатил в виде налогов 20 миллионов (около

* См.: J. Habermas. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. — Luchterhand, Neuwied, 1962; Юрген Хабермас. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Пер. с нем. — СПб.: Наука, 2000. — Здесь и далее прим. ред.

** Теория фискального договора, как и близкая к ней теория обмена услугами между государством и гражданами, возникла в эпоху Просвещения. Позднее, исходя из этой теории, налог стал рассматриваться как форма участия отдельных лиц в жизни общества как целого.

*** Для обозначения офшорных зон в разных странах часто используются разные термины: «налоговое убежище», «налоговая гавань» (англ. *tax haven*), «налоговый рай».

1,5%); в Британии его прибыль составила 4,9 миллиарда долларов, а заплатил он 55 миллионов (около 1%). (Для сравнения: я плачу до 40% с моих гораздо более скромных доходов.) Арабские шейхи, российские, украинские и китайские олигархи пользуются услугами офшорных убежищ, которые дают возможность не только скрывать активы от налоговых инспекторов, но и маскировать преступные операции, связанные с наркоторговлей и продажей оружия террористам. Один из российских прокуроров как-то назвал Сити «огромной прачечной», имея в виду отмыwanie денег, и, скорее всего, он прав, хотя это трудно доказать, так как офшорные деятели соблюдают мафиозную клятву о строгом молчании.

С помощью финансовых операций возникли новые «теневые банки» — хеджевые фонды и т.п., которые инвестируют деньги исключительно богатых людей. Их операции скрыты не только от публики, но и от государственных регуляторов. Они не подлежат государственному регулированию; политики не заинтересованы затруднять работу институтов, которые их обогащают. При этом теневые банки занимают колоссальные суммы, чтобы инвестировать средства и покупать фирмы: в 2000-е годы соотношение заимствованных сумм с основным капиталом (*leverage*) нередко достигало 30 к одному и даже 50 к одному. До кризиса 2008 года теневые банки искусственно раздували финансовые потоки, нисколько не заботясь об экономических и социальных последствиях своих действий. Вместе с крупными банками они пустились в рискованные операции по выпуску ценных бумаг под предполагаемые будущие поступления. Мало кто точно рассчитывал ценность этих новых активов; в основном покупатели принимали их на веру, то есть просто доверяли их создателям. Все были убеждены, что рынок хорошо оценивает риски и склонен к равновесию.

Существование налоговых убежищ помогло крупным фирмам и банкам создать настолько огромные фонды, когда банкротство одной фирмы грозило подорвать национальную экономику, и поэтому государства спешили их выручить.

Государства спасли крупные банки в 2008 году, но счет за спасение они прислали не банкам, а налогоплательщикам, прежде всего бедным и малоимущим. В частности, в Британии правительство сократило в это время социальные пособия — помощь на аренду и квартплату; в результате многие семьи были вынуждены выселяться из занимаемых ими квартир в Лондоне и других больших городах и переезжать в более бедные города, где мало работы и где они никого не знают.

Правда, в это же время появились импровизированные «банки продовольствия», благодаря которым бедные семьи могут бесплатно получить продукты, которые они не в состоянии купить. Эта проблема касается не только безработных: поскольку многие получают низкую зарплату, они тоже вынуждены прибегать к услугам банков продовольствия. Но получить еду не так просто: претендующие должны сначала обратиться в местный офис социальных пособий и получить там свидетельство, что они действительно нуждаются в помощи. Только тогда они могут получить необходимое продовольствие.

До 2010 года в случае необходимости молодые люди до 25 лет получали пособие на жилье, теперь они больше не имеют на него права и поэтому вынуждены чаще всего жить у родителей либо искать приют у друзей или родственников. Многие лишились пособия по безработице. Если раньше они получали финансовую помощь, когда проходили ремесленное обучение, то теперь вместо нее правительство создало Программу занятости, в которой участвуют частные предприниматели, получающие дотации

из госбюджета для устройства на работу молодых людей, хотя эта работа, плохо оплачиваемая, не дает возможности получить квалификацию.

Судебная система. Основной принцип правового государства — перед законом все равны, значит, все должны иметь возможность защищать себя и отстаивать свои права в суде. Бедным и даже людям среднего достатка это не по карману, так как адвокаты дороги. Поэтому до недавнего времени государство давало британцам юридическое пособие, чтобы гражданин мог в случае необходимости нанять адвоката. Сейчас это пособие сокращается, и многие люди либо отказываются от адвоката, либо сами защищают себя в суде, что делают, разумеется, неумело. Это усложняет и замедляет работу суда. Качество правосудия ухудшается. Эта мера особенно ударяет по тем, у кого случаются семейные конфликты, скажем, по женщинам с детьми после развода; по тем, кто страдает от дискриминации на работе; по мигрантам, которые должны обосновать свое право на политическое убежище. То есть вообще по слабым и беззащитным.

Сотрудник Центра законодательной помощи им. Мэри Уорд (район Кэмден, Лондон, где я живу) сообщает, что из-за сокращений пособий они сейчас вынуждены отказывать в помощи 25% просителей. Это коснулось таких категорий граждан, как:

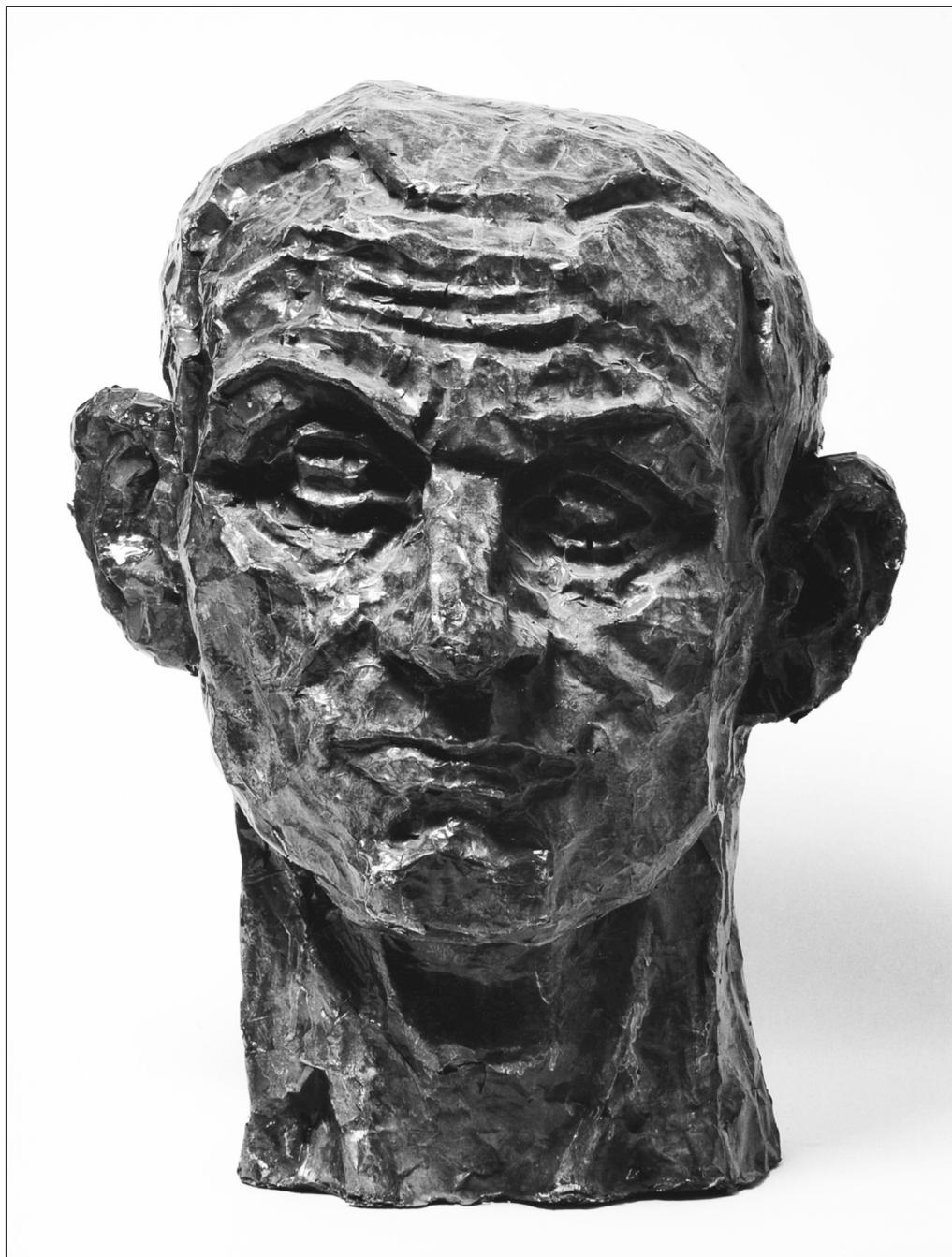
- хронически больные и инвалиды; они могут претендовать на пособие, но должны сами платить за анализы, без помощи адвоката обращаться в суд. Многие из них малообразованны и не понимают юридических терминов. Если государственные служащие совершили ошибку (что довольно часто), то таким людям трудно это доказать;
- те, кого недавно уволили с работы и не выплатили положенное пособие. Для

малоимущих это большое несчастье, и опять-таки многие из них либо нездоровы, либо плохо образованы;

- те, кому предстоит выселение из дома или квартиры. Особое возмущение вызывает при этом так называемый налог на лишнюю спальню: его платят семьи, если местные власти считают, что превышена положенная норма жилплощади. Эта мера особенно больно ударяет по инвалидам, которым лишняя спальня нужна для тех, кто ухаживает за ними. Многие из них сейчас обязаны или переехать, или найти средства платить дополнительный налог;
- иммигранты, которым грозит депортация. Как доказать, что им грозит преследование в стране, из которой они бежали, и что, следовательно, они имеют право на политическое убежище? Если они вынуждены вернуться на прежнее место жительства, как защитить права их детей, которые родились в Британии, имеют ли они право остаться и получать финансовую поддержку, образование и медицинскую помощь?

Обеднение политической жизни. Как получилось, что в демократической стране правительство может навязать населению такие неприятные и несправедливые меры?

Первая причина — ослабление политических партий. 50 лет назад у нас две главные партии имели 3 миллиона членов, сейчас их около 250 тысяч. Соответственно снизилась сумма членских взносов. А политический процесс не стал дешевле, избирательные кампании требуют огромных затрат. За 2001–2010 годы 40% доходов двух партий поступало примерно из 60 источников, то есть в основном от очень богатых людей, имеющих связи с крупными компаниями и финансовыми институтами. В 2013 году консерваторы, об этом писали газеты,

Олег Годес. Сизиф. 2011

устроили торжественный ужин, входные билеты на который стоили от 400 до 1000 фунтов стерлингов. На ужине присутствовали 10 представителей нефтяных и газовых компаний, 19 — от PR

агентств, 47 — из розничной торговли и риелторских фирм, 73 финансиста и банкира. В течение года участники ужина «подарили» консерваторам 5 миллионов фунтов стерлингов. В 2014 году на таком

же ужине жена одного русского олигарха во время аукциона приобрела за 160 000 фунтов право играть в теннис с премьер-министром Дэвидом Кэмероном.

Посредники между богатыми и политиками — лоббистские фирмы фактически не подконтрольны ни парламенту, ни обществу. Они скрывают свои источники финансирования, встречи с министрами и влиятельными чиновниками.

Лоббисты действуют разными способами, влияя на принимаемые решения: когда для парламента готовится какое-то предложение, они помогают государственным служащим собирать информацию и составлять рекомендации, разумеется, в интересах своих клиентов; распространяют в СМИ информацию, выгодную клиентам; финансируют «мозговые центры», группы научных работников и советников и т.д. и т.п.

Действует также практика «вращающихся дверей», которая помогает директорам крупных фирм становиться консультантами политических партий или правительства, а политикам, заканчивающим политическую карьеру, — директорами фирм, продолжающих использовать министерские связи и получать государственные заказы.

Классический пример из недавнего прошлого — влияние лоббистов табачной промышленности. В начале 1950-х годов в Британии медицинские исследования убедительно показывали, что курение вызывает рак легких и, следовательно, целесообразно ограничить продажу сигарет или по крайней мере их рекламу. Для табачных компаний это была смертельная угроза (не каламбур), и British American Tobacco начала кампанию защиты через лоббистские фирмы. Последние, оспаривая результаты научных исследований, утверждали, что они ненадежны, что ничего точно не доказывают, и финансировали исследователей, которые пришли к заключению, что связь между табаком и

заболеваемостью раком не установлена. А лоббисты заявили, что покупатели — взрослые люди, им надо оставить свободу выбора. Когда же было признано, что курение вызывает рак, стали говорить, что это происходит лишь в немногих случаях. И так продолжалось 50 лет, пока в 1998 году 46 американских штатов не подали на табачные компании в суд о возмещении убытков, понесенных в связи с лечением больных раком легких. В результате крупные табачные компании были вынуждены выплатить штатам около 246 миллиардов долларов, самый высокий штраф в финансовой истории.

Урок из этой истории очевиден: переиграть лоббистов можно, но борьба эта упорная и длительная. Ее можно вести, только если есть деньги и поддержка части правительственного и парламентского аппарата. И, что не менее важно, о результатах честных научных исследований должно знать общество.

Сегодня лоббисты поддерживают интересы других компаний — торгующих сахаром и алкоголем, хотя известно, что злоупотребление ими тоже грозит здоровью людей; ратуют за растущую продажу нефти, угля, газа и гербицидов, загрязняющих воздух и убивающих пчел. Фирма City UK лоббирует интересы банков и финансовых институтов; Taxpayers' Alliance лоббирует снижение налогов с коммерческих компаний; о крупном налоговом чиновнике министерства финансов Дэйве Хартнетте журналисты одно время писали, что «он чаще и роскошнее обедал за счет налогооблагаемых фирм, чем любой другой коллега в правительственном аппарате».

Сейчас всюду обсуждают проблему изменения климата. Сложные научные исследования показывают и подавляющее большинство серьезных ученых считают, что идет процесс потепления и надо переходить на неуглеродные источники энергии. Такая программа, разумеется, грозит инте-

ресам больших энергетических компаний. Их лоббисты делают все возможное, чтобы посеять сомнения в обществе относительно научных данных. В Британии этим занимается Global Warming Policy Foundation, его возглавляет бывший министр финансов, отнюдь не специалист в этой области, лорд Лоусон. В США еще более серьезные и богатые лоббисты.

Все названные организации действуют в тени, но широко пользуются услугами СМИ.

СМИ. Одно из последствий глобализации: появление межнациональных медийных баронов. Руперт Мердок, австралийский предприниматель, еще в 1970-е годы начал приобретать британские и американские газеты, сначала популистские с высокими тиражами, затем Times (1981) и в 2007 году Wall Street Journal.

Его газеты проповедуют неолиберальную экономику, сокращение государственных расходов, выход из Европейского союза и рекомендуют ограничить миграцию. Мердок влияет и на правительственные решения. В свое время Блэр, а потом Кэмерон готовы были поклоняться ему, чтобы получить поддержку его газет. Блэр стал крестным отцом его дочери и даже слетал в Австралию, чтобы прочитать там лекцию. А когда Мердок решил добавить к своим активам акции телевизионной компании BSkyB, ему содействовало правительство Кэмерона, проталкивая его заявку через Коммиссию по монополиям, которая должна мешать созданию монополий, если они вредят обществу. Но тут возникло неожиданное препятствие: газета Guardian, неподконтрольная Мердоку, опубликовала материалы, из которых следовало, что журналисты одной его газеты систематически прослушивали частные телефонные разговоры. Один такой случай — подключение к мобильнику недавно убитой гимназистки — шокировал всех. Потом оказалось, что таких случаев было множество, включая подслушивание

телефонных разговоров членов королевской семьи. И даже выяснилось, что редактор газеты давал взятки полицейским, которые должны были расследовать злоупотребления журналистов. В конце концов правительство вынуждено было отказаться от намерения усилить медийную империю Мердока. Не так давно главный редактор одной из его газет был осужден на полтора года тюремного заключения за «сговор в целях систематического нарушения конфиденциальности телефонных разговоров».

Кризис. Сегодня британское гражданское общество переживает серьезный кризис. Почему? Корень проблемы, по-моему, в том, что за последние 20–30 лет западные государства, прежде всего США и Британия, стали отказываться от своей функции финансового регулятора. Они допускали, чтобы банки предпринимали все более рискованные операции. В результате страховые общества, пенсионные фонды, сберегательные кассы для жилищного строительства стали вкладывать свои (то есть наши) деньги в фондовые рынки по всему миру. Такие рискованные операции недопустимы особенно для сберегательных касс, которым необходима предельно осторожная финансовая политика, так как они дают займы на срок до 25 лет. Банки и финансовые институты, особенно теньевые, в свою очередь, спешили им помочь, так как могли хорошо при этом заработать. Отсюда стремительная глобализация всей экономики. Рискованные операции участились и наконец раздули финансовые пузыри до такой степени, что все они в 2008 году лопнули.

И тут мы столкнулись с новой проблемой: наша экономика глобальная, а государства — национальные. Это несоответствие сказалось особенно остро в еврозоне, где международная валюта, евро, поддерживается только национальными государствами, не обладающими единой фискальной политикой. И в силу этого экономи-

чески слабые страны, пользуясь всеми преимуществами единой валюты, могли заимствовать деньги на тех же выгодных условиях, что и сильные страны. Однако, пользуясь преимуществами единой валюты, они от этого же и страдали, когда были повязаны крупными долгами, как, например, Греция, не имея собственной валюты. Они могли только максимально сократить государственные расходы, что еще сильнее подорвало уже и без того их слабую экономику. Долги не снизились, а выросли. Образовался порочный круг, из которого

выхода не видно. Еврозона блуждает в противоречиях, созданных несоответствием национальных и наднациональных структур доверия.

Одно очень опасное следствие переживаемого кризиса — усиление радикализма, в том числе неонацистских партий. Людям кажется, что какие-то зловещие силы господствуют над ними, унижают их, подрывают их экономическую жизнь. Но виноваты в этом иммигранты: они лишают их работы, получают социальные пособия, которых не заслужили, и т.д. Бесспорно, их судьбу решают не иммигранты, а международные фирмы и крупные банки. Но неонацисты требуют выдворения иммигрантов и выступают за возвращение в собственный национальный экономический «бункер» и выход из экономических союзов.

Но это только один аспект более общей проблемы. В глобальной экономике только национальные структуры управления риском не в состоянии обеспечить защиту населения, так как международный капитал молниеносно перетекает через национальные границы и крупные компании могут менять дислокацию почти так же быстро. Рискам способны противостоять факторы коллективного действия: если

вы будете действовать, то и я буду. Но никто не хочет сделать первый шаг без полной уверенности, что все другие последуют его примеру. Британское правительство, например, заявляет, что готово ввести налог на финансовые сделки, но только если все другие правительства

Без создания международных структур доверия мы будем постоянно находиться в состоянии перехода от одного кризиса к другому

поступят так же. Для принятия таких коллективных решений, казалось бы, существует G20. Но все лидеры настолько поглощены борьбой с сиюминутными кризисами, что долгосрочное планирование им не под силу. А между тем это очень важно. Без создания международных структур доверия мы будем постоянно находиться в состоянии перехода от одного кризиса к другому.

Выводы. Проблемы России и западных стран имеют много общего. 20 лет назад все ожидали, что Запад научит Россию, как построить гражданское общество. Сейчас, как мне кажется, наши проблемы все более похожи; речь все больше идет не об учении, а об обмене опытом. Проблема коррупции в России более серьезная, чем в большинстве западных стран, но и в них она тоже достаточно серьезная и имеет общие корни с российской. Лондонский Сити — один из главных рассадников коррупции в мире. И мы должны обмениваться опытом, как с этим бороться.

Гражданское общество не просто цель, к которой мы стремимся. Это постоянный процесс. Борьба за более справедливое общество никогда не прекращается, она продолжается.

*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
и политологического
образования Института
социологии РАН*

Гражданское образование и свобода

Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода».

Шарль Луи де Монтескье
О духе законов, 1748 г.

Этот очерк не столько о свободе и ее принципах и тем более не о ее сторонниках и противниках. Он скорее о том, каким образом и почему вдруг вокруг современного дискурса свободы родились весьма непохожие друг на друга концепции гражданского образования.

Однако вначале отважусь на утверждение, что именно свобода, а не что иное, выступает главным объектом заботы и внимания всякого гражданского образования. И это совершенно не удивительно, поскольку свобода прилагается ко всем сферам человеческой жизни и всем общечеловеческим ценностям. Стремясь к максимальному раскрытию ее в интеллекте и поведении подрастающих поколений, педагоги неизменно сталкиваются с невероятными сложностями «прагматики» свободы, вызванных разночтениями и богатой фантазией мыслителей последних нескольких столетий. А этого так не любит гражданская дидактика в целом и, конечно же, школьный учитель, ожидающий недвусмысленных программ и методик.

Впрочем, я не исключаю, что именно благодаря различию в концептуальных подходах «свобода» в сочетании с такими эпитетами, как «индивидуальная», «политическая» и «гражданская», со времени раннего Просвещения была и поныне остается одним из главных предметов западной философской, политической и педагогической мысли. Ее сложная природа и сущность были тщательно проанализированы англичанином Джоном Локком, американцем Томасом Пейном, немцем Вильгельмом фон Гумбольдтом, французскими мыслителями Просвещения и деятелями Великой революции, а

после нее — французом Бенжаменом Констаном и в конце концов разобраны англичанином Джоном Стюартом Миллем в его знаменитом трактате «О свободе» (1859).

Философы Просвещения понимали под свободой прежде всего активное участие граждан в делах сообщества. А также — возможность человека жить и мыслить независимо, будучи ограниченным только верховенством права. Отсюда знаменитая максима Вольтера: свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов. Но как не дать ей возможности превратиться во вседозволенность? — этим вопросом задавались многие просветители. Кант искомый регулятор свободы видел только в морали (человек сам устанавливает свои внутренние законы для ограничения своего же волеизъявления). А через полвека после него Милль, в итоге длительных европейских размышлений, формулирует логическую — краткую и вполне емкую — формулу свободы как *неотъемлемого права человека распоряжаться собственной жизнью по своему усмотрению*. Однако в современных социальных обстоятельствах, по Миллю же, у свободы есть одно, но очень важное ограничение, а именно — гарантия и защита аналогичного права других людей. Милль различал поступки людей в отношении самих себя (и здесь ограничений быть не может, даже если они во вред человеку) и в отношении других, где свобода должна быть ограничена. Взаимное пересечение индивидуальных или групповых прав и их конфликт друг с другом или с государственными институтами, препятствующими их осуществлению, в либерально-правовом обществе считаются недопустимыми. Свобода одних не может выступать преградой для свободы других.

Всякого свободно мыслящего человека, придерживающегося такого понимания свободы, можно считать либералом. Равно как его оппонентов любого толка — критиками либерализма, к числу которых относятся не только традиционные консерваторы, но и анархисты, радикалы, социалисты и другие. Были в истории классической западной философии Нового времени и непримиримые борцы с либеральной трактовкой свободы, подобно Гельвецию, Руссо, Фихте, Гегелю, Сен-Симону и де Местру, если довериться экспертному мнению замечательного политического эссеиста конца прошлого столетия Исаяи Берлина. Отвергали ли они свободу как таковую? Разумеется, нет. Но они обнаруживали в ней иные смыслы, которые совершенно не стыковывались с либеральной доктриной абстрактного индивидуализма. И дело тут не в их политическом консерватизме или даже экстравагантности (как в случае с Руссо), а скорее в глубинных различиях их философско-гражданского мировоззрения. Именно эти различия в перспективе развития интеллектуальной мысли во второй половине XX века привели к возникновению и столкновению *двух версий* демократической гражданственности и, как следствие этого, *двух традиций* гражданского образования.

Позитивная и негативная свобода. Опустим длинную предысторию и сразу переместимся в XX век, когда отчетливо были артикулированы два базовых подхода в формулировании смыслов свободы в знаменитой лек-

ции И. Берлина «Две концепции свободы» (1958)*. Вторая мировая война и ее последствия, массовые жертвы, геноцид, борьба идеологий, ГУЛАГ, соревнование мир-систем, повсеместное усиление роли государства, регулирование рынка и бюрократизация буквально всех сфер жизни, борьба за права человека и широкое распространение идей равенства и социальной справедливости — все это делало классические теории свободы устаревшими, а то и «архаичными». Человек второй половины XX столетия, с одной стороны, испытывал в своей жизни все большее принуждение, но и одновременно вкушал блага государства всеобщего благосостояния. Многие стали считать, что индивидуальные свободы сокращаются, наподобие шагреновой кожи, другие, напротив, смотрели оптимистично в свое совместное свободололюбивое будущее. Эта разница в социальной оптике обществ развитого индустриализма зависела прежде всего от того, каким образом люди интерпретировали свободу и независимость.

И. Берлин утверждает, что множественность определений свободы практически полностью вобрала в себя ее два макрозначения. «Первое из этих политических значений свободы я буду называть “негативным”, и это значение подразумевается в ответе на вопрос: “Какова та область, в рамках которой субъекту — будь то человек или группа людей — разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?”. Второе значение я буду называть “позитивным”, и оно подразумевается в ответе на вопрос: “Что или кто служит источником контроля или вмешательства и заставляет человека совершать это действие, а не какое-нибудь другое, или быть таким, а не другим?”. Безусловно, это разные вопросы, хотя ответы на них могут частично совпадать»**.

Иными словами, если жизнь современного человека предполагает его личностное развитие и реализацию биографических возможностей, то *свобода от принуждения извне* (со стороны другого человека, группы лиц, организации, института) и есть главный смысл негативной свободы***. Разумеется, сторонники этого подхода прежде всего настаивают на свободе человека от государственного принуждения и предлагают удобную «математическую» формулу понимания: свободы у гражданина тем больше, чем меньше вмешательства со стороны государства. Необходимо четко ограничить рамки государственного вмешательства и не давать ему возможности расти больше установленного, ибо тем самым оно наступает на индивидуальные свободы людей, мешая им быть независимыми.

* *Berlin I. Two Concepts of Liberty / Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1969. Сокращенный русский перевод см.: Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. — М., 1998. — С. 19–43.*

** Там же, с. 19.

*** Берлин при этом уточняет, что принуждение означает «намеренное вторжение других людей в область, где в противном случае я мог бы действовать беспрепятственно».

Бенжамен Констан*, последовательный защитник свободы, переживший якобинскую диктатуру, отчетливо понимал, что пусть даже и незначительный сектор социальной жизни все же должен быть полностью закрытым для государства, иначе оно становится деспотическим. В этом секторе размещались свобода веры, убеждений, самовыражения и собственность. Очень близкие списки индивидуальных свобод вслед за ним составляли Томас Джефферсон и Джон Стюарт Милль. Все они прекрасно понимали, что абсолютной свободы быть не может и от части свободы придется отказаться, но во имя сохранения оставшейся части. Ибо если мы полностью отказываемся от свободы и соглашаемся на не ограниченное ничем принуждение, то обрекаем себя на самоуничтожение, что, собственно, и подтвердил впоследствии весь XX век.

Допустим, что нам как-то удалось функционально ограничить государство обязанностью поддержания верховенства права и безопасности. И одновременно мы понимаем, что именно государство выступает гарантом наших свобод — неприкосновенности личности и собственности, гражданских и политических прав, политического равенства и т.п. Государство способно и должно охранять в обществе не только индивидуальные свободы людей, но и другие не менее важные принципы (справедливость, равный доступ людей к общим благам и т.п.). Следовательно, одного «негативного» взгляда на свободу недостаточно. Разумеется, демократическое самоуправление, утверждает Берлин, гораздо лучше, чем любые централизованные правительства, гарантирует сохранение индивидуальных свобод, однако именно оно с еще большей ясностью ставит перед нами непростую интеллектуальную задачу наполнения коллективных свобод (как совокупности индивидуальных воль) конкретным содержанием и жизненной миссией. Ибо, конечно же, свобода «для» в современном мире куда важнее свободы «от».

Таким образом, человек должен обладать позитивной свободой, *дозволяющей ему* делать то, что он решит нужным, или думать так, как он сочтет приемлемым. Берлин считал такую свободу цивилизационно более значимой, ибо она позволяет человеку быть самому себе хозяином. Более того, пишет он: «...я рациональное существо, и мой разум отличает меня как человека от всего остального мира... я хочу воспринимать себя мыслящим, волевым, активным существом, несущим ответственность за сделанный выбор и способным оправдать его ссылкой на свои собственные убеждения и цели. Я чувствую себя свободным в той мере, в какой осознаю, что я таков, и поработанным — в той мере, в какой я вынужден признать, что я не таков»**.

Впрочем, в позитивной свободе, по Берлину, кроется большая опасность для самого человека. Власть над собой может приводить его к сознательному самоограничению, которое будет происходить от некоего общего пред-

* Б. Констан — автор одного из самых ярких опусов о сути современной свободы в сравнении со свободой древних (1819). См.: Constant B. *De la liberté chez les Modernes / Ecrits politiques*. Paris: Hachette, 1980.

** Там же, с. 27–28.

Виктор Грачев. Соприкосновение. 2007

ставления об идеале. И тут, увы, прямой мостик к практической философии «навязанного добра», ибо всегда будут находиться люди или институты, которые будут думать, что они мудрее и вправе принуждать человека к чему-либо во имя его же блага, то есть в первую очередь *принуждать его к свободе*. Но и он сам будет готов подчиниться (по собственной воле) этому коллективному «Я». Так, безусловно, заблуждаются власти и население буквально всех тоталитарных режимов прошлого и настоящего.

Индивидуалисты и коллективисты. Мы долгое время искренне заблуждались, полагая, что западному обществу свойствен индивидуализм, а советскому, напротив, — коллективизм. Как если бы одна часть развитого мира была выстроена только вокруг ценностей индивидуального прагматизма, холодного расчета и выгоды (и эту культуру мы описывали как эгоистическую и отрицательно ее окрашивали). Другую же часть мы конструировали вокруг идеи примата коллективного над личным, подчинявшей все частное общему, светлomu, добромu. Нам хотелось презентовать самих себя как единый и позитивно окрашенный мир социального альтруизма. А тех людей, кто не разделял этих взглядов, советское государство «принуждало» к добру самыми варварскими способами.

Руссо в свое время тоже считал, что законы свободы могут оказаться на проверку жестче, чем любая тирания. И имел в виду он как раз то, что все полноправные граждане участвуют в осуществлении государственной власти, а та, в свою очередь, в своих интересах может вмешиваться в любые частные сферы жизни человека. Неудивительно, что именно Руссо для советских идеологов был, пожалуй, самым почитаемым из просвещенцев. И совершенно понятно, почему он и его якобинские последователи подверглись критике со стороны европейских либералов XIX века. Милль справедливо указывал на то, что такая позитивная свобода («тирания большинства»), как он нередко именовал прямое народное самоуправление) неизбежно приводит к уничтожению последних остатков индивидуальных свобод граждан.

А ведь так и случилось около века спустя в ряде европейских стран. Тоталитарные государства только и делали, что твердили о свободе своих граждан, а по сути — поглотили целиком последние крохи их негативной свободы, но и создать нового «позитивно-свободного» человека так и не смогли. «Триумф деспотизма состоит в том, чтобы заставить рабов объявить себя свободными»*.

Со временем прояснилось, что советский человек (как и все его постсоветские разновидности) — одинокая, атомарная и плохо социализированная личность. И, похоже, не очень-то к свободе стремившаяся, судя по тому, как общественно-политически развиваются многие постсоциалистические страны.

В западном же мире человек оказался более включенным в самые разные гражданские и политические связи и структуры, чем это виделось нам со

* Constant B. *Op. cit.*, p. 34.

стороны. Наша официальная идеология мешала разглядеть в западном индивидуализме позитивный моральный окрас и ориентированность гражданина на интересы сообщества. Впрочем, из-за железного занавеса сделать это было даже физически непросто. Мы так и остались в результате наедине с мифом об «одиночке» западного образца, ковбое городских джунглей. А между тем западная культура в концепцию рационального индивидуализма успешно вложила установки и ценности автономной и одновременно ориентированной на публичную сферу личности*.

Иными словами, нигде в развитом индустриальном мире мы не находим национальных культур, основанных только на индивидуализме или коллективизме. Все находится в некоем движении и постоянном колебании от одного полюса к другому. А это значит, что спор между сторонниками позитивной и негативной свободы продолжается и вряд ли в обозримом будущем прекратится. Ведь в фундаменте их разногласий не просто различия в связи с философией свободы, а принципиальный конфликт подходов к вопросу о власти. И. Берлин метко подмечает: «Первые хотят обуздать власть, вторые — получить ее в собственные руки». Уже одного этого понимания достаточно, чтобы прочувствовать глубину разрыва между этими высшими жизненными целями, согласие или просто компромисс между которыми труднодостижимы. Равно как и невозможна культурная «победа» одних над другими. И поскольку те и другие члены одного общества, исповедуют одни и те же ценности и нормы морали, то диалог и дискуссия между ними — обязательны, а в наше время и первостепенны.

Культурную возможность такой ценностной коммуникации обеспечивает гражданское образование, открывая перед нами перспективы равноправного диалога о свободе как цели и средстве совместного существования.

Либерализм и коммунитаризм. Классики либерализма — Констан, Токвиль, Милль — не считали только демократию исключительным гарантом сохранения и тем более расширения свобод. Отвечая на вопрос, как сделать общество свободным, они придерживались не политического подхода, выделяя *права человека*, но никак не власть. Кроме того, они обрисовали границы, внутри которых гражданин неприкосновенен. И эти границы закрепили концептуально и нормативно. Ни суды, ни административная власть, ни кто-либо иной (даже под самым благовидным предлогом) не могут произвольно отменить такой порядок, принимая во внимание, что и

* В известной работе Роберта Белла и его коллег «Привычки сердца» весьма убедительно показано, что только в Америке мы можем насчитать по крайней мере четыре модели индивидуалистического образа жизни (четыре типа индивидуализма). При этом все они не противопоставляют себя ни своим локальным сообществам, ни обществу в целом. Традиционным для Америки исследователи считают «библейский индивидуализм», который, собственно, и подпитывает всю американскую «общинность». Но, спрашивается, на какой культурной основе сосуществуют прагматический, библейский и экспрессивный индивидуализм? — В пространстве «гражданской религии», — утверждают социологи.

См.: Bellah R., Madsen R., Sullivan W., Tipton S. *Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life.* — Berkeley: University of California Press, 1985.

гражданину было вменено при этом в обязанность вести себя в обществе в соответствии с этими нормами. То есть в буквальном смысле стать «нормальным».

Именно нормативная рамка делает либеральную трактовку свободы включенной в широкие контексты культуры, прежде всего — права и морали. Уже у Монтескье в «Духе законов» мы читаем: «...свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, то есть в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, что должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть»*. Два ключевых слова этой цитаты выдают в Монтескье универсалиста: закон и должное. Закон дозволяет, но человек все равно поступает «нормально», то есть в соответствии с пониманием должного. Эту этическую эстафету подхватит затем Кант и разовьет свое деонтологическое учение, в котором главным протагонистом свободы становится внутренний моральный закон.

Милль и его последователи попытались усилить в либеральном учении о свободе крен в пользу индивидуальных прав, так как и закон может быть деспотическим (вспомним формулу Милля о приоритетном «праве каждого управлять собственной личностью»), но они не выходили за рамки нашего представления о неразрывности добра и зла. В каком-то смысле этому способствовало строгое викторианское воспитание, а в каком-то — приверженность христианским ценностям. Либеральная мысль XX века, во второй половине, оставаясь внутри европейского культурного контекста, более радикально разрывает с просвещенческой традицией. Государство — непримиримый враг, точнее, неизбежное зло. Поэтому его необходимо ограничивать любыми путями, ибо оно представляет серьезную угрозу свободе граждан, а еще лучше сделать его «минимальным» (minimal state)**. Законы, учреждаемые государством, далеко не всегда идут на пользу гражданским свободам. И поэтому руководящим началом в современном обществе должны быть не законы сами по себе, их с легкостью можно принять и отменить, а незыблемое верховенство права (rule of law), отталкивающееся от теории прав человека.

Неиссякаемая либеральная энергия привела к тектоническим сдвигам в современной цивилизации на рубеже тысячелетий. В западном ареале — к практическому искоренению сегрегации и выравниванию в правах всех групп населения; в восточном — к падению тоталитарной системы и либерализации базовых сфер жизни. Свобода выбора перестала быть философским пафосом узкого круга интеллектуалов, а захватила умы миллионов образованных и информированных граждан по обе стороны океанов. Выбирать сегодня можно все — от индивидуальных принципов и ценностей до внешних атрибутов поведения, от пола до возраста, от места проживания до веры. И этому во многом способствовало либерально ориенти-

* Монтескье Ш. *О духе законов. Избранные произведения.* — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 288.

** Именно так назвал свою концепцию Р. Нозик. См.: Nozick R. *Anarchy, State, and Utopia.* — New York: Basic Books, 1974.

рованное среднее и высшее образование. Казалось бы, либерализм восторжествовал окончательно и бесповоротно.

Выбирая внешние атрибуты индивидуальной жизни, наш современник, увлеченный либеральной мыслительной игрой, как бы на потом откладывает вопросы высшей требовательности. «Должное» в его трактовках личной свободы стремительно сокращается и, как видится многим критикам либерализма, вскоре может вообще раствориться в неуправляемом хаосе индивидуальных философий жизни*. Так, поступательная эволюция негативной свободы в прошлом веке сформировала у многих наших современников устойчивое впечатление о печальном торжестве, по крайней мере в продвинутой части мира, *свободы над должным***.

Неслучайно поэтому рубеж тысячелетий был ознаменован мощным наступлением на либералов с разных сторон интеллектуальной «розы ветров»***. На них ополчились буквально все — южные и северные фундаменталисты, националисты разных мастей, европейские социал-демократы, американские консерваторы и даже «зеленые». Все они не критикуют либерализм (его политические, философские и ценностные основания) и чаще всего не готовы с ним открыто, а главное, заинтересованно и мирно коммуницировать. Единственными публичными контрапартнерами у либералов стали коммунитаристы.

Коммунитаризм (от англ. *community* — сообщество) как философское и идеологическое движение тихо и без громкой славы развивалось параллельно либерализму. Оно имеет длительную христианскую предысторию (восходящую к Фоме Аквинскому), вполне очевидные просвещенческие корни (Руссо и Гегель), а также его сторонники не скрывают своей симпатии к марксизму (А. Грамши в первую очередь). Либералов они критикуют главным образом за чрезмерную сосредоточенность на свободе, социалистов — за гипертрофированное внимание к идеям и практикам равенства. Коммунитаристы имеют не так много разногласий с либералами по политическим и философским вопросам. Отличает их прежде всего именно гражданско-воспитательная сюжетика. Отправная точка коммунитаризма может быть сформулирована таким образом: на протяжении последней трети XX столетия в мире произошел невероятный скачок в сфере прав человека при очевидном застое в сфере гражданских обязанностей. Отсюда следует, что с дальнейшим ростом прав необходимо на какой-то срок повременить и сосредоточиться на углублении ответственности свободных индивидов. В противном случае мы утрачиваем *raison d'être* самого обще-

* *Мечта либералов раннего Нового времени — создать общество рациональных индивидов, казалось бы, осуществилась, но она же создала угрозу для существования самого общества. Об этих угрозах см.: З. Бауман. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2005.*

** *Известный французский социальный мыслитель Жиль Липовецкий так и назвал наше время — «закатом долга». См.: Lipovetsky G. Le Crepuscule du devoir. — Paris: Gallimard, 1992.*

*** *Сегодня либералам чаще приходится защищаться, отстаивая свой главный идеал — автономную личность. См., к примеру: Bridges D. (Ed.) Education, Autonomy and Democratic Citizenship. Philosophy in a Changing World. London — New York: Routledge, 1997.*

ства, которое, собственно, и возникло вокруг взаимных обязательств людей по отношению друг к другу, органичному разделению профессионального труда и ответственности перед своими сообществами всех уровней — от локального до национального. Коммунитаристов не устраивают в либеральной философии изоляционистский мотив и желание наделить рационального индивида лишь негативными ориентирами свободы, в то время как его смыслы жизни и высшие цели они считают, напротив, общественно ориентированными и инклюзивными*. «Нет прав без обязанностей» — таков главный девиз коммунитаристского движения**.

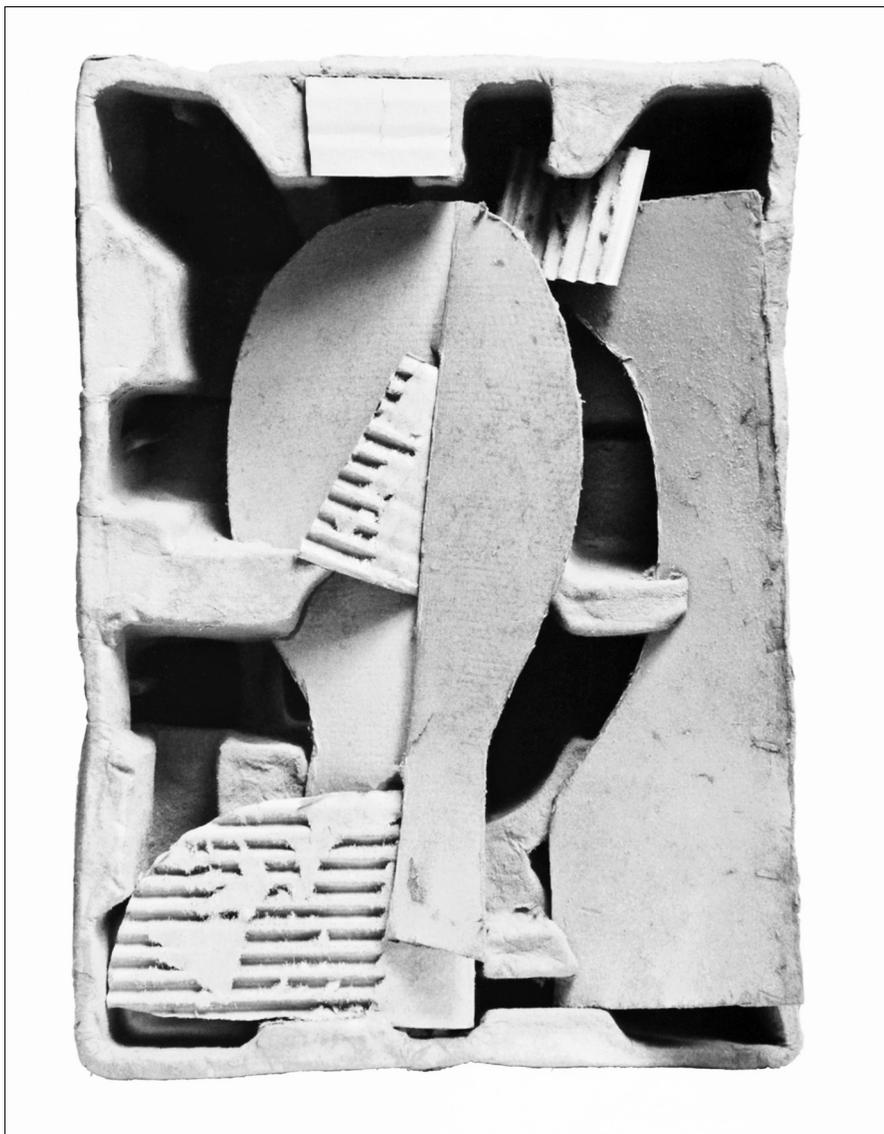
Идейный вдохновитель сегодняшних коммунитаристов американский социолог Амитай Этциони полагает, что оздоровление современных институтов, организаций и собственно человека начинается с принципиального пересмотра роли сообществ и социальных практик в современном обществе. В своей книге «Дух коммуны» (1995)***, которая представляет собой манифест коммунитаризма, он в основном сосредоточивается на проблемах гражданского общества, семьи и школы. Коммунитаристы, подобно традиционным либералам, ратуют за создание «сильного» общества, но только не за счет государства, а силами самих граждан. Этциони и его сторонникам свойственен гиперморализм. Они считают, что новый и более справедливый, чем либеральный, социальный порядок не должен основываться на дисциплине и властном насилии, религии или обычае, диктате закона или рынка. «Новые» граждане «нового» общества действуют морально, свободно и солидарно. Они сознательно принимают на себя ответственные социальные роли. И в этом — их свобода выбора. А это значит, что бизнес выстраивается не вокруг идеи прибыли, а социальной ответственности. Соответственно хозяйственная деятельность людей — вокруг экологической идеи. Школы не столько подконтрольны государственной политике в сфере образования, сколько инкорпорируются в местные сообщества и максимальным образом самоуправляются, в том числе и за счет активного включения граждан-родителей в образовательные проекты.

Справедливости ради надо заметить, что коммунитаризм вовсе не какая-то новая утопия. Локально, причем не только в англосаксонском мире, коммунитаристы успешно выстраивают новые и эффективные сообщества, города и поселения, на партнерских основаниях сотрудничают с правительствами разных уровней, выстраивают свои глобальные сети. Среди сторонников этого движения мы находим не только критически мыслящих интеллектуалов, таких как Д. Белл и Э. Гидденс, но и видных западных политиков — Тони Блэра, Хиллари Клинтон, Йошку Фишера и с некоторой натяжкой даже Барака Обаму. Есть немало поклонников

* В отечественной литературе движение коммунитаристов освещено весьма скромно. Адресую читателя к книгам, в которых либералы и коммунитаристы рассмотрены в сравнительной перспективе: Bell D. *Communitarianism and Its Critics*. — Oxford: Oxford Clarendon Press, 1993; Mulhull S., Adam S. *Liberals and Communitarians*. — Oxford: Wiley-Blackwell, 1996.

** Giddens A. *The Third Way — The Renewal of Social Democracy*. — Cambridge: Polity Press, 1998. — P. 65.

*** Etzioni A. *The Spirit of Community, Rights, Responsibilities, and Communitarian Agenda*. New York: Crown Publishers, 1995.

Григорий Молчанов. Окно. 2011

этого движения и в России. Не случайно, видимо, коммунитаризм нередко именуют «третьим путем»*.

Таким образом, современная школа оказывается в странном для себя и несвойственном для своей новой и новейшей истории плюралистическом — идейном и социальном — контексте. Либерально и коммунитарно ориентированные школы представляют собой разные образовательные реальности, борющиеся уже не столько за отдельные программы или методики, сколько за культурное и ценностное доминирование в мире образования и просвещения. А собственно гражданское образование становится заложником

* Подробнее: Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. — Cambridge: Polity Press, 2000.

этой идейной борьбы, поскольку вынуждено выбирать между двумя идеалами демократической гражданственности.

Два вектора в гражданском образовании. Уже по самоназванию «коммунитаристы» несложно предположить, что для них школа и семья суть имманентные компоненты всякого местного сообщества и наряду с соседством — его институциональная «святая святых». Ибо идеал демократической гражданственности выстроен коммунитаристами как индивидуальное отражение высшей ценности общего блага. Культура локального гражданства, в их трактовках, обязывает человека к принятию солидарных ценностей и добровольному служению именно общим интересам (что нередко обозначается ими как «моральная инфраструктура» местного сообщества).

Свой главный тезис Этциони формулирует следующим образом: формирование характера и ценностная прививка подростку первичнее академических знаний, а собственно познавательное развитие становится гораздо эффективнее после обретения им опыта гражданской включенности и устойчивой ценностной ориентированности. И такой порядок вещей в отношениях современной школы и «общества знаний» важен не только во имя индивидуального будущего отдельно взятого «подростающего» гражданина, но и в целях продвижения «лучшего общества» в теории и на практике.

Коммунитарная личность (как разновидность демократической гражданственности) формируется в нестандартных условиях. Учитель — не авторитарная фигура. Школа — не дисциплинарный институт. А включенность ученика в образовательные контексты осуществляется за счет активного соучастия всех членов местного сообщества. Словом, все не так, как в обычной школе в обычном городе. Надо заметить, что коммунитаристы не следуют буквально ни одной известной в прошлом теории морального становления личности (Пиаже, Кольберг). Их интересует в первую очередь не простое нравственное взросление ребенка, а интернализация, усвоение им норм гражданской солидарности, их включенность в пространство сознания.

Коммунитаристы критикуют современный либерализм за бесстрастность и чрезмерную сосредоточенность на рационализме и прагматическом индивидуализме в трактовке «гражданина». Роберт Белла со своими коллегами считал, что в средней школе дидактика «эгоистического интереса» должна быть исключена и заменена на познание основ социальной справедливости*. Да и вообще гражданство не имеет смысла, если оно не предполагает социальной интегрированности. В противном случае для чего оно вообще нужно? — вопрошает один из ведущих коммунитаристов Майкл Сандел**. Вопрос, разумеется, риторический, но сформулирован

* Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. *The Good Society*. — New York: Knopf, 1991.

** Цит. no: Hopkins N. *Citizenship and Democracy in Further and Adult Education*. — Berlin: Springer, 2014. — P. 14.

он в пылу жарких дискуссий и, очевидно, с упреком в адрес либеральных мыслителей.

А среди них самым значительным в прошлом столетии был Джон Роулз, автор всемирно известной «Теории справедливости» (1971)*. В центре его общественной вселенной — «рассудительный гражданин» (*reasonable citizen*). Справедливое общество, по Роулзу, это политико-философский идеал, сконструированный мыслительно, как если бы, перевернув последнюю страницу истории, люди вновь начали свою социальную жизнь с нуля. Все что им при этом необходимо сделать — придерживаться принципов честности в выстраивании общих и равных исходных позиций. Конечно, это может показаться несложным, пока мы проводим интеллектуальный эксперимент, но как только перед нами встает практическая задача приближения любого общества к искомому идеалу, возникает немало сложностей, разумеется, прежде всего институционального и человеческого свойства. Ведь именно «хорошие» институты гарантируют базовые права и свободы, равенство возможностей и равный доступ к материальным ресурсам. Рассудительный же гражданин, в свою очередь, должен разделять этику гражданского общества и оказывать всяческую поддержку «хорошим» институтам. Таким образом, из мыслительной конструкции постепенно вырисовываются контуры более справедливого и лучшего общества, которое невозможно без человеческой поддержки и морального консенсуса в любом актуальном социуме относительно принципов справедливости и равенства.

Сам Роулз уделял совсем немного внимания школе. Он — как и его главный вдохновитель Кант — полагал, что только общественные институты продуцируют рассудительного гражданина. И поэтому вовсе необязательно изобретать для обычных школ какую-то особенную гражданскую программу. Политическая культура каждой конкретной страны сама «творит» рассудительного гражданина — таков его главный теоретический посыл. При этом он допускал, что все же именно школа формирует в детях политические добродетели, но рассудительными граждане становятся прежде всего во взаимоотношениях с институтами**.

Иными словами, позиции либералов и коммунитаристов, как можно заметить, в чем-то сходятся. И те и другие выступают за политическую грамотность граждан, за участие равноправных граждан в политическом процессе, и главное — за формирование свободной демократической личности. Но в одном они разнятся кардинально. Либеральная повестка дня гражданского образования предлагает делать основной акцент на общих принципах и правилах гражданского взаимодействия, сохраняя в качестве своего абсолютного приоритета воспитание автономной личности, знающей свои индивидуальные права и свободы, умеющей ими пользоваться, обладающей навыками аргументированной дискуссии и протестного

* Rawls J. *A Theory of Justice*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. (Русский перевод: Роулз Дж. *Теория справедливости*. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006.)

** См. подробнее: Costa M.V. *Rawls, Citizenship and Education*. New York — London: Routledge, 2011.

поведения в условиях конкурентной политики. В их теоретическом послыле, безусловно, негативное толкование свободы. Коммунитаристы же в своей образовательной доктрине сдвигают главный акцент в сторону общности целей и ценностей, солидарности и толерантности гражданского взаимодействия в местных сообществах, сохраняя для себя в качестве абсолютного приоритета морального и социально ориентированного индивида. И им, конечно же, ближе позитивные смыслы свободы*.

Казалось бы, две отличные друг от друга педагогические философии, но методологическое основание у них единое: гражданское образование есть главный стержень всего современного школьного образования. А в нем *научение свободе и обучение свободой* — одновременно цель и средство гражданской дидактики.

Гражданское образование как свободный дидактический выбор. Так все-таки какому вектору следовать? — резонно задаст вопрос учитель, наблюдающий за вялотекущей, но все же обостренной игрой двух философско-политических «команд» на поле гражданского образования. О какой свободе вести педагогический дискурс? Неужели два смысла современной свободы так и останутся навсегда по разные стороны баррикад? Ответ учителю может показаться парадоксальным: поступайте, как сочтете нужным и адекватным вашим условиям жизни! Ведь оба подхода в гражданском образовании, в сущности, об одном и том же: как сделать подрастающего гражданина осознанно приверженным нормам и принципам демократии, правового государства и независимого гражданского общества.

Правительства развитых стран мира давно поняли, что формализовать гражданское образование не только невозможно, но и не нужно. В Великобритании, к примеру, гражданское образование национальным Образовательным комитетом принято как одно из пяти базовых программных направлений. Но ни одной школе не навязываются конкретные просветительские программы. Британцы исходят из того, что местные сообщества всегда лучше владеют пониманием того, что есть для них педагогическое благо. Правительство дает возможность школам поступать свободно, но, правда, внутри того направления, которое государство считает обязательным. И то, что в пространстве гражданского образования складывается большое разнообразие подходов к методам и содержанию, не пугает ни национальное государство, ни профессиональное сообщество учителей. Ибо успех в данном случае нельзя посчитать или измерить единым стандартом. Движение же вперед гарантирует прежде всего постоянство публичной дискуссии о смыслах и предназначениях свободы — ибо свободы действительно становится все больше, а распоряжаться ею становится все сложнее.

* О различиях между двумя векторами гражданского образования см.: Arthur J. *Schools and Community. The Communitarian Agenda in Education.* — London — New York: Falmer Press, 1999; Biesta G., De Bie M., Wildemeersch D. (Eds.) *Civic Learning, Democratic Citizenship and Public Sphere.* — Berlin: Springer, 2014; Keeney P. *Liberalism, Communitarianism and Education.* — London: Ashgate, 2006; Hopkins N. *Citizenship and Democracy in Further and Adult Education.* — Berlin: Springer, 2014.

В конце сентября 2014 года на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова был проведен научный симпозиум «Институциональные проблемы долгосрочной социально-экономической динамики», в рамках которого доктор экономических наук Александр Аузан выступил с докладом «Эффект колеи. Проблема зависимости от траектории предшествующего развития: эволюция гипотез». Ниже публикуется сокращенный вариант текста, основанный на этом выступлении.

*Александр Аузан,
доктор экономических наук,
декан экономического
факультета МГУ*

Эффект колеи

20 лет тому назад я мечтал написать работу под названием «Парадокс российской бедности» — про страну, в которой есть все, но почему-то нет экономического процветания. Потом экономическая динамика улучшилась, но проблема осталась. И проблема тяжкая, междисциплинарная. Я ее воспринял не от американских экономистов, которые получили Нобелевскую премию за разработку path-dependence problem (проблема зависимости от пройденного пути), а от русских философов конца XIX — начала XX века.

Итак, об истоках проблемы. Назову в этой связи несколько фамилий: марксист Георгий Плеханов, отошедший от марксизма Николай Бердяев, православный философ и историк Георгий Федотов.

В начале XX века, а потом и в иммиграционных работах Федотова и Бердяева волновали фактически одни и те же вопросы. Они фиксировали повторяемость событий в российской истории — реставрацию институтов, постоянное возвращение к ним. Наиболее яркая фраза, характеризующая эту повторяемость, одного из них звучит примерно так: «С февраля по октябрь 17-го года перед восхищенным русским взглядом прошли парадом всевозможные партии и идеи. И что же выбрал русский человек? То, что имел, — царя и державу».

Причины этой повторяемости, колеиности русского развития, не позволяющей осуществить необходимые перемены, понимались через специфический характер именно институтов. Русское крепостничество и самодержавие, писал Плеханов, это не аналог феодализма и абсолютизма, а совершенно другие институты, которые понимались и описывались либо через социокультурный тип, как у Георгия Федотова, либо «московитский тип». К сожалению, все это довольно трудно верифицировать

без количественной картины. Поэтому так важны были статистические исследования шведского экономиста британского происхождения Ангуса Мэдисона, одного из величайших статистиков, который свел в одну таблицу данные о ВВП на душу населения и ожидаемой продолжительности жизни в разных странах за 200 лет существования статистики, что позволило выявить очень интересные закономерности.

Выглядит это так: есть две основные траектории (назовем их А и В), по которым движутся страны, и их экономики растут, но разными темпами. При этом многолетние показатели роста стран траектории А существенно выше, чем стран траектории В. Есть всего пять стран, которым удалось за XX век сменить траекторию. Это Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань. О более южных странах стартующей модернизации в Тихоокеанском регионе пока нельзя сказать, что они в состоянии сменить траекторию, надо ждать.

Статистика показывает, что проблема траектории существует. Существует некая гравитация, которая удерживает страны в траектории А или в траектории В. Если оценить качество институтов в странах траектории А, то, несомненно, оно здесь выше. С другой стороны, разные культуры формировались в разное время. Поэтому фредотовское объяснение истоков и характера развития социокультурными и ментальными факторами тоже вполне возможно, так как мы видим, что, скажем, католические страны и регионы вошли в поток ускоренного развития позже, чем протестантские. А до этого исследователи отмечали похожий ренессанс в буддийских

дальневосточных странах. И все же анализ показывает, что траекторию развития формирует не только религия, а ценности и поведенческие установки. В принципе институциональные и социокультурные факторы тесно связаны, но нужен теоретический анализ механизмов и последствий их взаимодействия.

Этот анализ блестяще осуществил Дуглас Норт, оттолкнувшись от гипотезы Пола Дэвида, связанной с эволюцией технологий. Труд, который принес в 1993 году Нобелевскую премию Дугласу Нарту, — обоснование упомянутой гипотезы зависимости от прошлого развития.

Интересна лемма к гипотезе Норты — открытие феномена QWERTY*, изложенное в крайне остроумной работе Дэвида 1985 года «Клио и экономическая теория QWERTY». Работа Дэвида вводит нас в новую экономическую историю — осмысление законов исторической эволюции не на основе теоретических изысканий, гипотез и умозрительных версий, а методами экономико-статистического анализа и математического моделирования.

В связи с работой П. Дэвида с 1985 года было очень много дискуссий, но главное, что гипотеза существует. А это значит, хотя вероятность случайности при выборе значимого технологического или иного решения сохраняется, если выбор сделан и стандарт укоренился, то слишком высокая стоимость новых, более эффективных способов развития потом не позволяет покинуть привычную траекторию. И таких примеров довольно много: не только построение клавиатуры пишущей машинки, но и разная ширина железных дорог в разных странах, левостороннее автомобильное движение и т.д.

* Самая популярная латинская раскладка клавиатуры на пишущей машинке. Название происходит от шести левых символов верхнего ряда. Применена впервые в промышленном масштабе в конце 1870-х в пишущей машинке «Ремингтон 1». До наших времен дошла почти без изменений. Позже были придуманы намного более рациональные раскладки букв, но традиция оказалась сильнее здравого смысла.

Короче говоря, выводы исследования Пола Дэвида Норта расширил до анализа особенностей институционально-исторического развития Англии и Испании, стран Северной и Южной Америки исходя из разных условий институционального выбора. В результате оказалось, что Англия и Испания, которые в XVI веке занимали близкие макроэкономические позиции, к XIX веку резко разошлись. И причиной, похоже, стало то, что налоги в силу различных, не всегда системных обстоятельств в Испании попали под контроль королевской власти, а в Англии — парламента, то есть налогоплательщиков. Затем возникают культурные различия, специфические правила организации общественно-политической и экономической жизни в каждой стране. И в итоге страны серьезно разошлись в экономическом развитии. Причем торможение в развитии Испании сохраняется: она явно отстает от группы стран, идущих по траектории А. В странах же Северной и Южной Америки действовали иные причины дивергенции, не связанные с налоговой системой. А именно — факторы и процессы ретрансляции культуры, качество институтов. Институты, как и стандарты, определяют траекторию, а устойчивой колеей ее делает культура в широком понимании.

Пример, который, похоже, подтверждает такой взгляд, — разные пути развития Северной и Южной Кореи. Страны, которые имели единую культуру, географию, климат, относительно равномерное распределение производства с некоторым его преобладанием на севере, а не на юге. Однако решающую роль сыграли политические факторы: раздел Кореи в 1945 году, Корейская война (1950–1953), китайская и советская помощь Северной Корее, американская помощь Южной Корее и т.д. Но ведь объектами помощи были самые разные страны, и далеко не все стали Южной Кореей. Фундаментальные различия ме-

жду двумя частями полуострова стали, несомненно, результатом разного институционального выбора, который был закреплен уже в новой культурной инерции. Значит, преодоление инерции в принципе возможно. Ведь Южная Корея — как раз та страна, которая преодолела предшествующую инерцию и сменила траекторию развития, как и Япония. Постановка вопроса о том, как происходит преодоление одной траектории и переход на другую, переносит нас, таким образом, в сферу новой политической экономии, а именно — исследования политических процессов экономическими методами.

Обратимся снова к гипотезе Норта, но уже в ее расширенной версии, которая изложена в книге Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста 2009 года «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества».

Книга, написанная нобелевским лауреатом по экономике, известнейшим историком и одним из самых известных политологов, по существу, создала другую рамку для представления о том, как и почему различаются траектории развития стран и как может произойти переход.

Я считаю одним из самых парадоксальных суждений этой книги утверждение, что мы все перепутали: мы почему-то считали, что развитие является закономерностью, а отсталость — исключением. Но если сравнить количество стран, которые движутся по разным траекториям, то 25 из них идут по траектории А и 175 стран — по траектории В. Что здесь закономерно, а что отклонение от нормы? Исследователи считают, что объяснять надо прежде всего, как удалось развиваться странам, достигшим траектории А. Потому хотя бы, что они оказались в меньшинстве. Очевидно, что смена траектории очень сложный процесс. Причем, по расчету авторов, он требует не менее 50 непрерывных лет. Это и есть время модернизации.

С их точки зрения, Южная Корея, например, еще не завершила этот процесс.

Результаты исследования указывают, что две траектории — это не просто два вектора, а два разных мира, два разных социальных порядка, которые различаются специфическими наборами правил. Это так называемые граничные условия двух основных типов социального порядка, господствующего в двух типах государств, соответственно определяемых как государства «закрытого доступа» и «открытого доступа».

При одном порядке элиты создают законы для других и исключения для себя, при другом элиты создают законы для всех без исключения. В первом типе устройства коммерческие, политические и некоммерческие организации создаются вокруг персон и умирают вместе с ними, в другом они переживают своих создателей. В одном типе государства инструменты насилия распределены между группами элиты, в другом они контролируют их совместно. Трансформация одного порядка в другой приводит к смене набора правил. Главная проблема в том, что непонятно, как точно и почему происходит смена набора правил. То есть каков алгоритм перехода. Есть по этому поводу целый ряд гипотез, заблуждений, отвергнутых представлений, но я хотел бы упомянуть о некоторых наиболее важных шагах интеллектуального движения за последние десятилетия по этой проблематике.

Среди существенных версий развития нельзя обойти модернизационную гипотезу Сеймура Липсета, представителя институциональной школы в социологии, который предполагал, что трансформация общества происходит благодаря экономическому росту, который приводит к социальным сдвигам, распространению образования, появлению среднего класса и развитию демократических процедур и институтов. Когда смыкаются эти условия, возникает устойчивый рост, происхо-

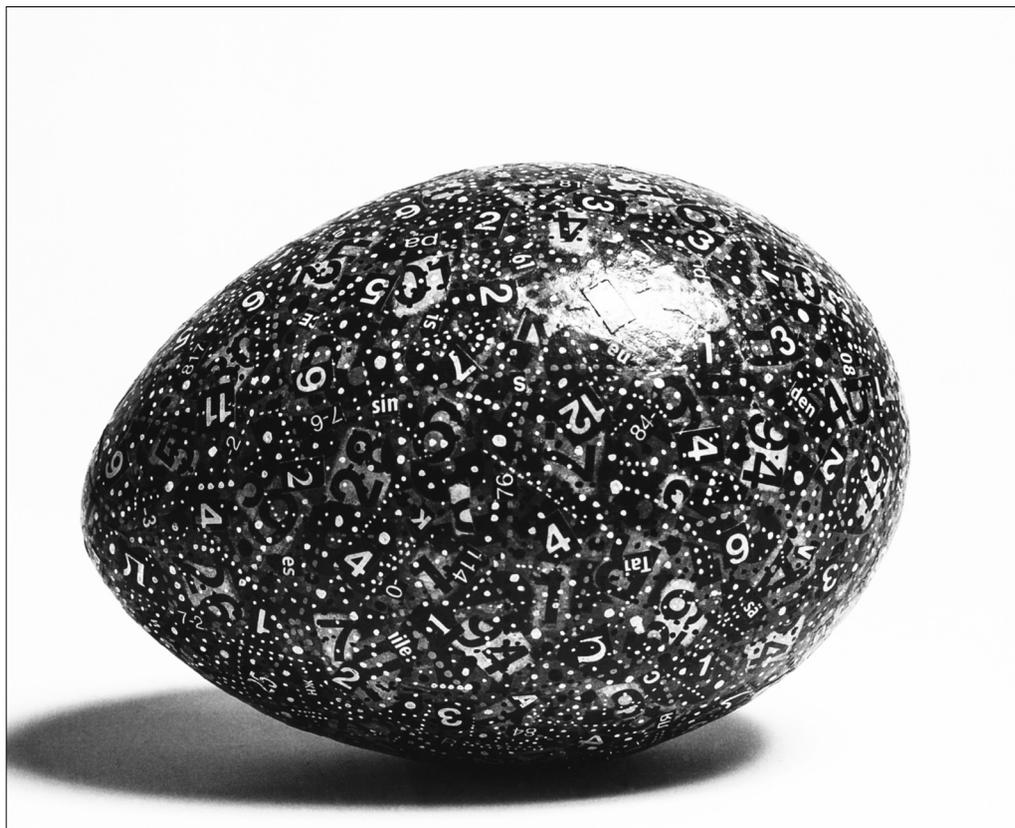
дит выход на благоприятную траекторию развития.

Возникали за это время и иные гипотезы, так или иначе толковавшие взаимосвязь политических и экономических пространств и контекстов развития обществ. Например, Андрей Илларионов выдвинул и иллюстрировал статистически в работах, насколько я помню, 2005–2006 годов идею связи несвободы с экономической деградацией. Иначе думают видные российские экономисты Виктор Полтерович и Владимир Попов, а также шведский и итальянский экономисты Т. Перссон и Г. Табиллини, которые полагают, что нет однозначной причинно-следственной связи между демократией и ростом. Демократизация может привести к отрицательным последствиям, если не обеспечен правопорядок, не работают институты. Исследования Д. Асемоглу, С. Джонсона, Дж. Робинсона и других показывают, что экономический рост обусловлен в первую очередь качеством человеческого капитала, технологий, степенью развития институтов, культурно-историческими особенностями.

Евгений Григорьевич Ясин в работе 2007 года высказал идею, что потенциал инновационного развития зависит не только от институциональных реформ, но и от изменения культуры. И я согласен с этим взглядом.

В нашей работе 2011 года вместе с А. Архангельским, П. Лунгиным, В. Найшулем и другими мы обсудили проблематику связи модернизации с культурой и пришли к выводу, что социокультурные факторы по меньшей мере существенны. То есть переход на новую траекторию развития связан с соответствующим этой цели воздействием на социокультурные факторы.

Наконец, с Кайратом Келимбетовым, председателем Национального банка Казахстана, мы много лет исследовали проблемы казахстанской экономики. В нашей

Александр Кожин. Яйцо. 2007

статье, опубликованной в журнале «Вопросы экономики» 2012 года мы обосновали гипотезу существования национальной формулы модернизации, которая складывается из двух компонентов: универсальных факторов социокультурного сдвига и специфического набора национальных традиций, которые могут быть встроены в модернизационный процесс. В данном случае все это предположения. А как их можно проверить?

Исследования последних лет кажутся мне многообещающими. Если прежде разговоры о культуре велись на уровне понятий, то теперь появились возможности количественного анализа проявлений культуры и выявлены некоторые закономерности. Среди наиболее разработанных методов измерения динамики социокультурных процессов я отметил бы методики

Рональда Инглхарта и Гирта Хофстеде, а также методики Шварца, Тромпенаарса и других, благодаря которым за последние десятилетия накоплены количественные ряды, позволяющие сопоставлять и анализировать данные и выдвигать гипотезы относительно реальных взаимосвязей социокультурных и институциональных процессов.

Пару лет назад я осмелился сформулировать некоторые закономерности действия неформальных институтов на социально-экономическую среду, на изменения тренда развития стран, так как полагаю, что осуществление анализа взаимодействия институтов и социокультурных процессов эффективнее всего производить в парадигме институциональной теории, позволяющей рассматривать в едином понятийном поле и социокультурные истоки,

и организационно-правовые, связанные с формальными институтами.

Итак, у нас есть разные статистические ряды, которые можно сопоставить. Мы с коллегами это сделали и выявили, что все пять стран, перешедших на траекторию А — Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань — демонстрируют одну и ту же динамику социокультурных характеристик. Она касается как ценностей — так называемых индексов Инглхарта (перехода от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и роста ценностей самовыражения, а не выживания), так и того, что называется «коэффициенты Хофстеде», то есть поведенческих характеристик: роста индивидуализма, снижения показателя дистанции власти, ориентации на долгосрочную перспективу приемлемости неопределенности и отношения к «мужественности — женственности».

Означает ли это, что культурно-ценностный сдвиг является причиной, а экономический сдвиг — следствием? Нет. Пока можно говорить только о том, что эта связь существует, и некоторые основания для этого есть.

С коллегами в МГУ и в Институте национальных проектов (ИНП) мы реализовали исследование социокультурных характеристик российских специалистов, работающих за рубежом. Пользуясь тем, что Германия, Израиль и США, то есть основные страны, принимающие наших специалистов, обладают хорошей миграционной и трудовой статистикой, мы провели сопоставление успешности наших соотечественников на разных профессиональных рынках.

Абсолютную конкурентоспособность наши соотечественники показывают в IT, математике, физике и химии. Далее следуют профессии, связанные с искусством, спортом и медиа, а также с науками о живой природе, прежде всего с биологией.

Есть теоретические работы, которые объясняют, при каком сочетании индексов Инглхарта, коэффициентов Хофстеде, ценностной методики Шварца страна, например, продуцирует успешных математиков, а когда — успешных юристов. Ясно, что эти результаты определенным образом зависят от социокультурных особенностей страны.

Когда я возглавлял консультативную рабочую группу Комиссии при президенте РФ по модернизации, то убедил администрацию президента, что для понимания того, как двигаться к модернизации, необходимо провести довольно дорогостоящее социологическое исследование. А именно — выяснить, как строятся карьеры наших соотечественников в инновационных секторах в Германии (Северный Рейн — Вестфалия и Берлин), в США (Нью-Джерси и Мэриленд) и в России (Санкт-Петербург). Работали три независимые группы.

Надо сказать, социологи не разделяли гипотезы, которые они проверяли, о том, что социокультурные качества влияют на успешность карьеры. Тем не менее приведу одну яркую фразу, которая мне кажется ключевой для понимания того, что удалось обнаружить. Один из интервьюированных американских менеджеров сказал так: «Хотите получить уникальное изделие — закажите русским. Хотите получить десять одинаковых — заказывайте кому угодно, только не русским». Это одна из характеристик специфики специализации, имеющей отношение к культурной типологии. Это, между прочим, одно из объяснений того, почему наша страна в XX веке создала космический корабль, атомную и водородную бомбы, великолепные гидротурбины, но не сделала конкурентоспособного автомобиля, холодильника или телевизора. У нас такое сочетание измеряемых социокультурных характеристик, что мы можем подковать блоху, но не в состоя-

нии делать качественные массовые продукты, за редкими исключениями: когда приемлемы высокие допуски в готовых изделиях и некритично отступление от стандартов.

Зато наши люди обладают особыми качествами, которые позволяют успешно конкурировать в креативных занятиях, в опытных производствах и других сферах индивидуальных достижений. И есть факторы, которые блокируют успешность в инновационных процессах, — прежде всего комбинация высокой дистанции по отношению к власти, то есть зависимости от неравномерного ее распределения, от подчинения иерархическим ограничениям и высокой непереносимости неопределенности — иначе говоря, страх перед будущим, представление, что статус-кво лучше, чем то, что может произойти в неопределенном будущем. В этом же ряду упомянутое несоблюдение правил и стандартов. Высокий уровень индивидуализма и нетолерантности по отношению к социальной среде, даже коллегам, препятствует самоорганизации, не позволяет реализовывать важные коллективные проекты в силу очень низкой договороспособности. Опыт успешных модернизаций показывает, что сдвиги в социокультурных характеристиках становятся заметными через 10–20 лет, если, конечно, ведется определенная образовательная и культурная политика, способная снять мешающую трансформации блокировку.

«Университет, будучи в сердце различно организованных обществ в силу разнообразных географических условий и различий исторического развития, является автономным учреждением, которое в решающей степени **создает и распространяет культуру** через научные исследования и образование. Чтобы адекватно реагировать на нужды современного мира, он должен обладать моральной и интеллектуальной независимостью по отношению к любой политической и эко-

номической власти, реализуя свою деятельность в области исследований и образования».

Это первая статья Великой хартии европейских университетов, принятой в 1988 году в Болонье. Жирным шрифтом выделено то, как университеты понимают свое предназначение: главное — это не сами по себе научные исследования и образование, а создание и распространение культуры. На мой взгляд, это принципиально важное понимание. Как экономист я интерпретировал бы это так: университеты производят три главных вида продуктов:

- частное благо в виде человеческого капитала, который потом можно превращать в заработную плату;
- социально значимое благо в виде определенного набора профессий;
- общественное благо в виде культуры нации: воспроизводство определенного социокультурного типа и его адаптацию к меняющимся условиям — внутренним и внешним.

На мой взгляд, это выглядит примерно следующим образом.

Университет, если это хороший университет, опирается на ту социокультурную среду, которая есть, и из нее производит, например, математиков успешнее, чем юристов. С другой стороны, университет имеет возможность осуществлять культурный сдвиг, потому что гипотеза Инглхарта, которая нашла подтверждение, состоит в том, что формирование ценностей у человека приходится на стадию ранней взрослости, то есть на период от 18 до 25 лет. Это период сдвига в ценностях и их кристаллизации, закрепления в сознании. То есть то, что происходит сейчас с нынешним поколением студентов, лет через 15 будет отражаться на многих сферах жизни страны.

Поэтому мы с коллегами из Института национальных проектов пришли к за-

ключению, что образование неизбежно воздействует на формирование ценностей и поведенческих установок будущих элит и среднего класса. И сейчас ведем исследования в 12 университетах России, чтобы понять, как это происходит.

При нынешнем социокультурном типе России университетские математики, физики, химики, айтишники потенциально более конкурентоспособны в мире, чем экономисты, юристы, историки, филологи. Поэтому на экономфаке мы начали осуществлять стратегию кооперации с естественно-научными школами. Мы уже создали первую межфакультетскую магистерскую программу с биофаком, начали исследования на супервычислителях с факультетом вычислительной математики и кибернетики МГУ (ВМК) и обсуждаем совместную программу учебной конференции с ВМК, с физфаком, а также открываем в 2015 году совместную программу по когнитивной экономике с психологическим факультетом, естественно-научным по своим основам. Факультет делает ставку на кооперацию с теми дисциплинами, которые лидируют в нашем культурном пространстве. Отсюда и высокая роль математики в образовании — то, что факультет всегда отличало. Я напомню, что, по исследованию агентства Bloomberg 2011 года, МГУ занял первое место в мире среди высших учебных заведений по одной характеристике — математическое образование экономистов.

Вторая часть формулы модернизации — это трансформация ценностей и поведенческих установок. Можно ли здесь что-то сделать? Как развивать договороспособность через командную работу и командное участие в конкуренции? У нас не принята система индивидуальных рейтингов, потому что нам страшно представить себе фирму, где каждый конкурирует с каждым. Поэтому нужно скорее создавать и поддерживать условия для конкуренции между коллективами, тем более что обычно и

индивидуальное творчество невозможно вне коллективной поддержки, не говоря уже о других видах деятельности.

Теперь о долгосрочной ориентации как условия самореализации. У нас, например, ведется работа по двум модернизационным проектам. Первый — «Группа повышенной академической нагрузки», где научный руководитель — Олег Иццоки, признанный одним из самых перспективных молодых ученых в мире. В рамках этой программы мы выстраиваем длинную академическую траекторию интенсивного и глубокого изучения экономики для наиболее подготовленных и перспективных студентов. И проект «Мах», рассчитанный на подготовку менеджеров в самых различных областях — от бизнеса до госслужбы и науки, опять-таки предполагающий длинные горизонты.

Я полагаю, что экономический факультет производит и будет производить элиты. Например, в 2013 и 2014 году наши студенты занимали первое командное место в Международной универсиаде по эконометрике и в российском этапе Всемирного соревнования по финансовому моделированию. Это означает, что у нас есть шанс на будущее, но отдаленное будущее.

Я не очень верю в то, что в краткосрочной и даже в среднесрочной перспективе мы можем совершить какие-то прорывы. Но это совершенно не означает, что они вообще неосуществимы. У нас есть шансы, если мы будем учитывать изречение, кажется, Жванецкого, которое очень любят мои коллеги по группе экономистов «Сигма»: «Если хочешь всего и сразу, получаешь ничего и постепенно». Надо набраться терпения. Надо попытаться принять для себя долгосрочную ориентацию, потому что без этого вряд ли возможен выход из колеи, а с принятием долгосрочной ориентации, я считаю, он не просто вероятен, а рано или поздно произойдет.

*Мона Тоусен,
исполнительный директор
некоммерческой
глобальной коалиции
Publish What You Pay,
Норвегия*

Раскройте ваши доходы!

Деятельность гражданских организаций в сфере контроля прозрачности в отраслях, связанных с природными ресурсами, особенно нефтью и газом, сопряжена со сложностями и особенностями. Во-первых, добывающая промышленность относится к наиболее могущественным, богатым и закрытым областям экономической деятельности, отгороженным от граждан, национальных властей, инвесторов, исследователей и журналистов. Во-вторых, ситуацию в этой сфере экономики, политики, законодательства нужно рассматривать в широком контексте.

В 2010 году общая стоимость экспорта нефти и минерального сырья из Африки составила 333 млрд долларов США, что почти в семь раз больше общего объема международной помощи континенту (48 млрд долларов). Например, государственная норвежская нефтяная компания «Статойл», которая 10 лет работает в Анголе, за этот период заплатила 90 млрд норвежских крон* в виде налоговых отчислений в бюджет Норвегии, что в два раза больше объема финансовой помощи Африке за тот же период. Этот пример показывает, насколько колоссальны доходы на рынке добывающей промышленности. Эксплуатация невозобновляемых природных ресурсов — занятие дорогостоящее, рискованное и часто приводит к необратимому воздействию на окружающую среду. Мы также знаем, что две трети беднейшего населения в мире живет в наиболее богатых минеральными ресурсами странах.

Можно ли утверждать, что нефтяной бизнес способствует по определению развитию страны? Компания «Статойл» работает, как я сказала, в Анголе, стране, президент которой находится у власти уже 35 лет, где задушена оппозиция, сильна военная машина, богатые обогащаются, а бедные беднеют. Значительная доля граждан в странах, богатых нефтью, газом и минеральным сырьем, становятся в известном смысле заложниками нищеты. Например, такова ситуация в богатой нефтью экваториальной Гвинее. В то время как 77% населения страны существуют на сумму меньше двух долларов в день, президент и его семья живут как цари: сын президента приобрел кол-

* 1 норвежская крона = 0,15 долл. США. — Прим. ред.

лекцию произведений искусств за 18 млн евро, имеет спортивный авто за миллион долларов, личный самолет, особняк в Малибу стоимостью 30 млн долларов. Министерство юстиции США усомнилось в том, что он мог все это приобрести на официальную зарплату в 6,5 тыс. долларов в месяц, и инициировало расследование. Нет сомнения, что граждане Гвинеи в иных условиях могли бы жить не хуже, скажем, испанцев.

Исследователи говорят о феномене так называемого ресурсного проклятия, или «голландской болезни»: страны с богатейшими ресурсами сильнее других от них же и зависят. Например, Нигерия после сорока лет нефтяного бума сегодня имеет доход на уровне 1960 года. Зато уровень бедности населения вырос с 36 до 77%. Симптомы «голландской болезни» известны: отсутствие экономической диверсификации, зависимость от минеральной ренты, малые стимулы для развития институтов, большие затраты на кредиты, безработица, высокий экологический риск и т.д. Кроме того, страны с большими нефтяными запасами получают больше иностранной помощи, чем другие развивающиеся страны. Если набрать в поисковике фразу «естественные минеральные ресурсы и конфликты», получим около 140 млн результатов. Сырьевые ресурсы играют невероятно высокую роль в возникновении конфликтов.

На таком фоне в 2002 году возникло наше сообщество «Раскройте ваши доходы». Очевидно, что люди хотят знать, что они получают за те ресурсы, которые навсегда теряют. И мы задались вопросом, можно ли что-то в мире изменить до того, как нефть истощится. В 2002 году минерально-сырьевые компании показывали свои налоговые отчисления в статистических отчетах по крупным регионам мира — Азии, Африке, Европе, и не было никакой возможности отследить денежные потоки в той или иной стране. Очевидно, что ни одна страна не может принудить другую суверенную страну к соблюдению прозрачности. Тем не менее британское правительство сумело побудить компании к добровольному повышению прозрачности или, по крайней мере, к обсуждению этого вопроса. На переговоры ушли годы. В конце концов был разработан индекс прозрачности компаний, работающих в сфере добывающей промышленности. Речь идет о раскрытии налоговых отчислений, которые этот бизнес платит в конкретной стране. С 2002 по 2008 год нам удалось подтвердить около 500 млрд долларов выплат компаниями своим правительствам в 1999–2009 годах и предоставить гражданам недоступную ранее информацию. Однако добровольную инициативу компаний по раскрытию налоговых отчислений, а значит, и доходов нельзя рассматривать как магическое средство. Во многих странах НКО подверглись гонениям, но мы получили определенный опыт и достигли некоторых успехов. Не следует также забывать, что крупнейшие производители нефти позволяют себе не участвовать в добровольных инициативах, поэтому мы лоббируем законодательное закрепление отчетной прозрачности.

В 2010 году Соединенные Штаты приняли закон Додда Фрэнка, в соответствии с разделом 1504 которого крупнейшие добывающие компании должны представлять Комиссии США по ценным бумагам и биржам сведения о ежегодных платежах, перечисленных в федеральный бюджет или в бюджеты стран, на территории которых они работают. ЕС ратифицировал схожий закон: все 28 государств — членов Евросоюза должны выполнять аналогич-

Урс Эберле. Семь загадок матери. 1978

ные требования. Но это требование подразумевает лишь самый минимальный уровень прозрачности. В течение десятилетий расходы и данные европейских компаний о финансах были сокрыты от глаз гражданского общества, и мы по-прежнему встречаем серьезное сопротивление своим инициативам.

Норвегия не член ЕС, однако в этой области действует заодно с Брюсселем. Мы рассматриваем законодательство США и ЕС в этой сфере как минимальный стандарт прозрачности. Компания «Статойл» с 2005 года является участником добровольной инициативы по раскрытию своих выплат. Президент «Статойл» на открытом собрании акционеров отметила, что инициатива не принесла компании вреда и создала возможности для диалога с гражданским обществом. Однако многим компаниям, вероятно, есть что терять, и они не готовы пока включиться в инициативу.

Принцип «Обнародуй то, что платишь» призван противостоять колоссальной утечке финансов во всем мире. Согласно расчетам международной организации по изучению Агентства финансовой интеграции на основании показателей Всемирного банка, нелегальный отток финансовых средств из развивающихся стран в десять раз превышает объем поступающей к ним финансовой помощи: мы платим одну норвежскую крону в качестве помощи, а в

это время страны — получатели помощи теряют 10 крон. Гигантские теневые финансовые потоки приносят ущерб всему обществу. Нужно понимать, что от этого страдают не только бедные страны, но и страны-инвесторы.

Крупнейшие компании организуют свою отчетность таким образом, чтобы налоги существенно снизить. Средний гражданин, частное лицо, может платить до 40 или даже 50% налогов, а компании ухитряются снизить их до 1%, используя обходные пути, найденные не без помощи опытных организаций, имеющих глубочайшие познания в сфере финансовой отчетности и фискальной политики. К четырем крупнейшим мировым консалтинговым компаниям, на которые приходится 60% выручки компаний этого профиля, относятся «Делойт», «Эрнст энд Янг», «КПМГ», «Прайсвотерхауз Куперс». Эти гиганты работают по всему миру, их ежегодная прибыль составляет примерно 110 млрд долларов. Все они так или иначе используют подобные схемы и консультируют другие компании по вопросам обхода требований закона, что снижает поступление налогов в бюджеты. Мы рассматривали эти вопросы на парламентских слушаниях в Норвегии. Участниками слушаний были аудиторы, работающие в нефтяных компаниях, и никто из них не пожелал участвовать в инициативе по обеспечению прозрачности.

Чтобы понять, как организованы нефтегазовые компании и каким образом они уходят от налогов, мы изучили десять крупнейших игроков этого рынка. Что же мы увидели? У крупнейших нефтегазовых компаний действуют примерно шесть тысяч филиалов по всему миру. Причем это лишь верхушка айсберга. Мы исследовали биржи в США, в канадском Торонто и обнаружили, что многие из этих филиалов нигде не учтены, их нет на бирже. Треть нефтегазовых компаний-филиалов находятся в так называемых налоговых гаванях. Понятно, что, когда компания использует какую-то скрытую юрисдикцию, увидеть полную картину происходящего внутри компании невозможно. Мы можем лишь взирать на элементы некой головоломки и предполагать, как выглядит полная картина. Секретную юрисдикцию мы понимаем как способ сокрытия информации о деятельности компании и ее владениях за рубежом, подрывающий демократические основы общества. Есть страны, где нам говорят: мы суверенное государство и можем не раскрывать информацию о происходящем на нашей территории. Тем самым они нарушают суверенность других государств, подрываются устои международной законности. Американская энергетическая компания «Шеврон», например, публично декларирует, что прибыль нужно направлять на доброе дело. Но де-факто это одна из самых закрытых компаний: 62% — 77 филиалов — компании находятся в серых зонах, то есть огромный капитал скрыт в тайных юрисдикциях и не выходит на рынок. Этот капитал может накапливаться, может быть использован на покупку других компаний, активов или выплату компенсаций, штрафов за экологические нарушения.

Сегодня 60% мировой торговли осуществляется внутри мультинациональных корпораций. Это значит, что большая часть мирового капитала пересекает национальные границы внутри структур самой компании. Так возникает еще один важный процесс — оборот средств внутри одной компании. Ведь компания должна вступать в отношения с другой компанией, а на самом деле работает с собственным филиалом. Поэтому какие-то средства,

подлежащие налогообложению, могут быть просто выведены из страны и переданы в филиал той же компании в другой стране. Проблема в том, что государство не знает, какие средства, обращающиеся внутри компании, законны, а какие нет, поэтому в любой момент могут исчезнуть хоть сто миллиардов, и никто ничего не поймет.

Когда мы рассуждаем о торговле нефтью, то имеем в виду вовсе не ее физическое извлечение из недр. Речь идет о «творчестве» в применении финансовых инструментов бесконтрольного распоряжения прибылью. Мы особенно увидели это во время финансового кризиса, когда начали продаваться производные финансовые продукты. Существует такой сложный финансовый инструмент, являющийся интегральной частью международной финансовой системы, как дериватив. Он позволяет в больших объемах перемещать деньги между странами. Мы видели, как одна компания вывела из страны 20% своей налогооблагаемой базы. Крупнейший американский инвестор Уоррен Баффетт говорит, что деривативы есть финансовое оружие массового поражения, их ценность в десять раз превышает ВВП всего мира. Это же абсурд!

Сейчас на глобальном уровне обсуждается вопрос о том, что такое налоги, являются ли они добровольным бременем для компании, может ли она отказаться платить налоги. Агрессивное налоговое планирование стало глобальной отраслью, появились специальные юристы, не афиширующие свою деятельность в этой отрасли. Кого-то из них мы пытаемся выявить, но они работают не публично, потому что у юристов есть правовые привилегии. Так вот, сырьевые компании используют правовые преимущества таких юристов для сокрытия информации о своей деятельности. Такая компания может так выстроить, раздробить правовую и информационную политику, что отдельные части большого механизма лишены полной картины функционирования всего организма. Только головная компания имеет доступ ко всей информации, остающейся недоступной для налоговых властей и инвесторов. Недавно в Норвегии рассматривалось дело против крупнейшей нефтяной компании «Трансоушен», использующей подобные схемы.

Есть другие механизмы. Норвежские нефтяные компании, например, в соответствии с решением Верховного суда Норвегии и согласно закону о правах человека могут самостоятельно определять степень открытости информации о компании. Соответственно общественность может претендовать на эту информацию лишь в той степени, в какой компании готовы ею делиться. Полиция, разумеется, доступа к финансовой информации тоже не имеет. Тут возникают интересные вопросы о категории прав человека: как произошло, что базовые права человека теперь защищают нефтяные компании от возможности контроля? Обычному гражданину, такому как я, кажется, что права человека были изобретены для защиты простых людей, а не финансовых интересов сырьевых компаний.

Итак, существует некая «привилегированная» отрасль, где все эти механизмы финансовой завесы работают одновременно. Всемирный банк проанализировал 200 выявленных в отрасли случаев коррупции: в 70% случаев компании использовали инструменты прикрытия. Большое количество таких компаний держит деньги в налоговых гаванях, перемещая их внутри компании из одной страны в другую. У нас есть программа, позволяющая

отслеживать такие цепочки, но что мы можем сделать? Например, журналист Кристин Сёран, участвовавший в программе, обнаружил нефтяные контракты где-то в Панаме, которые привели к брату президента Панамы. Когда эта история попала в прессу, президент страны подал в отношении журналиста иск на 10 млн долларов, совершенно несоизмеримый с журналистской зарплатой в Эквадоре. Не лучше было бы, чтобы информация была открытой, публичной, чтобы люди знали, куда идут средства, на которые у них объективно есть права.

В Норвегии мы полагаем, что американские и европейские правила раскрытия информации должны работать, но их недостаточно. В каждой стране отчетность разная, и отчеты о налоговых выплатах должны быть обоснованы, а не взяты с потолка. Логично? Мы полагаем, что логично, инвесторы и граждане тоже согласны с этим, и даже политики согласны. Более того, когда мы говорим об этом с финансистами нефтяных компаний неофициально, они не оспаривают необходимость прозрачности. Но на деле ничего не меняется.

Понятно, что геологоразведка в нефтегазовой промышленности — очень затратное дело, требуется несколько лет, прежде чем компания начнет получать прибыль. В Норвегии нефтегазовые компании платят до 75% налога на доход, но, несмотря на такую налоговую нагрузку, не уходят из бизнеса. Не будем забывать, что компания получает право доступа к разработке природных ресурсов только потому, что государство наделяет ее таким правом. Под государством в данном случае я понимаю именно граждан. Нас волнует, как компания будет распоряжаться активами, к которым получила доступ. Мы считаем, что компании обязаны соблюдать законодательство страны, в которой работают. Важно выявлять механизмы, которые позволяют бизнесу выводить из страны не обложенную налогом прибыль, поскольку это наносит прямой вред экономике страны. Например, компания афиширует выделение больших средств на социальные программы, но в реальности часто это лишь пропаганда. Мы у себя в Норвегии требуем раскрыть, какие деньги тратятся на социальные программы. Нам очень нравится талантливый пианист, но мы не считаем, что дело нефтяной компании поддерживать таких пианистов. Нам интересно, откуда приходят деньги, может быть, компании списывают таким образом налоги? Может, все это я из своего кармана оплачиваю? А компания делает красивые брошюры на глянцева бумаге с улыбающимися лицами довольных граждан. На нас это не производит впечатления, нам нужны четкие факты, куда идут деньги и сколько их.

После принятия в Норвегии закона о стандартах прозрачности мы встречаем препятствия на каждом шагу. Мы пытаемся бороться с крупными нефтяными компаниями, идем в суд, нам помогают министерство финансов, юристы, бухгалтеры. Начинается гонка, выиграть которую достаточно сложно. Мы достигли определенных положительных результатов, но проблем по-прежнему много.

Тем не менее я не теряю оптимизма. У нас есть шанс изменить мир к лучшему, есть идеи, факты, собранные в разных странах. Мы видим связь между разными порочными практиками. И хотя у нас нет полной и ясной картины будущего, мы продолжаем собирать элементы этой сложной мозаики.

*Дмитрий Горин,
доктор философских наук
(г. Брянск)*

«Гибридный национализм»: истоки, риски и возможности

Социальная и политическая рефлексия событий последнего года заставляет интеллектуальное сообщество все чаще говорить о «гибридности» («гибридная война», «гибридные режимы»). Видимо, «гибридность» — это черта нашего времени, в котором привычные стереотипы реанимируются в принципиально новых условиях и новыми средствами. В России национализм также обретает черты «гибридности». Национализм сегодня с легкостью втягивает в себя те смыслы, которые еще вчера считались несовместимыми. Как, например, может соединяться национализм, замешанный на этничности «русского мира», с идеей империи, которая относительно недавно поддерживалась стереотипами советского интернационализма? Или почему идея «русского мира» сегодня с такой легкостью разрушает еще вчера незыблемую идеологему «славянского единства», но находит отклик среди неславянских народов России? Впрочем, в «гибридности» национализма нет ничего особенного: это обычный продукт совмещения несовместимого, характерный для общества постмодерна.

Однако, поскольку в «гибридном национализме» с постмодернистскими аллюзиями совмещаются вполне устойчивые смыслы и идеологемы, следует несколько слов сказать о них.

Национализм, как известно, является продуктом формирования национальных государств и гражданских наций. В Европе этот процесс наиболее афористично и точно был выражен формулой, родившейся в годы Великой французской революции: «Свобода, равенство, братство». Идея национального гражданского единства (братство) соединяется здесь с идеями свободы и справедливости. Национальное государство изначально понимается, таким образом, как государство правовое, социальное и гражданское. Некоторые радикально понятые формы национализма в европейской истории имели разрушительные последствия, но все они были вызваны дисгармониями между этими

тремя принципами, уравновешивающими друг друга. Например, соединение национализма и справедливости привело к национал-социализму только при грубом игнорировании принципов правового государства (свободы).

Россия в этой истории демонстрирует некоторую устойчивую уникальность. Однако эта уникальность является следствием не культурной или ментальной особенности, а стойкого нежелания власти признать, что Россия и Европа имеют общие культурные основания, а следовательно, и общую судьбу. Исторически ключевая роль в этом размежевании принадлежит Николаю I — российскому императору, который завел страну в тупик после Крымской войны и создал предпосылки развития востребованного сегодня русского консерватизма. Именно в царствование Николая I происходит разворот от господствовавшего в российской элите христианского универсализма, объединявшего Россию и Европу общими духовными истоками, к идее духовной и культурной уникальности России. Уваровская формула «Православие, самодержавие, народность» возникает в николаевское время как ответ на необходимость подчеркнуть единение власти с народом и особость России по отношению к Европе (а следовательно, возможность избежать аналогов революционных событий, захлестнувших в то время Европу). Уваровская триада представляет собой альтернативу формуле Французской революции. Вместо идеи свободы и правового государства — «духовные скрепы», ведущие не к гражданским свободам, а к абстрактному метафизическому освобождению. Вместо идеи справедливости — принцип самодержавной власти, которая призвана стать высшим арбитром в реализации специфически понимаемого «равенства». Вместо гражданской солидарности и национального братства — утопическая народность, во имя которой власть осуще-

ствляет свою политику и против которой действуют мифические «враги народа». Эта формула в переинтерпретированных вариациях воспроизводилась в советский период (единство народа и партии-власти в осуществлении коммунистической утопии), востребована она и сегодня. Придание религии государственного статуса и укоренение ее в архаичной народной культуре — оборотная сторона уваровской триады, предопределившая замкнутость духовной жизни, которая легко соединяется с этническим национализмом. Сращивание религии (или ее идеологических заместителей) с идеей государства предопределяет восприятие свободы совести и идеологического плюрализма как государственной измены.

Такая подмена имела несколько весьма существенных следствий, которые объясняют «гибридность» современного национализма. Во-первых, понятие «гражданская нация» подменялось понятием «народ», которое в русском языке наделяется этническими чертами. Путаница и невнятность в этих понятиях прослеживается во всех ключевых документах советского и постсоветского периода (чего, например, стоит формула «многонациональный российский народ»). Если гражданская нация призвана к снятию межэтнических противоречий и конфликтов путем построения правового и социального государства, то в российском политическом дискурсе, путающем нацию и этничность, эта проблематика осознается с трудом. Не говоря уже об особой опасности подмены национальной культуры, основанной на лучших образцах и формах национального самосознания (в том числе национальной литературы и философии), этничностью, замыкающейся в узких фольклорных традициях. Опасность этой подмены очевидна: национальная культура объединяет народы, как объединяет любая высокая письменная культура, а этничность разделяет, по-

сколькo определяется «кровью и почвой». Отсюда и реанимация ценности территории, наделяемой этническими и государственническими смыслами (национальное единство, в классическом его понимании, держится не властью и территориями, а идентичностью и общим творческим устремлением). Кстати, нацизм основывается именно на этой подмене: национальность в нацизме определяется на основании этнической «чистоты».

Во-вторых, не менее разрушительные для России последствия имела подмена принципов свободы и справедливости религиозностью и самодержавностью. «Духовные скрепы» вместо политических и гражданских свобод и неограниченная власть как условие поддержания социальной справедливости в режиме «ручного управления» — приметы нынешнего времени, выросшие из обманок уваровской формулы. Идея гражданской нации в России оказывается слабой именно потому, что национальная идея в России чаще всего воплощает в себе державность и религиозную или идеологическую особость (которая, кстати, часто выдается за особость культурную и ментальную). Все эти подмены очевидны сегодня. Примеров достаточно много. Это и попытки отмены конституционных норм об идеологическом и религиозном плюрализме. И восстановление традиционного союза между властью и широкими малоквалифицированными слоями против просвещенного меньшинства. В основе этого союза, который, кстати, существовал и в советском обществе, лежит манипуляция принципом справедливости (равенства).

Таким образом, гражданская нация, которая в европейской истории стала основой правового и социального государства, в России может быть понята в духе привычного эссенциализма, которому в жертву приносятся и свобода, и справедливость.

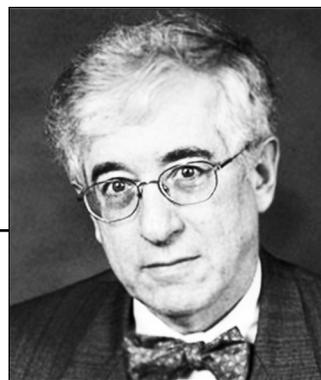
Отсюда и современный «гибридный национализм», который с легкостью соединяет национализм и имперскую державность, этничность и универсальные религиозные смыслы, но при этом в ряде случаев готов проигнорировать принцип верховенства права и даже принести гражданское общество в жертву державным амбициям.

Этими особенностями должен определяться ответ на вопрос, может ли национализм стать средством решения стоящих перед Россией проблем, или он сам станет проблемой.

В годы перестройки во многих союзных республиках, ставших позднее новыми постсоветскими государствами, возникали народные фронты в поддержку перестройки. Идеология этих фронтов часто была националистической и не всегда носила позитивный характер. Но самые разрушительные издержки национализма в большинстве постсоветских государств удается сдерживать именно потому, что национально-освободительное движение в них было связано с принципами правового и социального государства. Там, где эта связь была нарушена, возникали существенные проблемы. Однако там, где баланс между принципами свободы, справедливости и национального единства сохранялся, удалось существенно продвинуться в создании правового государства. У нас есть возможность этот опыт учитывать. «Гибридный национализм» потенциально содержит в себе разные возможности, и сегодня мы видим, что сторонники национализма представляют собой весьма разнородные силы, между которыми намечается размежевание. Если энергия национализма будет направлена на строительство гражданской нации, свободной от этнических предрассудков и культурной замкнутости, но стремящейся к идеалам открытости и правового государства, то есть шанс, что это будет мощная конструктивная сила.

В последнее время наблюдается растущий интерес российских и зарубежных исследователей к эпохе перестройки. Ниже публикуется сокращенная вторая глава из книги известного американского историка Леона Арона «Дороги к храму» (Leon Aron. Roads to the Temple: Truth, Memory, Ideas, and Ideals in the Making of the Russian Revolution, 1987–1991. — Yale University press: New Haven and London, 2012). По отзывам рецензентов, «Дороги к храму» — глубокое и неординарное исследование «загадки распада СССР». Комментируя это исследование, Михаил Горбачев отметил, что Арон написал книгу о моральной основе перестройки и о переоценке ценностей, которая привела к беспрецедентному и для многих неожиданному сдвигу в российской истории. «Это были годы, когда мы пытались соединить политику и мораль», — заявил первый и последний президент СССР.

За правду и добро: кредо гласности

*Леон Арон,
директор российских
исследований
Американского института
предпринимательства*

Сегодня главный вопрос — вопрос о новой структуре ценностей.

Александр Яковлев. Отвержение и утверждение
// Огонек, № 43, 1988, с. 14.

Дело в упорядочении системы духовно-нравственных ценностей, в понимании того, зачем живет человек, в чем его призвание. Сегодня все экономическое развитие страны уперлось в духовно-нравственную сущность человека. Ничего не удастся существенно изменить в лучшую сторону в экономике, если не изменимся к лучшему мы сами.

Михаил Антонов. Так что же с нами происходит?
// Октябрь, август 1987, с. 54, 56.

Мы хотим изменить экономику, мы беремся за обновление общества, но пока у нас не будет чистой совести, мы ни в чем не добьемся успеха.

Е.С. Кочетков, письмо в редакцию // Знамя, август 1988, с. 228.

Переживая это в целом радостное состояние выздоровления, нужно и важно, по-моему, не забывать об истине момента. А она, думаю, проста и очевидна: правда, одна только правда, ничего, кроме правды!

Константин Смирнов. Момент истины и истина момента // Огонек, № 36, 1988, с. 24.

Так и только так это и происходит. Сначала лишь немногие осознают необходимость в обновлении идей, но большинство их не слышит и даже боится касаться их, как будто они — прокаженные. Однако постепенно раздавленные и выхоленные демократии и свободы начинают набирать ход.

Они становятся смутным сознанием большинства, оставаясь твердым пониманием немногих. А затем, когда это новое понимание объявляется во всеулышание, звучит по радио и в газетах, многие из тех, кто сначала сопротивлялся этому новому сознанию, принимают его.

Владимир Лакшин. Народ и люди: О романе Василия Гроссмана
// Известия, 25 июня 1988, с. 3.

Каждая великая современная революция, по сути, начиналась со стремления к достоинству. Последняя русская революция началась как восстание против позора лжи — «всепроникающей и всепожирающей» (А. Яковлев), которая стала «нормой жизни»¹. По мере того как ослабевал страх перед наказанием за публичный вызов лжи (или за отказ участвовать в производстве лжи), свидетели этого процесса непосредственно, физически ощутили первые ростки правды. Их сравнивали с мощной рекой, прорвавшей плотину и оставившей позади когда-то сдерживавшую поток «ржавую арматуру», а также «мусор и грязь»². Внезапная возможность высказывать правду ощущалась как приток кислорода для заваленных в забое шахтеров или излечение от проказы³.

«Живительные воды гласности* и свободы утоляли жажду правды в закрепощенном обществе»⁴, — вспоминал Александр Яковлев, член политбюро ЦК КПСС, роль которого в запуске и поддержании процесса либерализации уступала лишь роли Михаила Горбачева. «Первые глотки свободы, — продолжал Яковлев, — возможность говорить и писать все, что думаешь, творить свободно, не боясь доносов и лагерей... туманили голову». Общество начало «узнавать правду о себе», ликовал литературный критик, и «этот процесс становился неконтролируемым!»⁵.

Статьи в газетах и журналах «ошеломляли» читателей, отмечал в то время один из ведущих публицистов. Почтовые ящики, откуда россияне извлекали газеты и журналы, превратились в источник ежедневных чудес. В креслах, на диванах или в метро миллионы людей читали о темах, которые всего лишь за три года до этого квалифицировались бы как преступление по статье 190 Уголовного Кодекса РСФСР «Распространение заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский общественный строй»⁶.

«Мы не смели бы и думать о том, о чем пишем сегодня», — отмечал осенью 1986 года один из видных драматургов⁷. Как рассказывалось в популярном московском анекдоте тех лет, ошарашенный мужчина звонит приятелю по телефону, желая убедиться, прочел ли тот статью в последнем выпуске еженедельника «Московские новости». «Еще не читал, — отвечает тот. — А о чем там?» — «Ты с ума сошел? — отвечает звонивший (полагая, как и каждый, что его телефон прослушивается). — Это не телефонный разговор!»

Выступая с речью в июле 1987 года, Яковлев назвал гласность «нашим общим возвратом к истине»⁸, а главный редактор одного из ведущих либеральных еженедельников сравнил результаты этого процесса с «духовным

* Термин «гласность» стал частью российского политического лексикона еще в 1841 году, когда первый из великих либеральных реформаторов России граф Михаил Сперанский включил «гласность» в рекомендации по «управлению Сибирью» в статье, опубликованной лишь через два года после его смерти (Михаил Сперанский. Обозрение главных оснований местного самоуправления Сибири. Напечатано по Высочайшему повелению (царя). — Санкт-Петербург, 1841, с. 8. Цит. по: С.Г. Сватиков. Россия и Сибирь. С. 91). Автор признателен д-ру Джонатану Сандерсу за предоставленную им копию статьи Сватикова.

землетрясением»⁹. «Острая жажда правды» стала наиболее ярко выраженной национальной чертой, «гражданским и политическим кредо миллионов»¹⁰. Перед глазами иностранных наблюдателей предстала страна, внимание которой было приковано к правде; страна, «изгоняющая дьявола» и испытывающая «катарсис»¹¹. Правда обо всех и вся: об экономике и политике страны, о том, как народ действительно живет и о чем он на самом деле думает, о прошлых и нынешних руководителях, о мире за пределами все еще закрытых границ, — «правда» стала «практически основным словом в словаре» нации, «символом и лозунгом перемен»¹².

Наступающие перемены оказались настолько быстрыми и ослепительными даже для тех, кто был непосредственно вовлечен в практически ежедневное расширение пространства истины — писателей, журналистов и публицистов, что и им порой приходилось напоминать самим себе о грандиозности этого «прорыва к свободе»: «Духовная жизнь общества меняется на наших глазах... Истина, которая была спрятана за семью замками и печатями, выпущена из темницы и стала нашим собеседником. Даже те... кто издавна затыкал истине рот, сейчас вынуждены прислушиваться к ней... И лишь взглянув назад и увидев, как далеко позади мы оставили “ледниковый период”, понимаешь, насколько резки повороты в нашей жизни и сознании, какие шоры мы сбрасываем и какие мощные механизмы подавления живой и свободной мысли демонтируем»¹³.

Люди страстно преникали ко всем источникам истины. Очереди в газетные киоски, «огромные толпы», порой огибавшие квартал, образовывались в шесть утра, а тиражи газет зачастую расходились за пару часов¹⁴. Один из читателей назвал этот ежедневный ритуал «утренними газетными митингами»¹⁵. Из библиотечных фондов «исчезали» газеты и журналы со статьями наиболее известных публицистов гласности — Николая Шмелева, Анатолия Стреляного, Юрия Черниченко, Геннадия Лисичкина, Людмилы Попковой, Василия Селюнина и Геннадия Ханина...

Читательская аудитория самых смелых газет и журналов достигла масштабов, которые ныне кажутся фантастическими. В период с 1986 по 1989 год подписной тираж еженедельника «Аргументы и факты», который из пресного пособия для партийных пропагандистов превратился в источник жестких комментариев и ранее секретных фактов и цифр обо всех аспектах жизни в Советском Союзе, вырос десятикратно, достигнув 20 млн 458 тыс. экземпляров¹⁶. А еще через год число подписчиков на этот еженедельник достигло 32 млн 959 тыс. человек. Подписка на еще один либеральный еженедельник, «Литературная газета», удвоилась, составив 6 млн 627 тыс. 700; подписка на «Известия» выросла на 40% — до 10 млн 138 тыс., а на «Комсомольскую правду» — почти на 20% (14 млн 466 тыс. человек)*.

* Консервативная еженедельная газета «Труд», лидировавшая по общему числу подписчиков, увеличила подписной тираж лишь на 9%, а число подписчиков на «Правду» несколько уменьшилось. На высшей точке газетно-журнального бума (1988–1989) подписка на ведущие консервативные издания начала снижаться: «Правда» потеряла 183 тыс. читателей, «Советская Россия» — 392 тыс. («Известия ЦК КПСС» № 1, 1991 г., с. 139).

Станислав Марковски. Самовыражение. 1974

Еще одна бывшая пропагандистская газета, ставшая флагманом гласности, «Московские новости» (ранее распространялась в основном за рубежом на пяти-шести языках), довела свой российский тираж в 1987 году до 250 тыс. экземпляров, после чего Центральный Комитет партии наложил запрет на дальнейшее увеличение тиража¹⁷. Газета распродалась за несколько

минут по утрам в среду, а очереди за ней выстраивались с 5 утра. Она передавалась из рук в руки по всей стране. Ежедневно у редакции газеты на Пушкинской площади в центре Москвы проходили неформальные митинги и политические дебаты.

Тираж другого смелого издания, иллюстрированного еженедельного журнала «Огонек», который до 1986 года был «убийственно банален», вырос с нескольких сот тысяч экземпляров до 3,5 миллиона. Выходящая в журнале рубрика «Слово читателя», где письма публиковались без изменений, по праву стала называться «первым общенациональным форумом для открытых дебатов по политическим и социальным вопросам»¹⁸. В 1986 году «Огонек» получил 15 тыс. 372 читательских письма, в следующем году — 49 тыс. 619, а в 1988 году — 112 тыс. 842¹⁹. «Впервые в жизни (а мне уже семьдесят) я дала взятку, — говорилось в одном из этих писем. — Знаете за что? За подписку на «Огонек». Сколько? Пятьдесят рублей сверх преискуранта. Пенсия у меня всего лишь восемьдесят рублей в месяц. Я вынуждена поступить нечестно, потому что не могу жить без этого журнала»²⁰.

После того как ведущие литературные (так называемые толстые) журналы приняли либеральную «повестку дня» и начали публиковать некоторых из лучших, запрещенных ранее российских писателей (вскоре добавив к ним революционных публицистов), они также стали быстро привлекать новых подписчиков*. Под руководством вновь назначенных главных редакторов в период с 1986 по 1989 год тиражи журналов «Новый мир» и «Знамя» выросли более чем в четыре раза, а тираж «Октября» почти утроился. Тираж мало кому известного ранее журнала «Дружба народов» увеличился в десять с лишним раз²¹.

Читательский бум возглавила интеллигенция. «Местная интеллигенция полностью занята тем, чтобы не отстать от всех журналов и газет», — сообщал американский журналист из Москвы в июне 1988 года²². Действительно, согласно ответам на вопросы анкеты, распространенной в начале 1989 года среди читателей «Ленинки» — главной библиотеки Советского Союза, от трети до половины из них прочли по крайней мере некоторые из ключевых текстов возвращенной из небытия русской классики (так называемых новых старых книг), опубликованных в толстых журналах всего лишь за несколько месяцев до этого: «Котлован» Андрея Платонова, «Собачье сердце» Михаила Булгакова, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, а также «Доктор Живаго» Бориса Пастернака²³...

* Обсуждая журнальный бум в интервью, которое вышло в январе 1988 года, два ведущих эксперта по общественному мнению связали резкое увеличение подписных тиражей с публикацией поэтов Николая Гумилева, Владислава Ходасевича, Анны Ахматовой («Реквием»), Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Александра Твардовского («По праву памяти»), Марины Цветаевой и Владимира Высоцкого, а также писателей Михаила Булгакова, Владимира Набокова (его стихи были опубликованы позднее), Александра Бека («Новое назначение»), Владимира Дудинцева, Даниила Гранина («Зубр»), Андрея Платонова («Чевенгур») и Варлама Шаламова. По данным авторского обследования читателей и библиотек, самой популярной работой 1987 года стал роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». (Лев Гудков и Борис Дубин. Что мы читаем (интервью Михаила Гуревича) // «Литературное обозрение» № 1, 1988, с. 93–94.

Свежие статьи вызывали горячие дискуссии в автобусах и трамваях²⁴. В вузах, научных институтах, школах и на заводах возникали дискуссионные клубы. Одно из таких обществ — «Клуб имени Н.И. Бухарина», названный в честь одного из главных теоретиков коммунизма и ленинского соратника, который выступал против сталинской коллективизации в конце 1920-х и был расстрелян после показательного процесса, — сформировался на Камском автомобильном заводе («КамАЗ») в волжском городе Набережные Челны. «Должен признаться, что, впервые попав на собрание клуба, я был ошарашен, — сказал камазовский слесарь приезжим из Москвы в сентябре 1988 года. — Гласность — хорошо, но надо же знать, где остановиться. А затем я подумал: кто из нас должен определять, насколько далеко можно зайти [в дискуссии], и какими критериями измерять [свободу слова]? Я просто не привык к свободному обмену мнениями. Сейчас я считаю свободу мысли чем-то естественным»²⁵. Другой член клуба добавил: «Когда я задумываюсь о том, каким был два года назад, то разница колоссальная. Я осознал, что и понятия не имел о социальных науках: то, что я знал, было всего лишь политическим суеверием; у меня не было собственной позиции».

Почти наверняка через восемь месяцев члены Бухаринского клуба оказались в числе десятков миллионов, которые смотрели каждую минуту девяти часов прямого эфира с первого съезда Совета народных депутатов²⁶. Впервые за семьдесят два года в законодательном органе страны без какой-либо цензуры шли публичные политические дебаты. На протяжении трех недель в мае — июне 1989 года страна практически замерла, «зачарованная», по выражению одной из ведущих центральных газет, «эйфорией» от такого уровня гласности²⁷.

За ходом съезда по телевидению или радио следили 70–90% взрослых жителей в крупнейших городах страны. «Все, кто мог, сидели перед телевизором», — писал один из самых популярных публицистов гласности Игорь Клямкин, поскольку перед ними разворачивалось «нечто совершенно невообразимое по своей открытости, искренности и накалу политических страстей»²⁸. Матери подвешивали к детским коляскам транзисторные радиоприемники, чтобы слушать, что происходит на съезде²⁹. По оценкам, объем производства в экономике упал на одну пятую по сравнению с тем же периодом предыдущего года*.

Давая интервью на следующий день после завершения съезда, один из депутатов, бывший лидер диссидентского движения и лауреат Нобелевской премии мира Андрей Сахаров, предположил, что главным

* За эти «чудесные недели», как назвал их ведущий советский социолог и специалист по опросам общественного мнения Юрий Левада, когда вся страна, «как зачарованная, сидела перед телевизорами», люди услышали вещи, которые «всего лишь за год до этого» невозможно было представить себе в газете. «Если бы кто-то показал мне увиденное мною за год до этого, — писал главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев, — я подумал бы, что все это шоу — часть тщательно продуманной уловки». (Юрий Левада. Поезд спешит и опаздывает // «Советская культура». 14 октября 1989 г., с. 2. Егор Яковлев. Съезд и политическая реформа // «Московские новости». 18 июня 1989 г., с. 3).

результатом мероприятия стало «пробуждение политического чувства у миллионов людей»³⁰. Съезд подтвердил, по словам Сахарова, что «народ отнюдь не пассивен». «У него просто не было канала для [политических] усилий. А когда такой канал появился, с ним появилось и реальное политическое действие. Его значение станет яснее с течением времени».

Они учились говорить откровенно, «говорить то, что мы думаем, что мы действительно чувствуем», писал обозреватель газеты «Известия» и телекомментатор Александр

Бовин, чье тучное телосложение, огромная бальзаковская голова с гривой волос и роскошные усы были знакомы миллионам советских телезрителей: «Наука эта оказалась трудной... Кричащая немота была не жутким сном, а

*Единственный путь к свободной,
процветающей и достойной России
лежал через познание
миллионами россиян прошлого
и настоящего страны*

жуткой реальностью. Десятилетия триумфальной лжи, пустых речей и духовного паралича обрекли истину на то, что она стала нескладной, едва связной. Ныне мы учимся говорить правду... о себе, о своем будущем, о своем прошлом. Мы учимся оценивать сценарии будущего, поскольку оно создается сегодня. Проблема истины — не просто личная проблема каждого из нас. Это проблема совести, нравственности и самоуважения»³¹.

Одно из первых открытий этой «трудной науки» заключалось в том, что после семидесятилетнего симбиоза цензуры и террора одним из мощнейших препятствий к лучшему будущему был самообман. Когда «тоталитаризм начал уничтожать души, на смену творчеству пришло мифотворчество»³²... В корне этого трагического самообмана лежали идеологические догмы, гротескно расхлывшиеся с реальной жизнью, но не оспаривавшиеся несколько поколений. Место реальности заняли мифы, порожденные «густым туманом страха и демагогии»³³. Они формировали политический, социальный и нравственный лексикон. Они лежали в основе действий...

Могло ли быть по-другому, когда экономика «деформирована», а политическая система «бесчеловечна»?³⁴ Как могло сознание народа оставаться «нормальным»? Именно необходимость примирить «обычную логику» с «общей патологией» советской жизни породила десятки идеологических мифов, которые должны были «помочь советскому человеку поверить, что он живет хорошо и является счастливейшим человеком в мире».

Никто не сможет помочь стране, «даже Бог», пока не будут отброшены эти мифы, а вместе с ними и «хроническое самонепонимание»³⁵. Выбор был жестким: «Окажется ли общество вновь опутано паутиной мифов, связывающих свободу воли, свободу действий и порождающих иллюзорные надежды, или же победу одержат свободный дух и свободный разум сознающего себя человека, способного найти свое место в мире без успокоительного идолопоклонничества?»³⁶.

Демифологизация была ключом к «трудному возврату России к цивилизации»³⁷. «Самоизлечение» от «самообмана» означало ни много ни мало, как «превращение в иной народ»³⁸...

Общенациональный самообман, насколько бы тревожным он ни был, лишь один из аспектов того, что Сахаров называл «моральной деградацией общества». Если не считать десятилетия либеральной хрущевской «оттепели», то и дело перемежавшейся «заморозками» (1954–1964), то «нравственная трясына»³⁹ стала «ужасающим результатом» четырех с половиной десятилетий сталинизма и коррумпированного «мягкого» брежневского тоталитаризма с его отупляющей смесью «обмана и самообмана» с бесплодным публичным дискурсом...

Один из читателей «Комсомольской правды» в письме в редакцию осуждал «ужасающую и трагичную... потерю нравственности колоссальным числом людей, живущих в границах СССР»⁴⁰. Бессилие перед лицом «бюрократического всемогущества», ослепляющие «плотные пары страха и демагогии»⁴¹, растущая пропасть между жизнью людей и оглушающими лозунгами пропаганды — эти ключевые черты советского тоталитаризма породили то, что писатель Анатолий Приставкин назвал «практически новым биологическим видом» человека: «человек безответственный», который разучился действовать и даже думать без «команды сверху»⁴². Приставкин назвал его «человек бездеятельный», «человек безразличный» и «человек безынициативный».

По мнению одного из основателей советской социологии и одного из ярчайших представителей этой науки Владимира Шубкина, произошедшее с российским народом за предшествующие семь десятилетий стало не просто «демографической и генетической катастрофой»⁴³, вызванной гибелью миллионов из-за террора, войны и голода. Самым страшным бедствием стало «уничтожение человека социального» и его замена «человеком биологическим»: «Вся независимая [от государства] общественная жизнь была запрещена. Нельзя, конечно же, называть “общественной” жизнь, состоящую из нудной обязаловки всяческих демонстраций и собраний, из позора и полностью контролируемых “выборов” единственного кандидата, из механического единодушия при голосовании с регулярным и надежным поднятием рук... Большинство людей были обречены на чисто биологическое существование. Для множества невообразимые трудности и лишения при обеспечении самых элементарных потребностей в питании, одежде и жилье вытеснили всякую мысль о правах и гражданском достоинстве»⁴⁴.

Срочное решение проблемы было жизненно необходимым. В одной из статей 1987 года «Так что же с нами происходит?» автор утверждал, что народ необходимо «спасать», причем не от внешних угроз, а «прежде всего от самого себя, от последствий деморализующих процессов, убивающих самые благородные человеческие качества»⁴⁵.

Как спасать? Сделать зародившуюся либерализацию судьбоносной и необратимой, не «оттепелью», а изменением климата. Но что могло бы гарантировать такую необратимость? Прежде всего — появление «свободного, раскрепощенного человека, обладающего иммунитетом против возврата к духовному рабству»⁴⁶. Мы должны наконец понять, заявлялось в феврале

1989 года в передовице «Огонька», что лишь «человек», неспособный быть полицейским осведомителем, неспособный к предательству и лжи во имя чего бы то и кого бы то ни было, может спасти нас от возврата к тоталитарному государству⁴⁷.

Круговой характер этой логики, согласно которой для спасения народа необходимо спасти перестройку как духовную «революцию», а перестройку, в свою очередь, можно спасти, лишь если она изменит человека «изнутри», никого, по всей видимости, не волновал. Размышлявшие об этих вопросах вслух, похоже, полагали, что спасение страны посредством перестройки и извлечение ее народа из духовной трясины тесно и, возможно, неразрывно переплетены.

Главным было вернуть людей от «крепостничества» и «рабства» к гражданственности. «Хватит! — заявил Борис Васильев, автор замечательной повести о Второй мировой войне («А зори здесь тихие»), на основе которой был снят фильм. — Хватит лжи, хватит угодничества, хватит трусости. Давайте, наконец, вспомним, что все мы — граждане. Гордые граждане гордой страны!»⁴⁸

Прошло чуть более полугода после объявления Михаилом Горбачевым в январе 1987 года о начале гласности и «демократизации», как Александр Яковлев обратился к нравственным основам политической революции, которую он сам помог начать и сохранить. Достижения, основанные на «нарушении принципов честности и нравственности», не могут быть глубокими и долговечными, заявил он летом 1987 года на собрании партактива в Калуге⁴⁹. Вопреки официальной догме он декларировал приоритет «духовного» над «материальным»: политические и экономические достижения, как бы они ни впечатляли, утверждал Яковлев, являются «временными». Лишь «человек и его ценности вечны». Дом и семья. Свобода и долг. Честность, порядочность и справедливость. Миролюбие, гуманизм и щедрость. Смелость, верность и самопожертвование. Работа и творчество. Разум и талант.

Для Яковлева возврат к этим ценностям после десятилетий их подчиненности государству был жизненно важен. Революционные изменения не могут происходить без «глубоких нравственных улучшений». Демократия и нравственность были неразделимы. В конечном итоге «суть реформ» для Яковлева заключалась в «восстановлении нравственности везде и во всех случаях». Нравственность, заключал он, приобрела «политический смысл»⁵⁰. Императивом, неотъемлемым условием политической революции считалась теперь задача создания нравственного человека и гражданина...

О чем бы они ни писали в течение этих пяти лет — о продовольственном дефиците или Второй мировой войне, о промышленности или культуре, об уровне жизни или медицине, о сталинизме или марксизме, о демократии или рыночной экономике, — лучшие публицисты гласности были нравственными философами, полагавшими, что «новая структура ценностей» является «ключевым вопросом» процесса, который, как они твердо верили, означал развертывание революции, а не просто «смену декораций»⁵¹. Они были моралистами, страстными и нетерпеливыми, изъяснявшимися на

языке абсолютов. Их цель заключалась в «улучшении нравственного состояния» общества⁵²...

Задача эта была не из легких. Шубкин писал о «грустной, печальной реальности»: люди «унижены, оскорблены, обмануты», и лишь сейчас робко «начинают догадываться, что могут быть гражданами»⁵³. Он называл эту задачу «нравственным образованием», «пробуждением» народного сознания.

Таков, судя по всему, был сложившийся консенсус.

Для Сахарова «возрождение советского общества было “возможно только на [новой] нравственной основе”⁵⁴...»⁵⁵. Михаил Горбачев видел задачу «демократизации» в формировании

новой «нравственной атмосферы»⁵⁶. Один из советских ведущих экономистов считал «революционные изменения человеческого духа» «первейшим условием» общественного «самообновления»⁵⁷. По мнению одного из известных ученых-юристов, «наша мирная революция может добиться успеха только как высоконравственный процесс»⁵⁸.

В книге «Великий разрыв» (The Great Disruption) об обширном и судьбоносном распаде общественных нравов философ-политолог Френсис Фукуяма назвал такие попытки врачевания общественной нравственности «ренормированием», то есть введением новых норм. По его словам, «великий разрыв» неустраним сам по себе. Людям придется признать, что их общественная жизнь ухудшилась, что им придется потрудиться над «ренормированием» своего общества «посредством обсуждений, аргументации, культурных споров и даже культурных войн»⁵⁹.

К 1988 году такое «ренормирование» Советской России стало основным пунктом революционной повестки дня. «Мы на грани духовной революции... которая потребует от нас предельных усилий и подлинного творчества, — писал Игорь Клямкин. — Похоже, мы лишь сейчас начинаем понимать, насколько глубокое и сложное духовное возрождение нам предстоит пережить»⁶⁰.

Необходимость предвидеть — и вдохновлять! — эту нравственную революцию подтолкнула лидеров общественного мнения из числа сторонников реформ к иному использованию правды. К середине 1988 года размывание цензуры сменилось более целенаправленным, организованным и практичным использованием правды как в качестве диагностического инструмента, позволяющего оценить ущерб, нанесенный стране за предшествующие семь десятилетий, так и как средства восстановления нравственности. Честный разговор с народом о том, что произошло с ним и со страной, стал отныне незаменимым средством «укрепления ценностей и нравственных понятий»⁶¹.

Единственный путь к свободной, процветающей и достойной России лежал через познание миллионами россиян прошлого и настоящего страны.

*Подобно тому,
как на невозделанной почве растут
лишь сорняки, в несвободном человеке
спонтанно порождаются лишь
агрессивность и нетерпение*

Для трубадуров гласности не существовало более высокой и жизненно важной миссии, чем «содействовать» этим революционным «процессам самосознания»⁶²...

Страна, которая так долго лгала себе, должна была наложить на себя «эпитимью» правды⁶³. Каждый институт — политический, экономический, общественный — должен был предстать перед «судом правды и совести»⁶⁴...

За этим последовал безжалостный общенациональный самоанализ поразительной широты и силы — важнейший элемент колоссальных и отчаянных усилий выковать более достойного и добродетельного человека, государство и общество...

Их были сотни: писатели, публицисты, журналисты, телевизионщики, ученые. Они выступали с публикациями и передачами повсеместно — от «Известий» и центрального телевидения до множества местных газет, радио- и телевизионных станций. Они различались в той же мере, что и их аудитории, пейзаж, климат и часовые пояса их бескрайней страны.

При этом в биографиях ряда самых знаменитых и влиятельных представителей этой плеяды было нечто общее. Было ли им сорок, пятьдесят или шестьдесят лет, они с гордостью относили себя к шестидесятникам. Ненависть к сталинизму была краеугольным камнем их «политической культуры», а все написанное ими основывалось на горячей вере в то, что «в любом честном и думающем человеке сталинизм может вызвать только лишь яростный отпор, протест, противостояние, желание изменить эту бесчеловечную систему»⁶⁵. Именно они, говоря словами Александра Яковлева, «сорвали ржавые запоры большевизма, выпустив правду из железной клетки на свободу»⁶⁶...

Гласность в буквальном смысле слова началась с вышедшего в 1986 году антисталинского фильма-аллегии «Покаяние»*. В вопросе из фильма «К чему дорога, если она не ведет к храму?» писатель Борис Васильев слышал народную отповедь и мольбу: «Когда же вы, интеллигенты, восстановите дорогу к храму народного достоинства, нравственности, счастья?»⁶⁷. Поднимаясь в ответ на этот призыв, трубадуры гласности задумывались ни много ни мало, как о «новом видении мира», готовясь дать «пример бескомпромиссного, бескорыстного поиска истины»⁶⁸. Говоря словами главного редактора журнала «Новый мир» Сергея Залыгина, они думали о том, как «воссоединить» свою страну с «общечеловеческими» ценностями, от которых она была «отделена железным занавесом»⁶⁹.

Они были бескомпромиссны, пылки и мечтательны, а их планы — грандиозны и судьбоносны. При этом они не были слепы перед лицом грандиозных препятствий, стоявших на пути. «Выдавливание» из себя внутреннего «раба по капле», как говорил Чехов, долгий и болезненный труд. Подобно тому, как на невозделанной почве растут лишь сорняки, в несвободном человеке спонтанно порождаются лишь агрессивность и нетерпение. Способность мыслить свободно достигается нелегкими усилиями.

* Режиссер Тенгиз Абуладзе. Фильм снят в 1984 г. Гран-при Каннского кинофестиваля в 1987 г., премии «Ника» в шести номинациях в 1988 г. — Прим. ред.

Они подозревали, что пройдет очень много времени, прежде чем страна оправится от нравственного «паралича», когда покрывшиеся коркой от десятилетий лжи «бельма» спадут с глаз народа, а их правда станет «народной правдой»⁷⁰. Расставание с мифами будет болезненным, а многих приведет в замешательство. Они знали, что научиться «вдыхать воздух свободы и ценить ее грандиозные дары» будет очень сложно⁷¹.

*Перевод с английского
Юрия Сомова*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Борис Васильев. Прозрение // Советский экран 6, март 1987: 5.
- ² Юрий Черниченко. Земля, экология, перестройка // Литературная газета, январь 29, 1989: 3.
- ³ Андрей Нуйкин. Идеалы или интересы? // Новый мир 1, январь 1988: 190.
- ⁴ Александр Яковлев. Сумерки. — М.: Материк, 2003: 373.
- ⁵ Игорь Виноградов. Может ли правда быть поэтапной? // Иного не дано. — М.: Прогресс, 1988: 279.
- ⁶ Леонид Баткин. Возобновление истории // Иного не дано, 155.
- ⁷ Александр Гельман. Что сначала, что потом... // Литературная газета, сентябрь 10, 1986: 10.
- ⁸ А.Н. Яковлев. Перестройка и нравственность // Советская культура, июль 21, 1987: 2.
- ⁹ Федор Бурлацкий. Судьба реформаторов страны // Литературная газета, июнь 27, 1990: 1.
- ¹⁰ Александр Бовин. Перестройка: правда о социализме и судьбе социализма // Иного не дано, 520.
- ¹¹ Geoffrey A. Hosking. At Last an Exorcism // Times Literary Supplement, October 9–15, 1987: 11 and Philip Taubman. Soviet Party Conference Delegates Turn Anger on Press and Economy // New York Times, June 30, 1988: A1.
- ¹² Игорь Клямкин. Почему так трудно говорить правду? // Новый мир 2, февраль 1988: 238.
- ¹³ Л. Лазарев. Дух свободы // Знамя 9, 1988: 218.
- ¹⁴ См.: Лев Гудков и Борис Дубин. Литературная культура: процесс и рацион // Дружба народов 2, февраль 1988: 182; Дмитрий Казутин. Символы вместо целей // Московские новости, июнь 5, 1988: 10; Марина Павлова-Сильванская. Нетерпенье // Литературная газета, апрель 29, 1987: 10; Christopher Cerf and Marina Albee, eds. Small Fires: Letters from the Soviet People to Ogonyok Magazine, 1987–1990. — New York: Summit Books, 1990: 61.
- ¹⁵ Николай Быков. Прямая речь // Огонек 33, 1987: 19.
- ¹⁶ Тиражи ряда центральных газет и журналов в 1985–1989 // Известия ЦК КПСС, no. 1, 1989: 139. (См. также перепечатку: Аргументы и факты, май 6–12, 1989: 3.)
- ¹⁷ Le Monde, November 4, 1987, reprinted in FBIS-SOV, November 10, 1987: 7.
- ¹⁸ Christopher Cerf and Marina Albee, eds. Small Fires, 7.
- ¹⁹ Слово читателя // Огонек 1, 1989: 6.
- ²⁰ Cerf and Albee. Small Fires, 69. (Письмо было опубликовано в: Огонек, сентябрь 1988.)
- ²¹ Известия ЦК КПСС, № 1, 1981: 139.
- ²² David Remnick. Soviets Publish Shalamov Tales of the Gulag // Washington Post, June 22, 1988: C9.
- ²³ В. Стельмах. Новые старые книги // Известия, февраль 1, 1989: 2.
- ²⁴ Александр Архангельский. Между свободой и равенством: Общественное сознание в зеркале «Огонька» и «Нашего современника». 1986–1990 // Новый мир 2, февраль 1991: 230.
- ²⁵ Юрий Афанасьев, Лен Карпинский, Марина Огородникова. Мышление без «погон» // Московские новости, сентябрь 25, 1988: 8.
- ²⁶ В. Арсеньев. Съезд в телевизионном измерении // Известия, июнь 16, 1989: 7; Вера Никитина. Год за годом: 1989 // Информационный бюллетень мониторинга 4, no. 30, июль–август 1997: 38.
- ²⁷ Н. Бондарук. День второй // Известия, май 27, 1989: 1.

- 28 Игорь Клямкин. Трудный спуск с зияющих высот. — М.: Правда / Библиотека «Огонька», 1990: 3.
- 29 Григорий Цитриняк. Степень свободы. Интервью с Андреем Сахаровым // Огонек 31, 1989: 29.
- 30 А.Д. Сахаров. Съезд может сделать все сразу... // Литературная газета, июнь 21, 1989: 11.
- 31 Александр Бовин. Перестройка: правда о социализме... // Иного не дано, 519.
- 32 Алексей Кива. Кризис жанра // Новый мир 3, март 1990: 206.
- 33 Леонид Лазарев. Дух свободы. Послесловие к роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». — М.: Книжная палата, 1989: 661; Александр Ципко. Истоки сталинизма // Наука и жизнь 2, февраль 1989: 56.
- 34 Александр Ципко. Хороши ли наши принципы? // Новый мир 4, апрель 1990: 192.
- 35 И. Клямкин. Почему... 215; Виктор Криворотов, Сергей Чернышов, Георгий Целмс. Мифы нашей революции // Литературная газета, март 7, 1990: 5.
- 36 А. Бочаров. Мчатся мифы, бьются мифы // Октябрь 1, январь 1990: 191.
- 37 Кива. Кризис жанра 215.
- 38 Клямкин. Почему... 230.
- 39 Юрий Буртин. Вам, из другого поколения. . . // Октябрь 8, август 1987: 202.
- 40 А. Кожевников. Проигран ли нами этот век? Письмо редактору // Комсомольская правда, декабрь 28, 1990: 2.
- 41 Л. Лазарев. Дух свободы. Послесловие... М.: Книжная палата, 1989: 661.
- 42 Анатолий Приставкин. Ответственность // Огонек 32, 1987: 7; Чингиз Айтматов. Цена прозрения // Огонек 28, 1987: 6.
- 43 Владимир Шубкин. Трудное прощание // Новый мир, апрель 1989: 175.
- 44 Там же.
- 45 Михаил Антонов. Так что же с нами происходит? // Октябрь 8, август 1987: 44.
- 46 Там же; Михаил Шатров. Необратимость перемен // Огонек 4, январь 1987: 4.
- 47 Огонек 5, 1989: 23.
- 48 Борис Васильев. Прозрение, 5.
- 49 Яковлев. Перестройка, 2.
- 50 Там же.
- 51 Андрей Нуйкин. Открытое письмо // Огонек 40, 1989: 6; Александр М. Яковлев. Отвержение и утверждение // Огонек 43, 1988: 14.
- 52 Шубкин. Трудное прощание, 184.
- 53 Там же, 183.
- 54 Андрей Дмитриевич Сахаров. Некролог // Новый мир 2, февраль 1990: 271.
- 55 Сахаров. Неизбежность перестройки // Иного не дано 127; Георгий Жженов. Судьба народа и человека // Комсомольская правда, ноябрь 7, 1988.
- 56 Святослав Федоров. Чтобы никогда не повторилось! // Огонек 8, 1987: 1.
- 57 Павел Бунин. Новые ценности // Октябрь 12, декабрь 1987: 149.
- 58 Марат Баглай. Мораль и политика // Советская культура, июль 27, 1989: 4.
- 59 Francis Fukuyama. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. — New York: Free Press, 1990: 250.
- 60 Клямкин. Почему... 205, 237.
- 61 Жженов. Судьба народа.
- 62 Михаил Капустин. Камо грядеши? // Октябрь, август 1987: 175.
- 63 Александр Гельман. Что сначала... 10.
- 64 Лен Карпинский. Почему сталинизм не сходит со сцены? // Иного не дано, 660.
- 65 Бурлацкий. Судьба реформаторов . . .
- 66 Яковлев. Сумерки, 2003: 587.
- 67 Борис Васильев. Прозрение // Советский экран 6, март 1987: 5.
- 68 Игорь Кон. Психология социальной инерции // Коммунист 1, январь 1988: 64.
- 69 Сергей Залыгин. Год Солженицына // Новый мир 1, январь 1990: 240.
- 70 Золотусский. Крушение абстракций, 243.
- 71 Александр Васинский. Терпимость к инакомыслию // Московские новости, сентябрь 11, 1988: 13.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах

Эпплбаум, Энн. Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956). Перевод с англ. яз. Андрея Захарова (Anne Applebaum. Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe 1944–1956. Allen Lane an imprint of Penguin Books. New York, 2012). — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015. — 704 с., ч/б илл.

В этой книге известная американская журналистка и политический аналитик исследует историю образования и начального периода эволюции коммунистических режимов в странах Восточной Европы после Второй мировой войны. Анализ событий главным образом в освобожденных Красной армией Венгрии, Восточной Германии и Польше сопровождается новыми материалами многочисленных архивов, свидетельствами очевидцев событий. Всесторонне реконструируются различные аспекты социально-политических и экономических процессов в странах социалистического лагеря, функционирования механизмов пропаганды и политического контроля всех сфер жизни общества, раскрывается роль спецслужб в подавлении оппозиции и общественных движений. Автор показывает, что догматическое воспроизводство местными коммунистами методов советского тоталитарного режима, а также сохранившиеся, несмотря ни на что, протестные настроения в обществе, логично привели к распаду «восточного блока», как только возник разлом в главной его опоре — Советском Союзе — и пал железный занавес.

ВВЕДЕНИЕ

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города с населением в этих регионах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному, а во многих случаях возрастающему контролю Москвы.

Уинстон Черчилль, речь в Фултоне, штат Миссури,
5 марта 1946

Среди многих других признаков 1945 год был отмечен невиданной за всю европейскую историю миграцией населения. По всему континенту сотни тысяч людей возвращались из заточения в Советском Союзе, с принудительных работ в Германии, из концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных, всевозможных убежищ и потайных мест. Автодороги, пешеходные тропы, грузовики и поезда были переполнены потрепанными, голодными, невымытыми людьми.

Особенно ужасающе выглядели железнодорожные станции. Истощенные матери, больные дети, а иногда и целые семейства на многие дни устраивались на грязном цементном полу, дожидаясь следующего поезда. Им грозили неминуемые голод и болезни. Но в Лодзи, в центральной Польше, группа женщин решила не допустить расширения трагедии. Сплотившись вокруг бывших членов Польской лиги женщин, благотворительной и патриотической организации, основанной в 1913 году, они взялись за работу. На железнодорожном вокзале Лодзи активистки открыли приют для матерей с детьми, обеспечивая их горячей пищей, лекарствами и одеялами, а также помощью волонтеров и медсестер.

Весной 1945 года побудительные мотивы этих женщин-активисток оставались такими же, какими они могли бы быть в 1925-м или 1935-м. Им пришлось стать очевидцами социального бедствия. Они решили объединить усилия, чтобы помочь страждущим. Никто не просил их об этом, им не приказывали и не предлагали деньги. Янина Суска, которой в момент нашей встречи было почти девяносто лет, рассказывала, что, по ее воспоминаниям, происходившее тогда в Лодзи абсолютно не касалось политики: «За эту благотворительную работу ничего не платили. ...Просто те, кто находил свободную минуту, сами шли к нам на помощь»¹. Лига женщин в Лодзи, поддерживая попавших в беду странников войны, не ставила перед собой политических задач.

Прошло пять лет. К 1950 году Польская лига женщин превратилась в совершенно другую организацию. У нее появилась штаб-квартира в Варшаве. Ею управлял централизованный общенациональный орган, который имел (и применял) право распускать местные отделения, не подчиняющиеся указаниям сверху. Изольда Ковальска-Кирилук, генеральный секретарь Лиги, видела первейшие задачи своей организации отнюдь не в благотворительности или воспитании патриотизма. Она трактовала их политически и идеологически: «Нам необходимо углублять организационную работу и мобилизовать широкие массы активных женщин, обучая и воспитывая их как сознательных активисток-общественниц. Ежедневно мы должны повышать уровень сознательности женщин, внося вклад в великое дело социального преобразования народной Польши в социалистическую Польшу». Лига также проводила общенациональные съезды; на одном из них, состоявшемся в 1951 году, ее вице-президент София Васильковска прямолинейно изложила политическую программу организации: «Основной уставной формой деятельности Лиги выступает образовательная и просветительская работа... направленная на повышение сознательности женщин и мобилизацию их усилий ради всестороннего выполнения Шестилетнего плана»². Иначе говоря, к 1950 году Польская лига женщин превратилась в женскую секцию коммунистической партии. В своем новом качестве она вдохновляла женщин следовать партийной линии во внутривнутриполитических и международных вопросах. Она призывала своих сторонниц выходить на первомайские парады и обличать западный империализм. Она формировала команды агитаторов, которых на специальных курсах обучали тому, как нести послание партии в массы. Женщины, которым все это не нравилось, например те, кто отказывался выходить на демонстрации или отмечать день рож-

дения Сталина, исключались из рядов Лиги или покидали ее сами. Среди оставшихся больше не было волонтеров; это были бюрократки, обслуживающие интересы государства и коммунистической партии.

Прошло всего пять лет, но за эти годы Польская лига женщин и множество других общественных организаций пережили полнейшее перерождение. Что же случилось? Чем были обусловлены эти изменения? И почему народ согласился с ними? Идея этой книги в том, чтобы ответить на эти вопросы.

Хотя термин «тоталитарный» чаще всего использовали для описания нацистской Германии или сталинского Советского Союза, впервые понятие *totalitarismo* вошло в интеллектуальный оборот в контексте итальянского фашизма. Бенито Муссолини с энтузиазмом воспринял слово, придуманное одним из критиков его режима, и в одной из своих речей предложил формулировку, до сих пор остающуюся наилучшим его определением: «*Все внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства*»³.

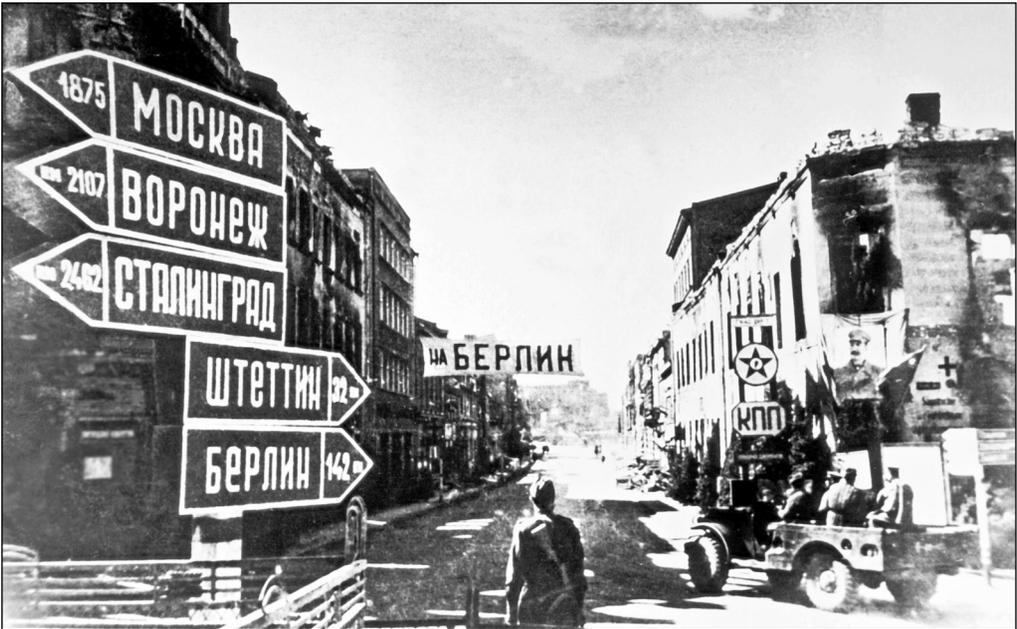
Строго говоря, тоталитарным называют режим, который упраздняет все институты за исключением тех, которые санкционированы официально. При тоталитарном режиме, таким образом, есть одна политическая партия, одна образовательная система, одно кредо в искусстве, одна централизованная плановая экономика, одно направление СМИ и один моральный кодекс. В тоталитарном государстве отсутствуют независимые школы, нет гражданского общества и критической мысли. Муссолини и его любимый философ Джованни Джентиле в свое время писали о государстве как о сущности, которая «объемлет собою все» и за пределами которой «ни человеческие, ни духовные ценности не могут существовать»⁴.

Из итальянского слово «тоталитаризм» переключалось в другие европейские и мировые языки. После смерти Муссолини у концепта, однако, не осталось открытых защитников, и уточнять его значение принялись критики, среди которых были величайшие мыслители XX столетия⁵. Философский отклик проблематика тоталитаризма нашла в работах «Дорога к рабству» Фридриха фон Хайека и «Открытое общество и его враги» Карла Поппера. А роман «1984» Джорджа Оруэлла рисует антиутопическую картину мира, в котором безраздельно властвуют тоталитарные режимы.

Пожалуй, наиболее выдающимся исследователем тоталитарной политики стала Ханна Арендт, которая в написанной в 1949 году книге «Истоки тоталитаризма» определила это явление как «новую форму правления», появившуюся благодаря пришествию *modernity*. Разрушение традиционных обществ и способов жизни, заявляла она, создает условия для возникновения «тоталитарной личности», мужчин и женщин, чья идентичность полностью зависит от государства. По ее словам, тоталитарными режимами являлись как нацистская Германия, так и Советский Союз; в этом смысле между ними больше сходств, нежели различий⁶. Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский продолжили эту линию аргументации в 1956 году, опубликовав работу «Тоталитарная диктатура и автократия». Эти авторы также пытались выработать наиболее емкое определение понятия. По их мнению, все тоталитарные режимы имеют по меньшей мере пять общих

признаков: доминирующую идеологию; единственную правящую партию; готовую к использованию террора тайную полицию; монополию на информацию и плановую экономику. Исходя из этих критериев, советский и нацистский режимы не были единственными тоталитарными государствами; в их число попадали и другие страны, в частности маоистский Китай⁷. Но к концу 1940-х — началу 1950-х годов тоталитаризм превратился в нечто большее, нежели просто теоретический концепт. На заре холодной войны термин обрел вполне конкретное политическое звучание. В знаменитой речи, произнесенной в Конгрессе в марте 1947 года, президент США Гарри Трумэн заявил, что американцы «должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных устремлений со стороны тоталитарных режимов»⁸. Эта идея получила известность как «доктрина Трумэна». Дуайт Эйзенхауэр также упоминал лексику, связанную с тоталитаризмом, в ходе президентской кампании 1952 года, когда объявлял о своем желании отправиться в Корею и положить конец идущей там войне: «Я хорошо знаю, как устроено тоталитарное сознание. На протяжении Второй мировой войны мне приходилось нести тяжелое бремя решений, участвуя в крестовом походе свободного мира против угрожавшей нам всем тирании»⁹.

Поскольку американские ратники холодной войны открыто провозглашали себя врагами тоталитаризма, скептические умы, естественно, стали задумываться над тем, что стоит за этим термином. Представлял ли «тоталитаризм» реальную угрозу или это было просто преувеличение, «страшилка», придуманная сенатором Джозефом Маккарти? В 1970–1980-е годы историки-ревизионисты, занимавшиеся историей СССР, заговорили о том, что даже сталинский Советский Союз в действительности никогда не был тоталитарным государством. Они подчеркивали, что далеко не все решения в СССР принимались в Москве; что карательные органы на местах могли инициировать террор не менее рьяно, нежели их вышестоящее начальство; что архитекторам централизованного планирования отнюдь не во всем удавалось контролировать экономику; что массовый террор для многих создавал новые «карьерные возможности»¹⁰. Некоторые из этих историков стали рассматривать термин «тоталитаризм» как грубый, неточный и сугобо идеологический. В действительности на перечисленные обстоятельства обращали внимание и «ортодоксальные» теоретики тоталитаризма. Лишь немногие сходились в том, что тоталитарные режимы способны полноценно функционировать. Напротив, как утверждал Ханс Бахейм, «поскольку тоталитарное правление стремится к невозможному и желает распоряжаться личностью человека и его судьбой, оно может быть реализовано лишь фрагментарно... Но именно поэтому последствия притязаний на тоталитарную власть столь опасны и гнетущи: они столь расплывчаты, столь неисчислимы и столь трудно очерчиваются... Это искажение проистекает из неосуществимого притязания на власть: оно характерно для жизни при таком режиме и затрудняет ее понимание посторонними»¹¹. В последние годы теоретики-политологи еще более углубили эту ревизионистскую аргументацию. Некоторые заговорили о том, что понятие «тота-

Красная армия в восточной Польше в 142 км от Берлина. Март 1945

литарный» пригодно лишь в теоретическом плане в качестве негативной модели, в противовес которой должны самоопределяться либеральные демократы¹². Другие объявляли это понятие абсолютно бессмысленным и обозначающим не что иное, как «абстрактно-теоретическую антитезу западному обществу» или, еще проще, антитезу «всем, кого мы не любим». Согласно самой мрачной интерпретации, понятие «тоталитаризм» обслуживает само себя: мы обращаемся к нему лишь для того, чтобы подчеркнуть легитимность западной демократии¹³.

В повседневной речи определением «тоталитарный» нередко злоупотребляют. Тоталитарными порой именуют демократически избранных политиков (рассуждают, например, о «тоталитарных инстинктах Рика Санторума»), целые правительства и даже корпорации (в наши дни можно прочесть, в частности, о том, что «Соединенные Штаты идут к тоталитаризму» или что компания Apple применяет в своих торговых точках «тоталитарный подход»)¹⁴. Либертарианцы, начиная с Айн Рэнд, вешают этот ярлык на прогрессивных либералов, которые, в свою очередь, конечно же, вместе с консерваторами поступают также в отношении самой Айн Рэнд¹⁵. Иначе говоря, сегодня термин прилагается к такому количеству людей и институций, что иногда он действительно кажется бессмысленным.

И все же, хотя сама идея «тотального контроля» кажется нелепой, смехотворной, преувеличенной или глупой, а само понятие никого больше не шокирует, важно помнить, что «тоталитаризм» — это не просто беспредметное бранное слово. История знает режимы, которые реально стремились к тотальному контролю. И если мы хотим понять их, то есть вообще постичь историю XX столетия, необходимо представлять, как функциони-

ровал тоталитаризм, и в теории, и на практике. Кроме того, идея тотального контроля вовсе не стала прошлым. Северная Корея, например, до сих пор живет по сталинским лекалам и за семь десятилетий почти не изменилась. Несмотря на то что новые технологии, как принято считать, делают тотальный контроль все менее вообразимым и реализуемым, нельзя быть уверенным в том, что мобильные телефоны, Интернет и спутниковые фотографии никогда не станут орудиями режимов, стремящихся к «всеобъемлющему контролю»¹⁶. «Тоталитаризм» остается полезным и необходимым эмпирическим описанием.

История знает один режим, который настолько преуспел в постижении методов и техники тоталитарного контроля, что стал успешно экспортировать их. После взятия Красной армией Берлина и завершения Второй мировой войны Советский Союз изо всех сил старался навязать тоталитарную систему правления самым разным европейским странам, которые тогда оккупировали его войска, как ранее она насаждалась в различных регионах самого СССР. Делалось это с беспощадной решимостью. Сталин, его армия и тайная полиция, с 1934 по 1946 год известная как НКВД и лишь позже переименованная в КГБ, а также их местные союзники, выстраивая тоталитарные государства в Восточной Европе, едва ли догадывались о полемике Айн Рэнд с прогрессивными либералами. Перефразируя Муссолини, им очень хотелось создать общества, где все было бы внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства — причем желательно в кратчайшие сроки.

Между тем восемь европейских стран, оккупированных Красной армией в 1945 году, отличались широчайшим разнообразием культур, политических традиций и экономических укладов. Здесь были некогда демократическая Чехословакия, некогда фашистская Германия, а также монархические, авторитарные и полуфеодалные государства. В регионе жили католики, православные, протестанты, иудеи и мусульмане, которые говорили на славянских, романских, финно-угорских языках. Среди жителей Восточной Европы были русофилы и русофобы. На этих землях соседствовали индустриализированная Богемия и аграрная Албания, космополитичный Берлин и крошечные деревушки Карпат. Среди населявших Восточную Европу народов можно было встретить бывших подданных всех европейских империй — Австро-Венгерской, Прусской, Османской, а также Российской.

Тем не менее американцы и западноевропейцы в то время предпочитали рассматривать страны коммунистической, но не советской Европы — Польшу, Венгрию, Чехословакию, Восточную Германию, Румынию, Болгарию, Албанию и Югославию — в качестве единого «блока», получившего название «Восточная Европа». Послевоенная «Восточная Европа» была не географическим, а политическим и историческим понятием. В него не включались те «восточные» страны, которые, подобно Греции, никогда не были коммунистическими. Также не входили сюда ни Балтийские государства, ни Молдова, которые хотя и принадлежали к Восточной Европе исторически и культурно, в то время пребывали в составе СССР. Разумеется, прибалтийский опыт в чем-то схож с польским опытом, но есть и важное различие: для жителей Балтии советизация означала потерю даже условного суверенитета.

В послесталинское время, и в особенности после 1989 года, восемь восточноевропейских наций пошли очень разными путями, и сегодня принято считать, что между ними не так уж много общего. Это абсолютно верно: до 1945 года они никоим образом не были объединены друг с другом, и сегодня между ними больше различий, чем сходств, — за исключением общей исторической памяти о коммунизме. И все же между 1945 и 1989 годом восемь стран Восточной Европы сближало довольно многое. Ради простоты и исторической точности на страницах этой книги именно они будут обозначаться термином «Восточная Европа»¹⁷.

В краткий период 1945–1953 годов многим действительно показалось, что Советский Союз преуспеет в преобразовании восьми непохожих друг на друга наций Восточной Европы в идеологически и политически гомогенный регион. Все они, и бывшие союзницы, и бывшие противницы Гитлера, в указанное время сформировали группу идентичных политических систем¹⁸. В начале 1950-х годов мрачные и покалеченные войной столицы этих, как говорил Черчилль, «древних государств» патрулировались похожими друг на друга не улыбочивыми полицейскими, застраивались по проектам одних и тех же архитекторов социалистического реализма и заклеивались одинаковыми пропагандистскими плакатами. Культ Сталина, само имя которого почиталось в СССР как «символ грядущей победы коммунизма»¹⁹, утвердился по всему региону наряду с очень похожими культурами местных партийных лидеров. Миллионы людей принимали участие в организуемых коммунистической властью парадах и празднествах. В то время выражение «железный занавес» было не просто метафорой: стены, заборы, ряды колючей проволоки буквально отсекали Восточную Европу от Запада. К 1961 году, когда была возведена Берлинская стена, многим казалось, что эти преграды простоят вечно.

Темпы, которыми осуществлялись эти преобразования, не должны вызывать удивления. В самом Советском Союзе становление тоталитарного государства заняло два десятилетия, демонстрируя откаты и рывки вперед. У большевиков не было детального плана. В хаосе русской революции они двигались зигзагами, иногда становясь жестче, иногда либеральнее — по мере того как одна экономическая политика, не оправдав ожиданий, сменялась другой. За «военным коммунизмом» и «красным террором» времен Гражданской войны последовала более либеральная «новая экономическая политика», допускавшая ограниченное существование частного бизнеса и торговли. НЭП был свернут в 1928 году; на смену ему пришел Первый пятилетний план, а также набор политических мер, обобщаемых в понятии «сталинизм» и включавших форсированную индустриализацию, насильственную коллективизацию, внедрение централизованного планирования, драконовские ограничения свободы слова, печати, искусства, а также расширение лагерной системы принудительного труда. Слова «сталинизм» и «тоталитаризм» с полным основанием можно использовать как взаимозаменяемые.

Но к концу 1930-х годов сталинизм тоже оказался в кризисе. Уровень жизни рос не так быстро, как обещала партия. Хаотичные инвестиции не давали желаемой отдачи. Массовый голод на Украине и юге России в нача-

ле 1930-х годов, хотя и принес режиму некоторую политическую пользу, вызывал в массах отнюдь не приливы любви к советской власти. В 1937 году советские спецслужбы развернули широкую кампанию арестов и казней, первоначально нацеленную на саботажников, шпионов и «вредителей», мешавших поступательному развитию советского общества, но потом затронувшую и высшие сферы коммунистического руководства. Большой террор нельзя считать ни первой, ни самой масштабной волной арестов: жесточайшие преследования ранее уже обрушивались на крестьян и этнические меньшинства, особенно жившие в советском приграничье. Но теперь было затронуто высшее руководство партии, и это породило глубочайшую обеспокоенность, причем как в самом Советском Союзе, так и в мировом коммунистическом движении. При естественном течении событий Большой террор мог привести к полному разочарованию в большевистской системе. Но сталинизм и лично Сталин были чудесным образом спасены Второй мировой войной. Несмотря на хаос, ошибки, массовую гибель и опустошение, победа укрепила легитимность системы и ее лидера, «доказав» их состоятельность. В ореоле победы и без того почти религиозный культ Сталина достиг новых высот. Советская пропаганда описывала большевистского лидера как «воплощение нашего героизма, нашего патриотизма, нашей преданности социалистической родине»²⁰.

Одновременно мировая война предоставила Сталину беспрецедентные возможности для того, чтобы навязать свои представления о коммунистическом обществе соседним территориям. Первый такой шанс выдался в самом ее начале, в 1939 году, когда Советский Союз и Германия подписали пакт Риббентропа — Молотова. Они договорились разделить Польшу, Румынию, Финляндию и Прибалтийские страны на советскую и немецкую зоны влияния. 1 сентября того же года гитлеровские армии пересекли польскую границу с запада, а 17 сентября сталинские войска атаковали Польшу с востока. В течение нескольких месяцев Красная армия оккупировала всю Прибалтику, часть Румынии и восточную Финляндию. И хотя европейские территории, оккупированные нацистами, со временем были освобождены, Сталин так и не вернул земли, занятые Советским Союзом в первой фазе войны. Восточная Польша, Балтийские республики, Буковина и Бессарабия, ныне называемые Молдовой, были включены в состав СССР. Восточные польские территории и сегодня остаются частями Украины и Белоруссии.

Красная армия и НКВД незамедлительно приступили к насаждению советской системы на оккупированных землях. Для «советизации» местного населения, развернувшейся с 1939 года, использовались местные коллаборационисты, члены международного коммунистического движения, массовое насилие, депортации и отправка в ГУЛАГ. Этот опыт стал для Сталина полезным уроком и обеспечил ему ценных союзников: советское вторжение в Восточную Польшу и Прибалтику воспитало и закалило кадры НКВД, готовые к повторению подобных операций в будущем. Советские власти сразу же, еще до начала нацистского вторжения, начали готовить почву для аналогичной «переделки» всей Восточной Европы.

Впрочем, этот последний пункт может показаться довольно спорным. В современной историографии послевоенную историю региона принято делить

Первомайская демонстрация в Будапеште. Во главе колонны Ленин из папье-маше. 1949

на несколько стадий²¹. Согласно этой периодизации, в 1944–1945 годах здесь наблюдалась подлинная демократия; потом, используя формулу английского историка Хью Сетона-Уотсона, наступило время «фальшивой» демократии; наконец, в 1947–1948 годах происходит резкий поворот — начинается политический террор, на средства массовой информации надевают намордник, выборы подтасовываются. Всякие притязания восточноевропейских стран на национальную независимость уходят в прошлое.

Некоторые историки и политологи связывают этот сдвиг с началом конфронтации между Востоком и Западом. Иногда в наступлении сталинизма на Восточную Европу обвиняют даже западных поборников холодной войны, агрессивная риторика которых, как предполагается, «заставила» советское руководство усилить в регионе свою хватку. В 1959 году этот «ревизионистский» аргумент в классической форме сформулировал Вильям Эпплман Вильямс, по мнению которого холодная война была вызвана не коммунистической экспансией, а стремлением Америки открыть международные рынки. Совсем недавно видный немецкий ученый также заявил, что разделение Германии было обусловлено не тоталитарной политикой Советского Союза, проводимой в восточной зоне оккупации после 1945 года, а неспособностью западных держав поддержать мирные инициативы Сталина²².

Однако пристальное изучение того, что происходило в регионе между 1944 и 1947 годом, ставшее возможным благодаря открытию советских и восточноевропейских архивов, обнаруживает глубокую несостоятельность подобной аргументации²³. Новые источники убедили историков, что ранний, так называемый либеральный период на деле не был таким либеральным, каким он представляется в ретроспективе. Действительно, далеко не каждый элемент советской политической системы насаждался в той или иной стране на следующий день после того, как Красная армия пересекала ее границы, да

и сам Сталин не рассчитывал на быстрое оформление коммунистического «блока». В 1944 году министр иностранных дел СССР Иван Майский подготовил записку, в которой предсказывал, что европейские страны превратятся в коммунистические государства лишь через тридцать или сорок лет. (Он писал также, что в будущей Европе будет лишь одна сухопутная держава — Советский Союз, и одна морская держава — Великобритания.) По мысли Майского, дожидаясь этого, СССР не должен подталкивать «пролетарские революции» в Восточной Европе; вместо этого Москве стоит поддерживать хорошие отношения с западными демократиями²⁴.

Это долгосрочное видение вполне соответствовало марксистско-ленинской идеологии в сталинском ее понимании. Капиталисты, полагал Сталин, не смогут сотрудничать друг с другом вечно. Рано или поздно империалистическая алчность втянет их в конфликт, и Советский Союз сыграет на этом. «Противоречия между Англией и Америкой по-прежнему дают о себе знать, — говорил он своим сподвижникам вскоре после завершения войны. — Социальные конфликты в Америке становятся все более явными. Лейбористы в Англии обещали английским рабочим столько социализма, что теперь трудно сдать назад. Скоро у них начнутся проблемы не только с собственной буржуазией, но и с американскими империалистами»²⁵.

Если сам СССР не торопился, то и восточноевропейские коммунисты тоже никуда не спешили: почти никто из них не рассчитывал на незамедлительный приход к власти. В 1930-е годы многие компартии вместе с центристами и социалистами входили в состав «народных фронтов» или, как во Франции и Испании, наблюдали за успехами подобных объединений со стороны. Историк Тони Джадт даже называет Испанию «генеральной репетицией по захвату власти в Восточной Европе после 1945 года»²⁶. Первоначально такие левоцентристские коалиции создавались для того, чтобы противостоять Гитлеру, а после войны левые во многих странах задумывались об их воссоздании для борьбы с западным капитализмом. Сталин рассматривал вопрос в долгосрочной перспективе: пролетарская революция обязательно совершится, но прежде чем она произойдет, региону предстоит пережить буржуазную революцию. Согласно советским историческим схемам, такая последовательность не подлежала сомнению.

И все же, как показано в первой части этой книги, перенесение ключевых элементов советской системы в страны, оккупированные Красной армией, было начато СССР почти сразу. Первым делом советский НКВД, при содействии коммунистических партий, создавал по своему образу и подобию местную тайную полицию, зачастую привлекая для этого людей, прошедших специальную подготовку в Москве. Повсюду, куда приходила Красная армия, — даже в Чехословакии, откуда советские войска были выведены довольно быстро, — эти свежееиспеченные спецслужбы немедленно развертывали кампании выборочного насилия, тщательно отбирая политических врагов в соответствии с предварительно составленными списками и критериями. В некоторых случаях в качестве объектов преследований намечались целые этнические группы. Секретные службы также брали под свой контроль национальные министерства внутренних дел, а иногда и

министерства обороны, и непосредственно участвовали в конфискации и перераспределении собственности.

Во-вторых, в каждом из оккупированных государств советские власти передавали под контроль доверенных местных коммунистов наиболее мощное средство массовой информации той эпохи — радио. Хотя в большинстве восточноевропейских стран в первые послевоенные годы можно было издавать некоммунистические газеты и журналы, а люди, не состоявшие в компартии, допускались к управлению государственными монополиями, общенациональное радио, аудитория которого включала все население, от неграмотных крестьян до искушенных интеллектуалов, оставалось под неослабным надзором коммунистов. В долгосрочном плане власти надеялись, что радио, наряду с иными пропагандистскими инструментами и реформированной образовательной системой, привлечет народные массы на их сторону.

В-третьих, повсюду, куда приходила Красная армия, советские и местные коммунисты третировали, преследовали и в конце концов запрещали независимые общественные организации, которые мы сейчас назвали бы гражданским обществом: женские организации, антифашистские группы, церковные союзы и школы. В частности, с первых дней оккупации они уделяли особое внимание молодежным объединениям: молодым социал-демократам, молодым католикам или протестантам, скаутам. Подобные группы, как правило, оказывались под скрупулезным присмотром еще до того момента, как новая власть запрещала независимые политические партии, пресекала деятельность церковных организаций, распускала профсоюзы.

Наконец, в-четвертых, там, где это было возможно, советские власти, опять же при поддержке местных коммунистических партий, проводили массовые этнические чистки, выселяя тысячи немцев, поляков, украинцев, венгров и представителей прочих национальностей из тех городов и деревень, где они жили на протяжении веков. Грузовики и поезда увозили людей и их скудные пожитки в лагерь беженцев и новые жилища, расположенные за сотни километров от тех мест, где они родились. Дезориентированными и лишенными крова беженцами было легче манипулировать. До определенной степени ответственность за такую политику несли Соединенные Штаты и Великобритания, поскольку положение об этнических чистках немцев было включено в Потсдамский договор. Но мало кто на Западе тогда представлял, насколько масштабными и жестокими окажутся советские этнические чистки.

При этом некоторые элементы капитализма и даже либерализма на время оставались в неприкосновенности. Частное фермерство, частный бизнес, частная торговля сохранялись в 1945–1946 годах, а иногда и дольше. Продолжали выходить независимые газеты и журналы, а церкви оставались открытыми. Кое-где относительно свободно действовали некоммунистические партии, возглавляемые тщательно отобранными некоммунистическими политиками. Но подобные явления объяснялись не тем, что советские коммунисты и их восточноевропейские единомышленники были либерально мыслящими демократами. Просто новая власть считала все прочее гораздо менее важным, нежели создание тайной полиции, установ-

ление контроля над радио, организация этнических чисток и опека молодежных и других организаций. Целеустремленные молодые коммунисты отнюдь не случайно шли работать на одно из перечисленных поприщ. Так, после вступления в 1945 году в партию польскому писателю-коммунисту Виктору Ворошильскому предложили на выбор три занятия: молодежное коммунистическое движение, спецслужбы или отдел пропаганды, имевший дело со СМИ²⁷.

Свободные выборы, проводившиеся в некоторых странах в 1945–1946 годах, также нельзя было считать свидетельством толерантности коммунистов. КПСС и коммунистические партии Восточной Европы допускали их проведение только потому, что были уверены: контроль над тайной полицией и радио, а также надежное влияние на молодежь обеспечат им победу. Коммунисты повсеместно верили в мощь своей пропаганды, и в первые послевоенные годы у них были все основания для этого. Массовое вступление в коммунистические организации — из-за отчаяния, дезориентации, прагматизма, цинизма или идейных соображений — наблюдалось тогда не только в Восточной Европе, но и во Франции, Италии и Великобритании. В Югославии возглавляемая Тито коммунистическая партия была по-настоящему популярна благодаря той роли, которую она сыграла в антифашистском Сопротивлении. В Чехословакии, которая из-за западной политики умиротворения Германии в 1938 году была оккупирована Гитлером, большие надежды связывались с Советским Союзом, к которому местное общество относилось с значительной симпатией. Даже в Польше и Германии, где планы СССР воспринимались с подозрением, психологическое воздействие войны сказалось на мировосприятии людей. Капитализм и либеральная демократия в 1930-е годы катастрофически провалились. Многие считали, что теперь стоит попробовать что-то иное.

Хотя сегодня трудно это понять, коммунисты также были убеждены в правоте своей доктрины. Однако если теперь коммунистическая идеология кажется тупиковой, это не означает, что в свое время она не обладала способностью воодушевлять массы. Большинство коммунистических лидеров Восточной Европы, как и многие их последователи, действительно думали, что рано или поздно большинство рабочего класса обретет классовое сознание, поймет свое историческое предназначение и проголосует за власть коммунистов.

Как выяснилось, они ошибались. Несмотря на запугивания, пропаганду и даже реальную популярность коммунизма среди людей, обездоленных войной, компартии с большим отрывом проиграли послевоенные выборы в Германии, Австрии и Венгрии. В Польше они сначала прощупали почву, прибегнув к референдуму, а когда из этой затеи ничего не получилось, вовсе отказались от свободных выборов. В Чехословакии коммунистическая партия хорошо выступила на первых выборах 1946 года, завоевав треть голосов. Но когда стало ясно, что на следующих выборах, намеченных на 1948 год, обеспечить такой результат не удастся, партийное руководство спланировало и осуществило государственный переворот. Следовательно, ужесточение советской политики в Восточной Европе в 1947–1948 годах было обусловлено не только началом холодной войны. Оно стало также реакцией на политическое поражение: СССР и его союзники на местах не смогли

Демонстранты швыряют камни в советские танки. Берлин, 17 июня 1953

взять власть мирным путем. Им не удалось установить не только полный, но даже минимально достаточный контроль. Несмотря на подчинение себе радио и тайной полиции, они не сумели добиться популярности в обществе. Численность их последователей стремительно сокращалась, причем даже в таких странах, как Чехословакия и Болгария, где первоначальная поддержка коммунистических идей была по-настоящему велика²⁸.

В результате местные коммунисты, воспользовавшись рекомендациями Москвы, обратились к более жесткой тактике, которая прежде — и вполне успешно — уже использовалась в СССР. Во второй части этой книги описываются применявшиеся ими технологии: новые волны арестов, расширение лагерной системы, ужесточение контроля над СМИ, интеллектуалами и культурной сферой. Одни и те же приемы применялись повсеместно. Сначала уничтожались «правые» или антикоммунистические партии, потом разрушалось некоммунистическое крыло левых, а затем ликвидировалась оппозиция внутри самой коммунистической партии. В некоторых странах коммунисты по примеру Советского Союза организовывали показательные процессы. Коммунистические партии стремились также упразднить оставшиеся независимыми общественные организации (вместо этого рекрутируя последователей в массовые объединения, подконтрольные государству), установить более жесткий контроль над образовательной системой, подчинить католические и протестантские церкви. Они создавали новые, всеобщие формы образовательной пропаганды, спонсировали публичные выставки и лекции, вешали баннеры и плакаты, организовывали восхваляющие режим песнопения и спортивные мероприятия.

Но они снова просчитались. Вслед за кончиной Сталина по региону прокатилась череда больших и малых восстаний. В 1953 году на улицы вышли жители Восточного Берлина; беспорядки подавлялись советскими танка-

ми. В 1956 году народное возмущение захлестнуло Польшу и Венгрию. Под влиянием этих событий коммунисты Восточной Европы в очередной раз сменили тактику. Они продолжали приспосабливаться к ситуации — и терпели при этом неудачи — вплоть до 1989 года, когда им пришлось вовсе отказаться от власти.

В 1945–1953 годах Советский Союз коренным образом переустроил весь регион, от Балтики до Адриатики, от самого сердца европейского континента до его южной и восточной периферий. В этой книге, однако, я сосредоточусь исключительно на Центральной Европе. Касаясь по ходу повествования Чехословакии, Румынии, Болгарии и Югославии, основное внимание я все же уделю Венгрии, Польше и Восточной Германии. Причем эти три страны были избраны мной не потому, что они похожи, а, напротив, из-за того, что они отличаются друг от друга.

Прежде всего различным был их военный опыт. Германия, разумеется, выступив агрессором, понесла наиболее ощутимые потери. Польша мужественно сопротивлялась немецкой оккупации и была в рядах союзников, хотя ей не удалось разделить с ними плоды победы. А Венгрия оказалась где-то посередине, экспериментируя с авторитаризмом и сотрудничая с Германией. Когда она попыталась сменить знамена, было уже слишком поздно. Исторический путь, пройденный этими тремя странами, также был самобытным. Германия на протяжении десятилетий оставалась экономическим и политическим гегемоном в Центральной Европе. Польша, хотя и была континентальной империей в XVII веке, в следующем столетии подверглась расчленению тремя другими империями и в 1795 году полностью утратила суверенитет, вновь обретя его лишь в 1918 году. Наконец, вершина могущества и влияния Венгрии пришлась на начало XII века. В новейшее время, после Первой мировой войны, эта страна потеряла две трети своей территории, и этот опыт оказался настолько болезненным, что он сказывается на венгерской политике и сегодня.

Накануне войны ни одно из этих трех государств не было демократическим в строгом смысле слова. Но у каждого из них был опыт политического либерализма, конституционного правления и свободных выборов. Повсюду имелись фондовые рынки, иностранные инвестиции, общества с ограниченной ответственностью и законы, гарантировавшие право собственности. Повсеместно действовали гражданские институты — церкви, молодежные организации, профессиональные союзы, порой насчитывавшие сотни лет, а также давние традиции печатной прессы. В Польше первая газета появилась в 1661 году. Перед приходом Гитлера к власти рынок немецких СМИ был чрезвычайно конкурентным. Все три страны имели разветвленные экономические и культурные связи с Западной Европой, которые в 1930-е годы были гораздо прочнее их связей с Россией. В истории и культуре этих государств не было каких-то особенностей, обрекавших их на то, чтобы стать тоталитарными диктатурами. Более того, Западная Германия, идентичная с Восточной Германией в культурном смысле, стала либеральной демократией — как и Австрия, которая наряду с Чехословакией и Венгрией долгое время была частью империи Габсбургов.

История порой предстает чем-то неизбежным, и в десятилетия, следовавшие за насаждением коммунизма, некоторые пытались объявить такой путь Восточной Европы фатально предопределенным. Говорили, в частности, что восточная часть континента была беднее западной (несмотря на то что Германии это не касалось); что народы восточной половины были менее развиты (несмотря на то что Венгрия и Польша выглядели более передовыми в сравнении с Грецией, Испанией и Португалией); что Восточная Европа была менее индустриализированной (несмотря на то что чешские земли являлись одним из ключевых очагов европейской индустриализации). Но в перспективе 1945 года никто не мог предположить, что Венгрия с ее давними связями с германоязычной частью Европы, Польша с ее яркой антибольшевистской традицией или Восточная Германия с ее нацистским прошлым задержатся под политическим ярмом Советского Союза на полвека.

Когда эти страны попали под контроль СССР, почти никто за пределами региона не понимал, как это произошло и почему. Даже сегодня Восточную Европу нередко рассматривают сквозь призму холодной войны. Выходящие на Западе книги о послевоенной Восточной Европе, за редкими исключениями, фокусируются на противостоянии Востока и Запада, на разделении Германии («германском вопросе») или на создании НАТО и Варшавского договора²⁹. Сама Ханна Арендт пренебрегала послевоенной историей Восточной Европы как малоинтересной: «Дело выглядело так, будто бы русские правители в невероятной спешке воспроизвели здесь все стадии Октябрьской революции вплоть до установления тоталитарной диктатуры; следовательно, мы имеем дело с историей хотя и невыразимо ужасной, но не слишком интересной и вполне типовой»³⁰.

Но Арендт ошиблась: в Восточной Европе «русским правителям» не удалось пройти все стадии Октябрьской революции. Они применяли лишь те технологии и методики, которые, по их мнению, имели шансы на успех, и разрушали только те институты, без уничтожения которых было просто не обойтись. Именно по этой причине послевоенная история Восточной Европы столь интересна: она способна рассказать о тоталитарном сознании, советских приоритетах и советском мышлении гораздо больше, чем любое исследование истории СССР. Что еще важнее, изучение региона весьма поучительно в плане того, как люди реагируют на насаждение тоталитаризма; ни одна страна, взятая в отдельности, не способна дать столь же богатый материал по этой теме.

В последние годы с этими истинами согласились многие ученые. За два десятилетия, прошедшие после крушения коммунизма и открытия центральноевропейских, немецких и российских архивов, региону посвятили необозримый массив академических трудов. Особенно тщательно, по крайней мере в англоязычном мире, были описаны материальные и духовные последствия Второй мировой войны — прежде всего в работах Яна Гросса, Тимоти Снайдера и Брэдли Эбрамса, а также история проходивших в регионе этнических чисток³¹. Еще более всесторонне изучалось участие Восточной Европы в международной политике. Целые институты посвятили себя исследованию причин и истоков холодной войны и советско-амери-

канского противостояния³². Загравивая эти темы, я вполне могла довольствоваться вторичными источниками.

Сказанное верно и в отношении политической истории Восточной Европы, в новую интерпретацию которой огромный вклад внесли ставшие доступными архивные документы на местных языках. Я старалась не повторять работу, которую уже проделали другие историки: Анджей Пачковский и Кристина Керстен, чьи публикации о вождях польских коммунистов и их спецслужбах остаются непревзойденными; Норман Наймарк, книга которого о советской оккупации Восточной Германии остается лучшей из англоязычных работ, посвященных этой теме; Петер Кенеш и Ласло Борхи, подготовившие превосходное исследование о политических махинациях в Венгрии; Брэдли Эбрамс, Мэри Хейманн и Карел Каплан, описавшие послевоенную историю Чехословакии³³. В фокусе интересных статей и книг оказались и другие сюжеты, имеющие отношение к моей теме. В ряду лучших, снова на английском языке, я бы упомянула публикации Джона Коннелли о сталинизации университетов Восточной Европы; Кэтрин Эпштейн и Марчи Шор о взаимоотношениях коммунистов с левыми интеллектуалами; Марии Шмидт о показательных процессах; Мартина Мевууса о национальном символизме в Венгрии; Марка Крамера о десталинизации и событиях 1956 года³⁴.

Обзорные и обобщающие исторические очерки, посвященные региону, встречаются гораздо реже, и не только из-за организационных сложностей. Нелегко найти историка, который владел бы тремя или четырьмя региональными языками, не говоря уже о девяти или десяти. Зачастую эта трудность преодолевается через создание антологий, и в последние годы появились по меньшей мере два прекрасных собрания этого типа: «*Stalinism Revisited: The Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe and the Dynamic of the Soviet Bloc*» (New York & Budapest, 2009) под редакцией Владимира Тисману и «*The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949*» (Boulder, Colo., 1997) под редакцией Нормана Наймарка и Леонида Гибианского. Но хотя оба тома содержат высококлассную подборку эссе, антологии обычно не следуют общим моделям и не делают сравнений. Поскольку я собиралась заниматься именно этим, в период работы над книгой мне пришлось положиться на помощь двух талантливых пишущих исследователей и переводчиков — Регины Возницы из Берлина и Атиллы Монга из Будапешта. В отношении польского и русского языков мне хватило собственных навыков.

Хотя об интересующем меня периоде написано очень много, здесь еще есть нерассказанные истории. Работая над книгой, я посещала архивы бывших спецслужб, включая Институт национальной памяти в Варшаве, Исторические архивы венгерского Департамента государственной безопасности в Будапеште, Федеральную комиссию по управлению архивами службы безопасности ГДР в Берлине, а также архивы правительственных ведомств, немецких академий искусств, венгерского института кинематографии, польского радио и радио ГДР. Я также использовала несколько новых, или относительно новых, собраний советских документов, касающихся той эпохи. Среди них были двухтомники «*Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953*» и «*Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953*», а

также трехтомник, посвященный советской оккупационной политике в Восточной Германии. Эти публикации, как и семитомная документальная серия, выпущенная Государственным архивом Российской Федерации, вышли в свет в Москве под российской редактурой³⁵. Совместная комиссия польских и украинских историков сегодня занята сбором документов, посвященных истории взаимоотношений двух стран. Кроме того, Польский военный архив в Варшаве имеет в своих фондах большое собрание документов, скопированных в российских архивах в начале 1990-х годов. Издательство Центрально-Европейского университета в Будапеште недавно опубликовало две великолепные подборки документов, посвященных восстаниям в ГДР в 1953 году и в Венгрии в 1956 году. Наконец, множество ценных свидетельств было опубликовано на польском, венгерском и немецком языках.

Помимо посещения архивов, я провела в Польше, Венгрии и Германии серию интервью с очевидцами описываемых в книге событий. Это позволило почувствовать, как воспринимали утверждение тоталитаризма современники, что они при этом переживали и о чем думали. Я отдаю себе отчет в том, что это, вероятно, была последняя возможность поговорить с некоторыми из них, поскольку, пока работа над книгой продолжалась, несколько моих собеседников скончались. Я остаюсь глубоко признательной им лично и их семьям за то, что мне было позволено побеседовать с ними о минувшем.

В ходе этого исследования решались разные задачи. В исторических документах я выискивала свидетельства целенаправленного уничтожения гражданского общества и малого бизнеса. Я изучала социалистический реализм и коммунистическую систему образования. Я стремилась проследить создание коммунистических спецслужб с самых ранних этапов. Читая литературу и разговаривая с людьми, я пыталась понять, как оценивали новые режимы самые простые граждане; как они сотрудничали с новой властью, добровольно или принудительно; что заставляло их присоединяться к партии и прочим государственным институциям; каким образом они сопротивлялись, активно или пассивно; как они справлялись с ситуациями ужасного выбора, с которыми нам, людям современного Запада, никогда не доведется столкнуться. И, самое главное, мне хотелось постичь реальность тоталитаризма — не теоретического, а практического, а также представить себе то, как он калечил жизни миллионов европейцев XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Янина Суска-Янаковска, личное интервью, Лодзь, 16 октября 2007.
- ² Обе цитаты заимствованы из диссертации Барбары Новак. См.: Barbara Nowak. *Serving Women and the State: The League of Women in Communist Poland*, dissertation. — Ohio State University, 2004.
- ³ Впервые термин прозвучал в 1923 году из уст Джованни Амендола, одного из оппонентов Муссолини. Но уже в 1925-м дуче с энтузиазмом подхватил его, а затем новое понятие широко использовалось главным теоретиком итальянского фашизма Джованни Джентиле. Подробнее см.: Abbott Gleason. *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. — Oxford, 1995. — P. 13–18.

- ⁴ Benito Mussolini, Giovanni Gentile. *Fascism: Doctrine and Institutions*. — Rome, 1935.
- ⁵ Обзор дискуссии по этому вопросу см. в упомянутой работе Эббота Глисона, а также во введении Майкла Гейера и Шейлы Фицпатрик к книге: Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick. *Introduction. Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared*. — Cambridge, 2009. [Русский перевод: Майкл Гейер и Шейла Фицпатрик, ред. *За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма*. — Москва, 2011. — *Прим. перев.*].
- ⁶ См.: Ханна Арендт. *Истоки тоталитаризма*. Пер. с англ. — М.: ЦентрКом, 1996.
- ⁷ Carl Friedrich, Zbigniew Brzezinski. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. — Cambridge, 1956.
- ⁸ См.: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/doctrine/large/index.php
- ⁹ Цит. по: Gregory Bush. *Campaign Speeches of American Presidential Candidates, 1948–1984*. — New York, 1985. — P. 42.
- ¹⁰ См.: Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick. *Op. cit.*
- ¹¹ Цит. по: Richard Pipes. *Communism: A History*. — New York, 2001. — P. 105–107. [Пайпс Р. *Коммунизм*. — М.: «Московская школа политических исследований», 2002. — С. 130.]
- ¹² См.: Michael Halberstam. *Totalitarianism and the Modern Conception of Politics*. — New Haven, 2000.
- ¹³ Slavoj Žižek. *Did Somebody Say Totalitarianism? Five Interventions in the (Mis)Use of a Notion*. — New York, 2001. Жижек утверждает, что определение сталинизма как «тоталитаризма» представляет собой попытку закрепить дальнейшее сохранение «либерально-демократической гегемонии».
- ¹⁴ См.: http://www.huffingtonpost.com/james-peron/rick-santorum-gay-rights_b_1195555.html; <http://video.foxbusiness.com/v/1328239165001/the-uss-march-toward-totalitarianism>; <http://articles.latimes.com/2011/dec/25/business/la-fi-hiltzik-20111225>
- ¹⁵ См.: <http://fare.tunes.org/liberty/library/toptt.html>
- ¹⁶ Описание эволюции, которую проходят современные диктатуры, см. в книге: William J. Dobson. *The Dictator's Learning Curve*. — New York, 2012.
- ¹⁷ Вот блестящее и точное описание историка, профессора Гарвардского университета Марка Крамера: «Термин “Восточная Европа”...являясь отчасти географическим, а отчасти политическим, подразумевает восемь европейских стран, которые с 1940-х до конца 1980-х годов оставались под властью коммунистов. ...Понятие не включает сам Советский Союз, хотя западные советские республики (Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, Украина, Молдавия и российский запад Урала) также относятся к восточной части Европы. Зато его применяют в отношении ряда стран, которые точнее было бы называть Центральной Европой, — таких как Чехословакия, Венгрия, Польша и образовавшаяся в 1949 году Германская Демократическая Республика (или Восточная Германия). Прочие европейские коммунистические государства — Албания, Болгария, Румыния, и Югославия — также подпадают под определение “Восточная Европа”. Страны же, которые никогда не были под коммунистическим контролем, такие как Греция и Финляндия, не рассматриваются как часть Восточной Европы, хотя с географической точки зрения их вполне можно считать таковыми». См.: Mark Kramer. *Stalin, Soviet Policy, and the Consolidation of a Communist Bloc in Eastern Europe, 1944–1953*, p. 1. Лекция, прочитанная в Институте Фримена — Споули 30 апреля 2010.
- ¹⁸ На это обращает внимание и Джозеф Ротшильд. См.: Joseph Rothschild. *Return to Diversity: A Political History of East Central Europe Since World War II*. — New York and Oxford, 2000. — P. 75–78.
- ¹⁹ Правда, 21 декабря 1949.
- ²⁰ *The Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) Is the Leading and Guiding Force of Soviet Society* (Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1951), p. 46.
- ²¹ См.: Hugh Seton-Watson. *The New Imperialism: A Background Book*. — London, 1961. — P. 81.
- ²² См.: классическую версию этого тезиса: William Appleman Williams. *The Tragedy of American Diplomacy*. — New York, 1959. Более свежая и изощренная версия представлена, в частности, в работе: Wilfried Loth. *Stalin's Unwanted Child: The Soviet Union, the German Question and the Founding of the GDR*. — London, 1998.

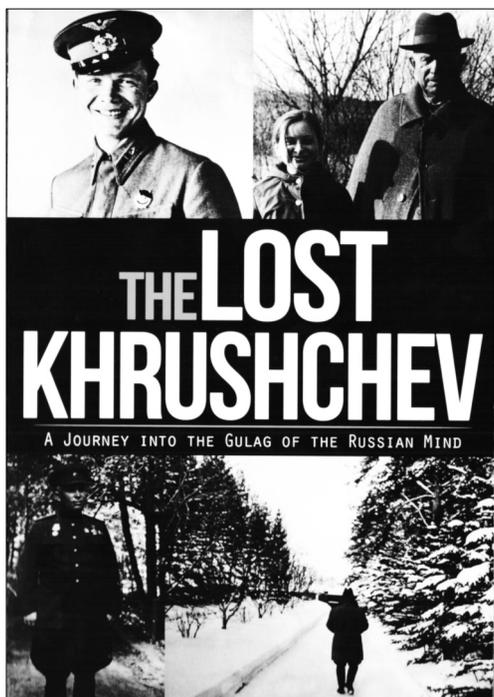
- ²³ См.: John Lewis Gaddis. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. — Oxford, 1997; Kramer. *Stalin, Soviet Policy, and the Consolidation of a Communist Bloc in Eastern Europe*.
- ²⁴ См.: Татьяна Волокитина, ред. *Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953*, т. 1. — М., 1999. — С. 23–48; Norman Naimark. *The Sovietization of Eastern Europe, 1944–1953*. — Cambridge, 2010. (*The Cambridge History of the Cold War*).
- ²⁵ Ivo Banac, ed. *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949*. — New Haven and London, 2003. — P. 14.
- ²⁶ Tony Judt, Timothy Snyder. *Thinking the Twentieth Century*. — London, 2012. — P. 190.
- ²⁷ Tomasz Goban-Klas. *The Orchestration of the Media: The Politics of Mass Communications in Communist Poland and the Aftermath*. — Boulder, 1994. — P. 54.
- ²⁸ На протяжении долгого времени Коммунистическая партия Югославии оставалась более популярной, чем другие коммунистические партии, но это объяснялось, по крайней мере отчасти, тем, что она постепенно выходила из-под советского влияния.
- ²⁹ Единственным исключением, задавшим стандарт на многие годы, стала работа Збигнева Бжезинского: Zbigniew Brzezinski. *The Soviet Bloc: Unity and Conflict*. — New York, 1967.
- ³⁰ Hannah Arendt. *The Origins of Totalitarianism*. — Cleveland and New York, 1958. — P. 480–481.
- ³¹ См.: Timothy Snyder. *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. — New York, 2011; Jan Gross. *War as Revolution*, Norman Naimark, Leonid Gibianskii, eds. *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949*. — Boulder, 1997; Bradley Abrams. *The Second World War and the East European Revolution*. // *East European Politics and Societies*, 16, 3, p. 623–625.
- ³² См., например, труды Гарвардского проекта по исследованию холодной войны, а также Международного исторического проекта по изучению холодной войны Центра Вильсона. Среди недавних хороших исследований, в которых использовались новые архивы, можно упомянуть следующие работы: John Lewis Gaddis. *The Cold War: A New History*. — New York, 2005; Vojtech Mastny. *The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years*. — Oxford, 1996; Melvyn P. Leffler. *For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. — New York, 2007. См. также: Melvyn P. Leffler, Odd Arne Westad. *Bibliographical Essay*, vol. 1: *Origins*. — Cambridge, 2010.
- ³³ А. Пачковский и К. Керстен посвятили этому периоду множество работ, в том числе и на английском языке: Andrzej Paczkowski. *The Spring Will Be Ours: Poland and the Poles from Occupation to Freedom*. — New York, 2003; Krystyna Kersten. *The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943–1948*. — Berkeley, 1991. См. также: Norman Naimark. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. — Cambridge, Mass., 1995; Peter Kenez. *Hungary from the Nazis to the Soviets: The Establishment of the Communist Regime in Hungary, 1944–1948*. — New York, 2006; László Borhi. *Hungary in the Cold War, 1945–1956: Between the United States and the Soviet Union*. — New York, 2004; Karel Kaplan. *The Short March: The Communist Takeover in Czechoslovakia, 1945–48*. — New York, 1987; Bradley Abrams. *The Struggle for the Soul of the Czech Nation: Czech Culture and the Rise of Communism*. — New York, 2005; Mary Heimann. *Czechoslovakia: The State That Failed*. — New Haven, 2009.
- ³⁴ John Connelly. *Captive University: The Sovietization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956*. — Chapel Hill, 1999; Catherine Epstein. *The Last Revolutionaries: German Communists and Their Century*. — Cambridge, Mass., and London, 2003; Marci Shore. *Caviar and Ashes: A Warsaw Generation's Life and Death in Marxism, 1918–1968*. — New Haven, 2006; Maria Schmidt. *Battle of Wits*. — Budapest, 2007; Martin Mevius. *Agents of Moscow: The Hungarian Communist Party and the Origins of Socialist Patriotism 1941–1953*. — Oxford, 2005; Mark Kramer. *The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal–External Linkages in Soviet Policy Making*, parts 1–3. // *Journal of Cold War Studies* 1, 1 (Winter 1999), 3–55; 1, 2 (Spring 1999), 3–38; 1, 3 (Fall 1999), 3–66.
- ³⁵ Татьяна Волокитина и другие, ред. *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953*. — Новосибирск, 1997; Татьяна Волокитина и другие, ред. *Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953*. — Москва, 1999.

Семейное дело

Nina L. Khrushcheva. *The Lost Khrushchev: A Journey into the Gulag of the Russian Mind*. — Mustang, Oklahoma: Tate Publishing, 2014. — 320 p.

Мемуары людей, ранее причастных к советской номенклатуре, всегда интересно читать. Мир, которого больше нет, захватывает и интригует; он похож на Атлантиду, некогда поражавшую современников своим великолепием, но ныне ушедшую навсегда. В этом очаровании я одновременно усматриваю как силу, так и слабость подобных работ: причастность к высшему чиновничеству времен СССР — такая маркировка, которая остается с человеком навсегда, причем независимо от того, насколько решительно его собственная судьба разошлась с исторической судьбой советской элиты.

Книга правнучки Никиты Хрущева, уже давно живущей в США и преподающей международные отношения в одном из университетов Нью-Йорка, посвящена жизни одного человека — Леонида Хрущева, сына Генерального секретаря ЦК КПСС и военного летчика. Личность эта была легендарной еще при жизни: под пером автора оживает типичный представитель советской «золотой молодежи», кремлевский мажор, неспособный ни к труду, ни к учебе и интересующийся — по большей части — исключительно девушками. Выкрутасы и фокусы непутевого отпрыска не раз заставляли Хрущева-старшего нервничать, но гибель 25-летнего лейтенанта в воздушном бою в марте

1943 года навсегда примирила отца с сыном. Эта смерть, однако, была окружена загадками: в последующие полвека имя Хрущева-младшего не раз упоминалось недругами его отца, утверждавшими, что на самом деле Леонид добровольно перешел на сторону гитлеровцев, став предателем Родины. Собственно говоря, эта книга родилась из попыток Нины Хрущевой разобраться в запутанной истории своего родственника.

Установить истину с полнейшей достоверностью автору, как и следовало ожидать, не удалось, но Нина Хрущева в итоге решила руководствоваться официальной версией, согласно которой «ко-

мандованием ВВС старший лейтенант Хрущев Л.Н. признан погибшим при выполнении боевого задания». Впрочем, главная интрига повествования не в этом. Лично меня, например, привлекли не столько описываемые в работе архивные и полевые изыскания, сколько нарисованные автором портреты представителей многочисленного клана Хрущевых. Они весьма колоритно демонстрируют нравы и обыкновения того социального слоя, который руководил нашей страной на протяжении десятилетий. Это вполне человеческая история, в которой, как и положено, кипят страсти, в избытке разливаются любовь и ненависть, вершатся и рушатся судьбы. В центре всего этого экзистенциального хаоса вовсе не Леонид, а его отец, предстающий перед читателем в ипостаси то руководителя сверхдержавы, то пенсионера всесоюзного значения. А Нина Хрущева, разворачивая эту панораму, пытается убедить читателя в том, что Никита Сергеевич был подлинным реформатором, искренне пытавшимся избавить страну от наследия сталинизма.

Предлагаемые автором доказательства, состоящие в основном из семейных наблюдений, не особо убеждают, но это, по видимому, и не важно. Ведь независимо от намерений самого Хрущева бесспорным остается тот факт, что из его «оттепели» ничего не получилось, что она, как и многие другие реформаторские порывы XIX–XXI веков, осталась неосуществленной и незавершенной. Прорваться к свободе тогда в очередной раз не удалось; решетки того самого «ГУЛАГа русского ума», о

котором говорится в заглавии книги, как стояли, так и стоят. Обновленческим интенциям Хрущева автор пытается противопоставлять застойные рефлексy Путина, но и это выглядит не слишком убедительно. Повествование было бы более логичным, если бы читателю объяснили, что оба руководителя, прошлый и нынешний, являются выходцами из одной и той же эпохи и носителями одних и тех же политических ценностей. Не по-путински ли решительно Никита Сергеевич самовольничал на Генеральной Ассамблее ООН, размахивая обувью? И не по-хрущевски ли боевито Владимир Владимирович укрощает цены на бензин и отвязавшийся доллар своим магическим словом? Иначе говоря, именно безобразия завершившейся коммунистической эпохи и породили последующие причуды пришедшего ей на смену малосимпатичного режима.

За рубежом книга получила неплохие отзывы. «Увлекательная история, отчасти детектив, отчасти семейная сага, причем вписанная в реалии современной российской политики», — говорит о ней бывший посол Джек Мэтлок. Под пером Нины Хрущевой, по словам лорда Роберта Скиддельского, оживает таинственный русский мир, в котором «вечная предрасположенность к деспотизму и паранойе соседствует с глубинным стремлением к свободе и истине». Остается надеяться, что и в самой России найдутся читатели, готовые встретить это произведение с такой же благосклонностью.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

«Парк Белинского». — Пенза, 2012–2014, № 1–7.

В июне 2012 года в г. Пензе появилось новое издание — журнал вольнодумства. Такой подзаголовок у ежеквартального издания «Парк Белинского».

Искусство и жизнь, литература и жизнь часто противопоставляются друг другу в обыденном мнении, понятийно разводятся многими теоретиками культуры самых разных направлений, и в этом, конечно, есть свой резон — искусство, литература действительно *могут* быть далеки от жизни, особенно если под «жизнью» понимать нечто вполне конкретное. Но все же есть довольно очевидные примеры не только и не столько отдельных произведений, сколько самих форм организации творческой жизни, в которых действительно очень трудно бывает отделить искусство от жизни.

Одной из таких динамических форм, способствующих как можно более тесному сопряжению литературы и жизни (а под литературой я понимаю всякий написанный текст), на мой взгляд, является журнал: даже само это слово (во французском оригинале имеющее корень «день») указывает на повседневность, а повседневность является социально-философским синонимом слова «жизнь». Примером такого рода формы, который мне недавно довелось для себя открыть, стал журнал пензенского редактора и издателя Валентина Мануйлова «Парк Белинского» — «журнал вольнодумства»; впечатлениями об этом любопытном примере творчества я и хочу поделиться.

В целом журнал позиционируется как общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный одновременно, и это в основном совпало с моими ощущениями от знакомства с характером представленных в нем текстов — когда я думал, как его охарактеризовать, я решил, что нужно выделить в нем три составляющие его жанра: художественную литературу и поэзию, историко-документальную прозу и актуальную публицистику — именно эти три типа текстов составляют основное содержание всех номеров журнала. Приятного разнообразия добавляют обязательные несколько страниц фотографий довольно неплохого качества (обычно картин и скульптур, представленных на местном биеннале пластических искусств, тоже освещаемых в журнале) в середине и на обложке каждого выпуска, а также цитаты из различных более или менее известных авторов, которые заключают каждую отдельную рубрику журнала, имея некое смысловое отношение к ее содержанию.

Скорее всего, это был замысел г-на Мануйлова — и это естественно для всякого патриота своего города и своей местности — публиковать в журнале преимущественно материалы, имеющие отношение к Пензенскому региону и к его уроженцам, но это совершенно не ощущается как некая местечковость, замкнутость на себе провинциального города. Такого ощущения не

возникает потому, как мне кажется, что тема Пензы проводится совсем ненавязчиво, чаще всего фоном, а главное, редактор старается выбирать для публикации такие сюжеты, в которых личные судьбы персонажей — чаще всего уроженцев или долговременных жителей региона — накладываются на исторические реалии всей страны и цивилизации, приближаются к документальному жанру дневника и мемуаров, описанию простых и грубых фактов повседневной жизни. Такую влетенность индивидуальных линий в глобальные исторические контексты нужно отметить как весьма удачное свойство публикуемых в журнале сюжетов. Достаточное количество таких журналов по всей стране, аккумулирующих наиболее интересные жизненные истории, связанные с собственным городом или областью, могло бы образовать плотную ткань основанного на личном свидетельстве исторического повествования, позволяющего составить образ эпохи и образ страны как современнику, так и будущему историку.

Конечно, вряд ли «Парк Белинского» сыграет ту роль в исторической и общественной жизни страны, какую играли в свое время такие издания, как «Вехи» или «Отечественные записки», но роль гражданского авторитета в общественной жизни отдельно взятого региона он может выполнить, на мой взгляд, более чем достойно, выступая неким органом самосознания местных интеллигентских кругов.

Кроме того, я считаю, что журналу удалось превратить в достоинство то, что массовый читатель мог бы считать его недостатком, а именно что далеко не все публикующиеся в нем авторы являются профессиональными литераторами и журналистами. Часто в нем публикуются воспоминания и свидетельства времени из личных архивов, доселе не видевшие света ни в каком варианте, которые пересылаются родственниками авторов непосредственно в редакцию и печатаются эксклюзивно.

Надо сказать, что журнал имеет довольно длинные периоды выпуска: он издается с 2012 года и за это время вышло всего несколько его номеров. Основной его контент, так или иначе, посвящен истории нашей страны в разные ее периоды — это и документальные свидетельства, и публицистические размышления, и исторические романы, публикуемые отрывками. И тот тип истории, которая вырисовывается на страницах журнала, я, пожалуй, охарактеризовал бы как взгляд на историю с позиций постмодерна. Прежде всего это выражается в полном отсутствии в текстах журнала следа какого-либо метанарратива: мы не найдем в них образа истории как дерева, имеющего главный ствол и опутывающего своими ответвлениями все сферы человеческого бытия, что было бы характерно для какого-нибудь крупного издания с явно выраженной идейной направленностью. Напротив, именно в силу индивидуального, обособленного характера каждого документального сюжета (будь то история местного партийного функционера, греческого коммунистического лидера, прожившего в отставке в Пензе много лет, или воспоминания матери главного редактора Дины Мануйловой о своем детстве) история предстает в виде разветвленной сети «микросторий», связанных между собой непрямым и неявным образом — это и есть постмодернистская «трава» истории, в отличие от «дерева» метанарратива, оставляющая много места для интерпретации самому читателю.

Постмодернистские ассоциации вызывает также знакомство с литературной составляющей журнала — это и литературоведческие тексты, и, собственно, художественные. Такое впечатление связано с достаточной фривольностью в подаче некоторых тем, отсутствием стеснения в обращении к деликатным сторонам жизни: так, например, в своей статье о В.Г. Белинском — главном литературном символе Пензы — В. Щукин приводит такие подробности личной жизни и переписки писателя, которые иной исследователь, желающий сохранить монументальность образа великого критика, наверняка оставил бы за скобками повествования (и в целом это соответствует замыслу Щукина написать альтернативный портрет Белинского, контрастирующий с его образом в советском литературоведении).

В целом «Парк Белинского», по моему мнению, вполне оправдывает вторую часть своего названия, вынесенного в заголовок, — вольнодумства в нем и в самом деле достаточно. Это касается в том числе публицистики, как исторической, так и актуальной, — совершенно незаметно, чтобы авторы этого рода статей ориентировались в своем мнении на некую идеологическую позицию, высказывая свои довольно оригинальные и часто идущие вразрез с общепринятым мнением мысли.

Немалую познавательную ценность журнала я нахожу в том, что на его страницах особое место уделяется прямым и непосредственным свидетельствам времени, которые приоткрывают прошлое с той стороны, с какой оно никогда не бывает представлено в учебниках и в высокотеоретических монографиях; особенно это относится к советскому периоду нашей истории, свидетелей которого в наши дни, слава богу, еще вполне достаточно. Их голоса чрезвычайно ценны, на мой взгляд, тем, что из первых уст предоставляют следующим поколениям описания сокрытой истории, ее очень непрозрачной эпохи, которая далеко не исчерпывающе изучена и еще долго будет нуждаться в прояснении.

То же самое можно сказать об истории гражданской жизни, отраженной в журнале: его документальные фрагменты содержат в себе примеры множества гражданских поступков, совершавшихся в условиях идеологического контроля над обществом и скованной гражданской инициативы, — такие примеры я с интересом открыл для себя в повествованиях об историке А. Ахиезере, тайно работавшем над концепцией российской истории, альтернативной официальной идеологической позиции, о кибернетике Б. Рамееве, создававшем с нуля отечественную компьютерную индустрию, или о философе П. Егидесе, руководившем колхозом в Пензенской области. Все эти образцы гражданского мужества и ответственности, не преклонявшейся перед властью, на мой взгляд, могли бы послужить вдохновляющими примерами дальнейшим поколениям.

Словом, «Парк Белинского» являет собой собрание множества довольно разнородных текстов, которые вряд ли кто-то будет читать все подряд, но, думаю, это и не подразумевалось изначально: достоинство журнала состоит как раз в том, что каждый может выбрать для себя то, что ему больше по вкусу.

Контрапункт

УСТОИ СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ

Генри Киссинджер. О Китае. Изд. 2-е. — М.: АСТ, 2014. — 635 с.

Большой интерес в России и мире к книге Киссинджера о Китае понятен.

Один из лучших и авторитетных дипломатов и интеллектуалов мира написал книгу о предмете, который всесторонне и глубоко знает. Он неоднократно бывал и работал в Китае, будучи собеседником и стороной переговоров с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и другими китайскими лидерами. Именно он формировал и обеспечивал новую политику сближения Китая и США в 70-е годы.

Китай за минувшие 40 лет вышел в первые мировые державы (если не в новые сверхдержавы). И тут выяснилось, что мир мало знает и еще меньше понимает, что такое современный Китай, как он видит мир и что собирается делать. Книга Киссинджера во многом утоляет мировой голод на это знание и понимание. Каждому, кто имеет дело с Китаем или хочет понять, куда идет мир, стоит внимательно почитать Киссинджера.

По мере подъема Китая во всем мире растет и страх по отношению к нему. Куда пойдет огромная страна с почти полутора миллиардным населением? Мягкая китайская экономическая и культурная экспансия — уже реальность для многих десятков стран, в том числе и для США и России. Как относиться к этому? Киссинджер с высоты своего возраста, опыта и знаний дает практические советы на этот счет, которые не стоит игнорировать. В целом его взгляд на Китай трезв, прагматичен и умиротворяющ. Он любит Китай и советует не бояться Китая. Он верит официальным документам, статьям и выступлениям китайских официальных лиц, выступающим за доказавшую свою успешность дэновскую стратегию реформ, а не неофициальным писаниям китайских военных, политологов и публицистов, в последние годы проникнутых великодержавным, экспансионистским, националистическим духом.

Киссинджер предостерегает Америку от конфронтации с Китаем, от «игры с нулевой суммой», от вмешательства во внутренние дела Китая.

Самое интересное в книге Киссинджера — объяснение через тысячелетнюю историю, через анализ классиче-

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

ских китайских текстов, китайского мировоззрения китайской стратегии, принципов китайской мощи и экспансии. Если понять картину мира и мотивы поведения любой сверхдержавы, то возможно будет избежать фатальных ошибок, дестабилизации, а также выстроить с ней нормальные отношения в интересах стабильности и развития всего мира. России, которая на фоне украинского кризиса и введения западных экономических и визовых санкций, решила теснее прижаться к могучему восточному соседу, тем более следует ясно понимать, с феноменом какого рода она имеет дело. Древняя и популярная в Китае игра — шашки «го» («облавные шашки») обучают стратегии окружения противника и, напротив, недопущения такого стратегического окружения самого игрока. Китай — великая держава, способная противостоять любому противнику, но не коалиции множества более мелких противников. Поэтому Китай всегда внимательно следит, чтобы по его границам не возникали коалиции враждебных ему государств. Но и сам избегает строить такие коалиции, предпочитая оставаться в стратегическом одиночестве (независимости). Тем в России, кто грезит военно-политическим союзом с Китаем в противостоянии США и Западу, следует понять, что этого не будет никогда.

Не будет этого и по другой причине. Традиционное китайское сознание видит Китай не просто великой страной, но более того — центром мира и Вселенной. Срединной империей. Все прочие народы — варвары, стоящие на низшей культурной ступени. 40-летний подъем Китая и выход его на позицию второй экономики мира по номинальному ВВП и первой по паритету покупательной способности ВВП укрепляет это представление в умах китайцев, служит доказательством этой древней предпосылки. Использовать, манипулировать, учитывать интересы других — да. Но быть на равных, брать на себя долгосрочные стратегические обязательства — нет. Китай будет внимательно следить, терпеливо ждать и затем умело использовать любую слабость, любую ошибку как противников, так и союзников. *«...Китай никогда не снисходил до длительного общения с другой страной на принципах равенства, ведь ему никогда не встречались общества, сравнимые с ним культурой и величием».*

Текущая нарастающая конфронтация России и Запада по поводу Украины и по другим вопросам также выгодна Китаю со стратегической точки зрения. Она вписывается в традиционную китайскую стратегию «использования варваров против варваров» китайского стратега XIX века Вэй Юаня. Ослабление других держав в их взаимных распрях усиливает Китай, снижает угрозу образования ими антикитайской коалиции.

Китай не является агрессивной страной. Восстановив по итогам Второй мировой войны свои суверенитет и территориальную целостность, Пекин главной своей заботой считает внутреннюю устойчивость и стабильность. Страна в основном соответствует традиционным границам китайской империи середины XIX века, за вычетом Тайваня и Монголии. Если по Монголии вопрос снят (хотя что такое «вопрос снят» в перспективе 5000-летней истории китайской государственности?), то возвращение Тайваня остается краеугольным камнем китайской стратегии. В целом Пекин верит, что рано или поздно Тайвань сам упадет в руки могущественного Китая, как спелый плод.

Однако России стоит учитывать, что в сознании китайцев XIX век, период западных агрессий и «опиумных войн», слабости и унижения Китая, остал-

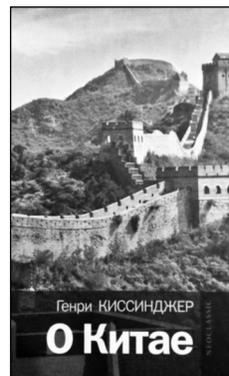
ся веком «несправедливых договоров» («столетие унижений»), в том числе и с Россией. Договорами с Пекином Россия в середине XIX века добилась закрепления своих новых обширных территорий в Сибири, в том числе Алтая, Приморья, Приамурья. Петербург тогда активно участвовал в давлении на Пекин вместе с другими великими державами того времени. Китайцы не забыли об этом.

Именно в этом, подчеркивает Киссинджер, главное отличие Китая от любой другой современной великой державы. *«Ни одна страна не может похвастаться такой долгой историей цивилизации или такой тесной связью с древней историей и классическими принципами стратегии и искусства управления государством».*

Американо-китайское сближение, сенсационно начатое президентом Никсоном и председателем Мао при активном личном участии Киссинджера в 1969 году, являлось прямым ответом на экспансионистскую политику Советского Союза, укрепляя ось Пекин — Вашингтон в стратегическом треугольнике США — СССР — Китай. Однако, начавшись как тактический шаг времен холодной войны, отношения США и Китая стали важной частью миропорядка, выйдя далеко за пределы тактики. Эти отношения пережили тяжелые испытания и кризисы (например, после подавления протестов на площади Тяньаньмэнь летом 1989 года). Но американо-китайский стратегический диалог выдержал все испытания и продолжает развиваться, не говоря уже о глубокой экономической взаимозависимости двух великих держав. Все это также стоит серьезно учитывать российским политикам и аналитикам, создающим новую картину мира, в которой старый Запад, клонящийся к упадку, противостоит новому, развивающемуся миру, переживающему подъем, и в котором борьба двух начал имеет природу нарастающей конфронтации. Далеко не очевидно, что китайская элита видит и будет видеть мир подобным образом и строить свою политику исходя из этого.

История американо-китайского сближения и сотрудничества в 1970-е годы — это история триумфа излюбленной киссинджеровской *реалполитик*. Ее воплощением была внешняя политика Ричарда Никсона. Во время исторического визита в Пекин в 1972 году и встречи с Мао Никсон предложил положить в основу политики согласование интересов, отложив в сторону вопросы ценностей и несовместимость американской и китайской систем. Он сказал Мао: *«Мы знаем, что вы глубоко верите в свои принципы, а мы глубоко верим в свои. Мы не требуем от вас отказаться от ваших принципов, точно так же как и вы не должны требовать от нас отказаться от наших».* Геополитика выше идеологии, интересы важнее ценностей.

Киссинджер дает интересные личные характеристики выдающимся китайским лидерам, с которыми ему довелось провести немало времени, — Мао, Чжоу Эньлао, Дэн Сяопину, Цзян Цзэминю. Если Мао собрал страну после японской оккупации и гражданской войны, то Дэн и его преемники сумели дать импульс частной инициативе миллионов китайцев, открыв дорогу беспрецедентному в мировой истории и истории самого Китая быстрому подъему уже на протяжении четырех десятилетий. Китай открыл интересную форму устойчивого авторитаризма. Как получается из китайского опыта, основным условием выживания китайского политического режима

и монополии на власть КПК являются быстрые и успешные экономические и социальные реформы, обеспечивающие устойчивый экономический рост и столь же быстрый рост уровня жизни всех китайцев.

Парадоксальным решением Дэн Сяопина после подъема массового протестного движения 1989 года, закончившегося кровопролитием на столичной площади Тяньаньмэнь, стало не сворачивание, а, напротив, углубление и ускорение реформ. «Развитие есть абсолютный принцип» — повторял Дэн. Ничто так не укрепило режим власти Компартии Китая после событий 1989 года, как экономические успехи Китая, успехи дэновских реформ открытости Китая, привлечения иностранных инвестиций, развития науки и образования, максимального использования инициативы и работоспособности китайцев. Эта стратегия преобразила Китай. Напротив, авторитарные режимы, делающие ставку на замораживание политических, экономических систем, на сковывание инициативы граждан, стратегически ослабляют свои перспективы, толкая свои страны к системным кризисам и кризису самих этих режимов.

«Бедность не есть социализм» — в своем излюбленном афористическом стиле говорил Дэн, обосновывая необходимость реформ и открытости. «Изоляция, конфронтация и бедность не есть патриотизм» — можно было бы перефразировать его применительно к нынешней России. «Реформа и открытость для внешнего мира» — лозунг долгосрочной стратегии Дэн Сяопина, остающийся руководящим для Китая по сей день.

Администрации Никсона, Форда, Картера, Рейгана, Буша-старшего, Клинтона, Буша-младшего и нынешняя администрация Обамы, при всех их различиях, в целом продолжали следовать прагматичному подходу реалполитик в отношениях с Китаем, отношениях стратегического сотрудничества. Однако в последние годы, по мере усиления, в том числе военного, спор идеалистов и реалистов в США вновь обострился.

Идеалисты во внешней политике исходят из того, что внутреннее устройство авторитарных государств определяет их внешнюю политику, толкая к агрессиям и авантюрам. А значит, надо стремиться к изменению политического строя и свержению авторитарных режимов, чтобы обеспечить долгосрочные отношения и прочный мир.

Реалисты считают политические системы внутренним делом стран, в которое вмешиваться не следует. Они выступают за политику вовлечения страны-партнера, когда на основе созданной атмосферы доверия можно решать в том числе и вопросы гражданского развития, апеллируя к общим интересам и целям. Киссинджер является одним из самых ярких и влиятельных проводников второго подхода, подхода реалполитик.

С одной стороны, Киссинджер предупреждает об опасности вмешательства во внутренние дела таких крупных и сильных стран, как Китай, и их праве на свои ценности и выводы из их исторического опыта (например, трагического опыта ослабления центральной власти).

С другой стороны, Киссинджер объясняет, что демократические и либеральные ценности американского общества не могут не вызывать реакции США на нарушения прав человека, гуманитарные катастрофы, гражданские войны, этнические чистки, бессудные казни. Реакция США будет — кто бы ни был в этот момент президентом. Даже если это войдет в противоречие с национальными интересами США.

Главная угроза XXI века, по Киссинджеру, — угроза ползучей конфронтации США и Китая. Такая конфронтация может стать самореализующимся процессом, подобным тому, который привел к развязыванию Первой мировой войны. Конфронтация двух великих держав станет тяжелой проблемой не только для них, но и для всего мира. Киссинджер утверждает, что никаких объективных причин для вражды не существует, и настаивает на продолжении их стратегического партнерства, столь успешного последние 45 лет.

Киссинджер предлагает США и Китаю «совместную эволюцию» в Тихоокеанском регионе, без претензий на сдерживание, противостояние, выдавливание или конфронтацию. Главное — заниматься внутренним развитием, сотрудничать и стараться минимизировать риск конфликтов. Более того, стоит подумать об аналоге Атлантического сообщества — о Тихоокеанском сообществе, страны-участницы которого во главу угла поставили бы интересы и программы мирного сотрудничества в регионе.

Китай с его накопленной веками мудростью и осторожностью скорее готов будет последовать рекомендациям своего старого американского друга, чем сопровождать Россию на боевой тропе конфронтации с Западом и ближайшими соседями. Многое зависит от того, какая точка зрения на Китай возьмет верх в Вашингтоне — как о потенциальном враге Америки номер один или же как о стратегическом партнере, вместе с США ответственно поддерживающем глобальную стабильность.

Вряд ли новое поколение китайских лидеров забудет и так называемые 24 иероглифа Дэн Сяопина, оставленные им в качестве стратегического завета в конце 90-х годов: *«Внимательно наблюдай, защищай наши позиции, решай дела спокойно, скрывай наши потенциальные возможности и выжидай удобного случая, чтобы действовать, умей не высовываться, никогда не претендуй на лидерство»*. Эта осторожная стратегия оказалась для Китая столь успешной, что он не откажется от нее в обозримом будущем.

Экономический кризис 2008–2009 годов и кризис вокруг Украины в очередной раз ослабили Россию и Запад относительно Китая, в еще большей степени укрепив уверенность Пекина в своих силах. Ослабленная санкциями Москва бросилась на китайский рынок, дав Пекину легкую возможность диктовать свои условия. Падая в распростертые китайские объятия, люди, принимающие решения в Москве, должны хотя бы найти время прочитать книгу «О Китае» Киссинджера. Иметь дело с Китаем, не до конца понимая эту великую страну и культуру, чревато тяжелыми ошибками.

ПОЧЕМУ У ПОЛЯКОВ ПОЛУЧИЛОСЬ

Валерий Писигин. Политические беседы: Польша, 1989. — М., 2014. — 174 с.

Если в Азии, да и во всем огромном регионе Тихого океана Китай — главная сенсация и главный чемпион последних 35 лет, то флагман Центральной и Восточной Европы — демократическая Польша.

Если Китай нашел парадоксальный конфуцианский путь к быстрому развитию и росту благосостояния своего огромного населения в условиях политической монополии КПК, то Польша — образец успешного развития на

обломках коммунистической системы, когда бывшая правящая Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) потеряла власть, а старые институты коммунистической диктатуры были решительно заменены новыми демократическими институтами европейского типа.

Если Дэн Сяопин, внимательно наблюдая за процессом распада СССР и всего советского блока, рекомендовал своей партии отдать приоритет экономическим реформам, заморозив до поры до времени реформы политические (процесс этот растянулся надолго — до наших дней), то поляки пошли другим путем: добились сначала радикальных политических преобразований, а потом провели столь же радикальные экономические. Любопыт-

но, что при этом обе страны, избравшие столь противоположные стратегии, в высшей степени преуспели.

Поляки — славяне, хоть и католики. Россияне всегда смотрели на своих западных родственников с ревностью, часто с неприязнью, но всегда — с любопытством. Тем более интересен нам опыт успешных польских политических, социальных и экономических реформ в поиске ответа на вопрос: *почему у поляков получилось, а у нас нет?*

Известный российский общественный деятель, кооператор, а в последние годы музыковед Валерий Писигин в своей книге «Политические беседы: Польша 1989» рассказывает о Польше в самом начале пути реформ, когда в результате исторического Круглого стола между ПОРП (Ярузельский) и оппозицией во главе с лидером независимого профсоюза «Солидарность» Лехом Валенсой были проведены первые свободные выборы и премьер-министром летом 1989 года впервые стал представитель оппозиции Тадеуш Мазовецкий. А его вице-премьером по экономике и финансам — главный польский экономист-реформатор, автор знаменитой «шоковой терапии» Лешек Бальцеревич. Книга Валерия Писигина — поучительный моментальный снимок Польши 1989 года.

32-летний в ту пору автор к тому времени получил известность как один из активных общественных деятелей перестройки, лидеров молодого кооперативного движения в СССР. Живя в Набережных Челнах, он еще в 1982 году основал дискуссионный политклуб, в котором обсуждались проблемы загнивающей советской системы. Членом политклуба был и молодой инженер КамАЗа Владимир Будневич, оказавшийся сводным братом ключевого идеолога польской «Солидарности» Кароля Модзелевского. Отец Кароля был репрессирован в Москве в 1937 году, будучи учащимся бронетанкового училища. Отчим — поляк Зигмунт Модзелевский, тоже был репрессирован, но остался жив. Впоследствии он даже стал министром иностранных дел Польши (1947–1951).

Это знакомство и привело Валерия Писигина в Польшу в сентябре 1989 года. Он поехал туда вместе с Владимиром Будневичем, где братья впервые встретились, — Кароль Модзелевский встречал их на варшавском вокзале и потом организовал встречи гостей с поляками в Варшаве и Вроцлаве, часто выступая на них не только собеседником, но и переводчиком.

Еще до этой поездки Валерий Писигин и его друзья в силу ограниченных возможностей наглухо закрытой страны внимательно следили за «события-

ми в Польше», которые потрясли до основания весь советский блок в Центральной и Восточной Европе. Профсоюз «Солидарность», забастовки и столкновения, Лех Валенса, Войцех Ярузельский, военное положение, введенное Ярузельским 12 декабря 1981 года, аресты и интернирование лидеров «Солидарности» — все это вызывало тревожный интерес в СССР, заставляло читать между строк советские газеты, слушать «вражеские голоса» («Голос Америки», Би-би-си, «Радио Свобода», «Немецкая волна»).

В 1983 году советский агитпроп выпустил огромным тиражом в 100 тысяч экземпляров книгу Вадима Трубникова «Крах операции “Полония”», в которой описывал польские события как масштабный заговор Запада против социалистической Польши, а лидеров оппозиции — как агентов и марионеток Запада, США и ЦРУ и даже как террористов. Но эта книга стала для советских людей важным источником информации о польском демократическом движении — граждане СССР отлично умели дешифровать лживые пропагандистские тексты.

Из «разоблачений» советской прессы В. Писигин узнал имена главных деятелей польской демократической оппозиции — Валенсы, Михника, Модзелевского, Куроня. А в 1989 году сбылась его мечта о личной встрече с ними. Появилась возможность обсудить стратегию и планы демократических и рыночных реформ в Польше и СССР, узнать, что думают об этом выдающиеся польские политические деятели, первые в Восточной Европе опрокинувшие коммунистическую диктатуру.

Он записал на магнитофон и расшифровал свои беседы и тогда же опубликовал их частями в советской печати. Теперь эти материалы собраны в одну книгу, вместе с предисловием, заключением автора, главой об убитом польскими чекистами священнике Ежи Попелушко и подробными примечаниями. Особая ценность книги — в ее документальности. Интересно читать беседы и сам язык четвертьвековой давности. Особенно обладая знаниями того, что произошло в Польше и России с 1989 года, изменившего всю мировую историю, завершившего собой «короткий XX век».

Челнинский политклуб носил тогда имя недавно реабилитированного Николая Бухарина. И находился под сильным влиянием его идей конца 1920-х годов. В частности, об общественной собственности на средства производства — в виде широкого развития кооперативного движения. В этом виделся тогда В. Писигину, как и многим другим, оптимальный путь от диктатуры к демократии, от плановой к рыночной экономике. Это была утопия — утопия гармоничного перехода к рынку *«на основе развития кооперации, аренды, частной инициативы»*, *«политизации этого процесса»*, *«единства политики и экономики»*, строительства на этой основе гражданского общества.

Реальные процессы, как мы теперь знаем, пошли совсем другим путем — через агрессивный захват и скупку предприятий и других активов, передел собственности, рейдерство и рэкет, концентрацию и клановость, коррупцию и откаты. Кооперация и общественные формы собственности не получили широкого распространения. Иначе и быть не могло в обществе атомизированном, разобщенном десятилетиями репрессий и доносительства, с крайне низким уровнем взаимного доверия. Из дикого, построенного на насилии и страхе социализма, как теперь ясно, мог вырасти только такой

же дикий капитализм, стоящий на принципе «человек человеку волк». Какая уж тут кооперация!

Тогда, на встречах с Модзелевским, Куронем, Михником в 1989 году Писигин горячо обращал их в свою кооперативную веру, но встречал в ответ скепсис. С самого начала лидеры польских реформ более трезво смотрели на природу вещей, на людей и на общество. Трезвомыслие и опыт польских лидеров — важная предпосылка общего успеха польских реформ.

Уже в 1970-е годы среди лидеров польского демократического сопротивления утвердился рациональный эволюционный подход, включавший в себя и готовность к политическому диалогу с лидерами репрессивной ПОРП с целью достижения позитивных изменений в стране. Стратегия ставила в центр не апелляцию к властям, а философию самоорганизации, самопомощи общества, опиралась на то, чтобы прежде всего поднять народ на защиту своих прав. Эта стратегия привела к объединению усилий польских рабочих, католической церкви, польской интеллигенции, к будущему триумфу «Солидарности» и Круглого стола.

Важная особенность Польши и важное ее отличие как от СССР, так и от Китая заключались в том, что за 44 года существования коммунистического режима *не все автономные общественные институты были раздавлены или подмяты властями*. Важную самостоятельную роль продолжали играть союзы писателей и журналистов, польские фермеры и, конечно, католическая церковь, университеты. Все они сыграли ключевую роль, наряду с «Солидарностью», в падении коммунистического режима и, что еще важнее, в становлении новой демократической Польши.

Китай, в отсутствие таких или подобных независимых общественных структур, сделал ставку на сохранение политического режима, созданного Мао Цзэдуном, во главе с политбюро ЦК КПК. Но при этом во главу угла были поставлены конфуцианские меритократические и умеренные принципы справедливого и сравнительно мягкого правления, вкупе с последовательными экономическими реформами — развитием частной собственности, конкуренции, открытости страны, массового привлечения западного капитала и технологий. Качественная и компетентная китайская бюрократия, открытость страны, стабильность законов, мирная внешняя политика, огромное трудолюбивое население — стали определяющими компонентами «китайского чуда».

Поляки сделали упор на интеграцию в ЕС и НАТО, демократическую политическую систему, острую конкуренцию в элитах, частую смену правящих парламентских коалиций, развитие институтов гражданского общества — партий, профсоюзов, свободных СМИ, местных органов власти, ассоциаций, в том числе бизнеса. Их экономические реформы в своих основных принципах схожи с китайскими — широкая приватизация, широкий допуск иностранных инвесторов, открытость страны, развитие, прежде всего малого и среднего, предпринимательства, защита конкуренции, низкие налоги.

В результате, при столь различных обществах, ценностях и политических системах, обе страны преуспели. Выясняется, что ключевое значение для успеха могут иметь *два определяющих фактора* — эффективность и компетентность правящих элит, способных при этом эффективно использовать экономический потенциал страны, умело вписать ее в систему мирохозяйственных связей.

Россия с 1989 года не сумела продемонстрировать ни того, ни другого. Политический режим вновь скатился в авторитаризм, но без китайской меритократии и эффективности. Внешняя политика приобрела былую конфронтационность. Экономическая политика властей привела к еще большей примитивизации экономики и затем — к остановке экономического роста. Новые институты гражданского общества и государства оказались неспособными стать опорой новой системы и проиграли соревнование «архаичным институтам». Российская демократия так и не встала на ноги, а российский авторитаризм проиграл в экономической эффективности китайскому.

Поляки уже в 70-е — 80-е годы понимали опасность реванша *старого режима*. Они отдавали себе отчет, насколько велик риск поражения новых демократических институтов и реставрации диктатуры. В сентябре 1989 года во Вроцлаве об этом говорил Валерию Писигину лидер «Солидарности» в этом городе Владислав Фрасенюк: однажды вдруг *«милиция и армия могут остановить и повернуть вспять развитие общества»*. Речь шла об опыте введения военного положения в 1981 году, прервавшего процесс демократизации Польши. Отсюда они делали вывод о необходимости *прежде всего радикальной политической реформы*, полной деполитизации армии и милиции, выводе их из-под контроля бюрократии.

Более того, радикальная политическая реформа виделась и главной гарантией экономических реформ. «Гарантией независимости общества, в этом мы убедились дорогой ценой, может служить только пистолет, приставленный к виску государства» (Фрасенюк). Еще важнее: *«Есть люди в сенате и сейме, которые считают, что гарантией могут служить принятые ими законы. Я считаю, что гарантией может служить только общество, организованное в силу»* (Фрасенюк). Вся постсоветская история России оказалась иллюстрацией этого тезиса. Общество, организованное в силу, не сложилось, и старый порядок взял реванш.

Поляки пошли тогда самым прямым путем — одновременно запустив радикальные политические и экономические реформы. Как сказал тогда В. Писигину Яцек Куронь: *«Ну и нечего тут мудрить! Надо капитализм строить!»*

Как и у китайца Дэн Сяопина, у поляков не было детального плана действий — скорее набор общих принципов. Они прямо признавались, что идут неизведанным путем, что трудности радикальных реформ могут привести самих реформаторов к краху. *«Мы еще как-то знаем, от чего мы идем, но гораздо хуже знаем, куда идем. А может, и вовсе не знаем»*. (К. Модзелевский) Они поставили на карту все — и в итоге победили.

Оглядываясь назад и подводя итоги, Валерий Писигин полон разочарования и пессимизма. Демократии в России нет, законы и права людей попираются, власть несменяема и неподотчетна. *«Перманентная борьба с врагами внутренними и внешними, так называемая чрезвычайка — среда обитания этого государства, а воспроизводство чрезвычайных ситуаций для своего поддержания — основная задача его институтов»*. Опыт Польши нам не подходит, Россия слишком велика и сложна. Корень зла в предрассудках народа — главной опоре деспотии. *«И похоже, на этот раз никто в целом свете не знает, что делать с Россией»*.

О гражданском обществе в России говорят в последнее время часто, но смысл этого термина для многих остается неясным, как и ответ на вопрос, почему так важно и необходимо развитие его институтов. В 2011 году в четырех региональных столицах РФ — Перми, Вятке, Иркутске и Краснодаре — по инициативе Школы были организованы художественные выставки «Мера вещей. Образ человека в русском искусстве» в рамках проекта «Энциклопедия гражданской жизни», цель которых — формирование гражданского языка, в том числе в рамках обсуждения произведений искусства на публичных площадках. Или, другими словами, «перевода» гражданских чувств на язык рационального понимания ценностей демократии.

Слушателями и выпускниками Школы являются молодые люди разных профессий, включая представителей художественной интеллигенции. Ниже мы публикуем рассказ одного из таких выпускников о своем творчестве.

*Сергей Тахтамышев,
художник, фотограф,
член Товарищества
свободных художников
Санкт-Петербурга*

Мир художника

Про профессии я художник-живописец, окончил Академию художеств Санкт-Петербурга. Помимо живописи занимаюсь фотографией, еще одним видом визуального искусства, который, при всей специфике, близок к живописи одинаковыми проблемами: поиском темы, композиции, цветовых соотношений, использованием света и тени и т.д. С техническими и компьютерными возможностями нашего времени фотография приблизилась по выразительным возможностям к живописи.

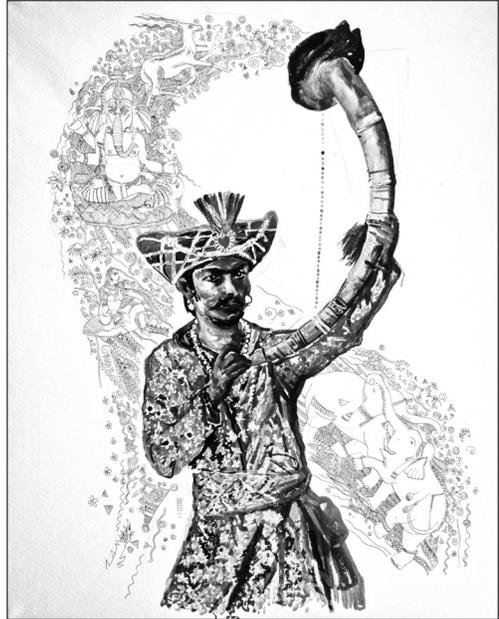
Разумеется, помимо тривиальной необходимости зарабатывания на жизнь — итога любой профессиональной деятельности, меня интересуют аспекты обратной связи с обществом: ведь любой художник стремится не только выразить собственное «я», но и наивно мечтает сделать мир лучше. Иначе искусство давно превратилось бы в банальное ремесло. Задача искусства может быть поставлена шире: от попыток умножить в мире «прекрасное» путем его выделения и отображения до создания социальной картины, в которой целенаправленно отражается проблема, волнующая художника. Как писал Маяковский: «Театр — не отображающее зеркало, а увеличительное стекло». Эти слова можно отнести к любому виду искусства, и настоящая живопись — не срисовывание с натуры, а осознанный акт отбора из предлагаемого нужного и усиление его свойств.

Таково, например, творчество Ренато Гуттузо или офорты Гойи. Художник, востребованный в жанре портрета, известный в кругах высшего испанского света, неожиданно обращается к социально-политической тематике, забыв об инквизиции.

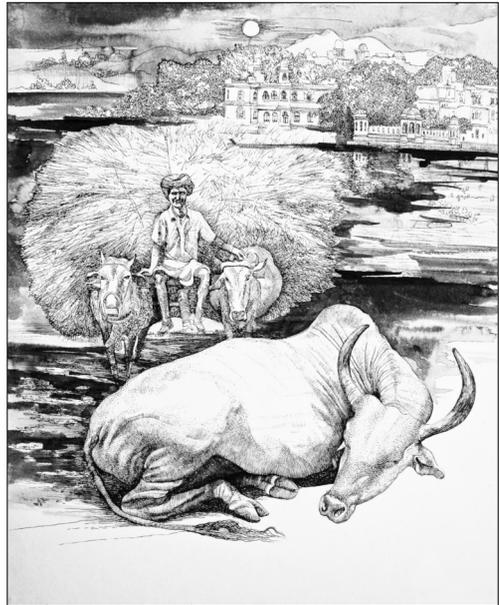
Такой выплеск социально острого «текста», который может быть выражен в любой форме — литературной, живописной, театральной, с помощью киноязыка или фотографии, может случиться в творчестве любого человека, которому не безразлична судьба страны. Конечно, к этому побуждают часто события — войны, революции, деспотизм. Любой человек в такие моменты делает свой гражданский выбор: внутренняя эмиграция или выражение мнения о проблемах страны. Художник делает это не только, как любой другой человек, семантическими средствами, он может использовать визуальные приемы, образы.

У фотографии и живописи, которыми я занимаюсь, есть общее и частное в выражении проблем действительности. Фотограф должен быть в гуще событий, иногда даже с риском для жизни, если ставит цель сделать кадр, который может оказаться сильнейшим документом. Таковы фотографии из горячих точек, которые становились неопровержимыми доказательствами нарушений гражданских прав людей, преступлений против человечности. Он может также сфотографировать нечто в необычном ракурсе, чтобы привлечь к проблеме внимание. В результате люди могут заметить то, что оставляло их равнодушными.

В занятии фотографией есть темы, которые волнуют меня давно, с тех пор как в 19 лет я взял в руки собственный фотоаппарат. Одна из тем — наше уходящее архитектурное наследие и увядающая жизнь деревни, маленьких провинциальных городков. Меня привлекает фотофиксация мест не слишком, возможно, известных, которые обходит туристический мейнстрим, но которые каким-то чудом сохранили дух прежнего времени и его неоспоримые преимущества: гармонию человека и природы, утраченную во многом современной цивилизацией, и несуетность жизни, в отличие от жизни в

Индийские мотивы

больших городах, где бесконечная череда малозначущих событий часто подменяет общечеловеческие ценности.

Эти деревеньки и городки еще сохраняют следы многовекового жизненного уклада, когда-то устроенного разумно и толково. Их бытовые устои сложились в давние времена, когда человек прислушивался к голосу природы, не пытаясь ее покорять, и

эту связь не хотелось бы потерять. Потому и в пейзаже хочется выразить гармонию, содержащуюся в природе изначально и не погубленную диким вмешательством человека наперекор ее правилам.

По этим причинам цель пейзажа, как фотографического, так и живописного, я вижу в том, чтобы помочь зрителю почувствовать красоту окружающего мира, попытаться обрести гармонию с ним. Человек, в душе которого царит гармония, способен сохранять большее равновесие и трезво судить о процессах в обществе и о своей жизни, чем тот, у которого в душе наступает разбалансировка чувств.

Мне сложно определить, в какой момент я решил стать художником, потому что рисую я с раннего детства. Это естественный процесс движения от детского желания выразить то, что видишь, и то, что рождает фантазия, к тому, что становится делом жизни. Для меня это было естественно еще и потому, что я рос в семье, где родители и родственники были людьми с художественным образованием, и меня отправляли в художественные школы с шести лет. Сначала была детская вечерняя школа при Мухинском училище в Питере, потом дневная при Академии художеств, когда выяснилось, что меня больше привлекает живопись, чем дизайн. Возможно, тот факт, что я видел с детства, как отец занимается архитектурным проектированием, определил интерес к рисованию архитектурных объектов в пейзаже, а не только красот природы, а также интерес к путешествиям по городам и весям. Мне сложно сейчас вообразить другую профессию, хотя я, как любой человек, иногда представляю себе выбор пути с иными возможностями. Например, профессию путешественника. Однако для меня важен не только факт пребывания где-то в далекой стране, но размышления об увиденном и отражение результатов рефлексии, переживания. Причем идеи картин приходят иногда быстро под воздей-

ствием живых ярких впечатлений, а иногда нужно время, чтобы впечатления улеглись и подсознание выполнило работу по обработке накопленных образов и прожитых событий. В картине отражаются рефлексии, которые порой логически необъяснимы, и творческий процесс обнажает их. То есть фотографирование и живопись помогают глубже самому осознать и пережить то, что видишь, создавая визуальный продукт, который увидят другие люди. И невольно смотришь на него словно чужими глазами, беспокоясь о внятности посылки фотографии или картины, о ясности визуальной информации, поскольку любая, даже абстрактная картина несет помимо эстетического наполнения какое-то послание автора, пусть это не всегда и не всем бывает очевидно.

В этой связи меня привлекает такой вид деятельности, как преподавание. Хотя я не стремился устроиться куда-то преподавать из-за заработка, мне временами хотелось поделиться знаниями. Особенно запомнилась поездка в детский дом и общение с детьми. Я показывал им фотографии и рассказывал про путешествия и работу художника. Для детей гораздо важнее просто общение с новыми людьми, которого им не хватает внутри привычного замкнутого пространства. Для меня — помимо желания сделать что-то полезное для них — это была возможность передачи каких-то своих впечатлений и знаний.

Я нахожусь пока в начале творческого пути и, как у любого художника, моя главная цель — набрать профессионализм в ремесле, так как это основа для самовыражения. Совершенствование технических возможностей должно заботить художника всю его творческую жизнь. Как нельзя написать даже и рассказ, если не владеешь языком, так невозможно писать картины, если тебя не слушается кисть.

Однако техническое мастерство должно соединиться с особыми признаками, позволяющими говорить о стиле художника:

сочетанием неповторимого мазка, особенностями композиции, использованием пространства, цветовых комбинаций и сюжетов картин. Процесс формирования творческой личности так же важен, как и становление личности вообще. Тяжело бывает понять, что же ты такое отдельно от человеческого сообщества, зачем живешь, творишь? Если ты повторяешь чужой почерк, чужие композиции, то для чего ты занимаешься вообще творчеством? Только для заработка? Ни одна творческая личность не смирится с этим, каждый художник, даже если судьба поставила перед ним жесткую проблему выживания, будет хотя бы немного пытаться писать для себя, для выражения собственной души и в соответствии с собственным пониманием мира и взглядом на живопись.

В то же время художнику подчас бывает необходимо влиться в коллектив, когда он участвует в артельном заказе. Этот вид работы, выполнение большой росписи, может быть, храма или общественного сооружения, бывает не по силам одиночке. Социальная значимость объекта, создание цветовой, эстетической среды, в которой будут находиться многие люди, — достаточно ответственная задача. Тут личное должно быть подчинено общественному, коллектив решает, каким быть проекту в целом.

Для меня таким опытом стала работа на Шпицбергене, где мы вчетвером выполняли роспись фасада школы. Особенность основного поселения на острове, Баренцбурга, в том, что его жизнедеятельность отчасти подчинена работе в угольной шахте и туристическому бизнесу. Туристы приезжают туда в основном из Норвегии, и власти стремятся сделать городок привлекательным для международного туризма с помощью эстетизации среды обитания. Ну и, конечно, ставилась задача сделать более комфортной среду для самих жителей, особенно детей, в условиях Арктики с ее долгой полярной зимой и коротким летом.

Поэтому роспись должна была быть оптимистичной, колоритной и отражать национальные традиции: архитектуру, фольклор, то, что без слов демонстрирует самобытность. Для росписи были выбраны сюжеты из исторического и культурного наследия России. Для оформления угловых частей здания школы было решено отразить четыре образа Руси — первозданной, белокаменной, былинной и сказочной. Со стороны детской площадки было нарисовано сказочное «Тридевятое царство». Большая фреска на фасаде здания школы в центре города стала ярким акцентом и любопытным объектом для туристов.

После поездки я участвовал в выставке в географическом обществе со своими фотографиями и картинами о Шпицбергене, где живут соотечественники и куда мало кто добирается, как и в другие окраинные земли нашей огромной страны. Любая информация не лишняя, чтобы познакомить людей с особенностями жизни в различных регионах. Это такая же интересная тема, как жизнь маленьких провинциальных местечек, постепенно исчезающих с карты нашей страны. Есть ли возможность остановить урбанизацию? В других странах, например в Скандинавии, люди живут на хуторах, не переживая, что соблазны городской цивилизации далеко. Взамен им доступно постоянное общение с природой, а с природой не бывает скучно, я это знаю, поскольку сам живу по полгода в доме на природе, благо профессиональная деятельность мне это позволяет.

У человека должен быть выбор, где жить, но не должно быть проблемы выживать. Отсутствие возможности приложения труда в маленьких городках — это большая проблема. Постараюсь рассказать доступными мне средствами о местах в нашей стране, где люди жили и радовались жизни испокон веков.

Множество эмоций оставила поездка в старинное село Алеховщина. Мой отчет о местной керамике, которая до сих

*Воскресенский
собор
в Тутаеве*

пор остается важным промыслом жителей этого местечка, попал в финский журнал как иллюстрация к статье об этом поселении в самом экологически чистом районе Ленинградской области.

Памятными событиями стали также две мои выставки в краеведческом музее города Тутаева, что в Ярославской области. Местные художники неохотно тут выставлялись, предпочитая выставки в самом Ярославле, как более рентабельные. Тутаевцы действительно очень мало покупают художественные работы из-за низких заработков. Надежда на туристов тоже не оправдывала себя. Однако две выставки, которые я провел в Тутаеве подряд два лета, принесли неплохие результаты. Первая — выставка графики — вообще оказалась удачной, вторая — наполовину живописная, наполовину фотографическая — попала как раз на кризис 2009 года, но тоже себя окупила. Я был доволен уже оттого, что вдохновил местных художников на выставки в музее и немного всколыхнул местную художественную жизнь. В 2014 году музей закрылся на серьезный

ремонт, но на будущее я вынашиваю необычную идею выставки скорее социального характера, чем художественного. Я собрал старинные фото города столетней давности и отсканировал фотографии моего деда пятидесятих годов, сравнил их, я увидел, что в некоторых кадрах оказались примерно одинаковые места. Городской пейзаж за это время довольно сильно изменился и не всегда в лучшую сторону. Город потерял много зданий с историческим прошлым, а то, что строится на их месте, уж, конечно, не восстанавливает его облик таким, каким он был раньше. В основном это происходит из-за равнодушия новых застройщиков к архитектурной истории города. Иногда — от незнания того, как он выглядел раньше. Цель моего проекта — привлечь к градостроительной судьбе города внимание. И еще один важный аспект — озеленение и реконструкция ландшафта. На это практически совсем не обращается внимания, и из-за непродуманного нового строительства город потерял несколько важных точек, с которых открывались прекрасные виды на Волгу и

Фантазия

церкви. Старые фотографии напоминают, что эта проблема существует, и надо думать, как ее решать.

В последние годы в Тутаеве наметился интерес к организации пространства вокруг жилищ, благоустройству и малым архитектурно-художественным формам. Пока это делается не очень умело, но поддерживать этот интерес очень важно, потому что обустройство своей ближней земли расширяется до пределов любви к Родине, как бы пафосно это ни звучало.

В 2010 году памятным для меня было участие в художественном проекте, посвященном трехсотлетию Царского Села (города Пушкина) под Санкт-Петербургом. Это была выставка картин, изображавших памятники архитектуры города, как существующие, так и утраченные или находящиеся на грани исчезновения. Цель – привлечь внимание к восстановлению и поддержанию архитектурного наследия города. Картины экспонировались не раз, публиковались в печатных изданиях с соответствующими текстами, а в день праздни-

вания юбилея была устроена аллея художников, где они дали оригинальный мастер-класс: рисовали вместе с известными личностями картины с местными пейзажами и памятниками архитектуры.

Художнику свойственно погружение в свой внутренний мир и определенная отрешенность от мира внешнего. Для осмысления увиденного и пережитого, поиска образа и подходящих выразительных средств нужны время и отстраненность от событий. Тогда из этюда, наброска рождается картина, как обобщение впечатлений и мыслей. Этим работа художника отличается от работы фотографа. Занятие двумя видами создания изображения для меня интересно разными принципами реализации этой задачи — запечатление мгновения и систематизация увиденного, запомненного, прожитого, и создание на основе этого зрительного образа.

Заметным этапом в моей жизни стала своеобразная роль «посла русского искусства» во Франции, сначала в провинции, затем в Париже.

Поездка в 2013 году в провинциальный городок Сен-Флур на юге Центральной Франции была связана с художественным салоном, который проводится в этом городе ежегодно в течение десятилетий. Жизнь, пусть и недолгая, в провинции, неформальное общение с французами открывают гораздо лучше их характер, чем в столице. Интересно отметить богатую культурную жизнь городка, которой явно не хватает нашей провинции. За короткое время в нем прошли музыкальный фестиваль и фестиваль исполнителей национальных танцев из разных регионов Франции: Эльзаса, Гаскони, Бретани. Мастер-классы, которые я проводил с французами, открыли разницу между нашими живописными школами. Казалось бы, Франция — родина импрессионизма, и тут живописцам сам бог велел работать на пленере. Выяснилось, что французские художники эту традицию, похоже, утеряли, у них как раз в этой технике не хватает опыта.

Через полгода я опять во Франции, на выставке в Гран-Пале в Париже, где была выставлена моя работа. Это был итог нескольких лет творчества и событие радостное: осозная, что здесь выставлялись и выставляются самые знаменитые художники мира, испытываешь невольно сопричастность к ним.

В живописи сейчас, как никогда, нет приверженности одному стилю, она демократична и разнообразна. Разглядывая собранное в одном месте большое количество работ, сравниваешь их со своими по стилю, технике, идее. На такой выставке понимаешь, что это не только профессия, которая кормит, у каждого художника есть еще какая-то сверхзадача, без этого нет творчества. На международной выставке все стараются как раз выставить то, что в какой-то степени отражает взгляд на мир и эту сверхзадачу.

И еще одна мысль, которая мне кажется важной: современный человек живет в

стандартизированном обществе. Глобализация привела к тому, что мы можем в любой точке планеты носить одну и ту же одежду, жить в похожих интерьерах, пользоваться одинаковыми вещами. Картина в интерьере может оказаться единственной уникальной вещью. Поэтому ее индивидуальность самоценна. По этой же причине в последние годы так популярно учиться чему-то творческому, что-то рисовать, лепить и делать хоть что-то, что будет единственным и неповторимым.

Обилие негатива в живописи как отражение современной реальности кажется мне еще и следствием потери гармонии в мире и в душах людей. Художник должен, по-моему, стремиться восстанавливать эту гармонию своими работами. Мне, во всяком случае, ближе не публицистичность живописи — я думаю, это в большей степени задача литературы, киноискусства, театра, — а ее гармонизирующее начало.

Среди работ последнего года одна была для меня особенно важной, хотя и не требовала особых творческих усилий. Я нарисовал графическую реконструкцию пруда, который существовал в нашем дачном поселке еще с конца XIX века, но в какой-то момент прогнившая плотина была разобрана, вода спущена, и с тех пор жители мечтают о его возрождении. Однако наиболее активными сторонниками возрождения водоема, как ни странно, являются дачники — питерцы и москвичи, а не коренные жители. И меня волнует вопрос, почему коренное население обычно равнодушно к судьбе места своего обитания. Можно объяснять это недостаточно развитой социальной активностью, неверием в свои силы, разобщенностью людей, отсутствием самоуправления...

В настоящее время мой рисунок демонстрируют в областном центре, чтобы получить дотации на чистку и реконструкцию пруда, а параллельно активисты проводят субботники.

CONTENTS

TO OUR READER

- Elena Nemirovskaya:*
 “We all have a right to live and must
 learn to live together...” 5

SEMINAR

- Foreign Policy
 and National Interest
Anatolii Adamisihin 8

THEME OF THE ISSUE

- The Public Good
 and Spiritual Culture
Krzysztof Zanussi 20

A VIEWPOINT

- Social Trust:
 Conditions and Challenges
Dag Wollebæk 25

CIVIL SOCIETY

- On the Crisis
 of Civil Society in Britain
Geoffrey Hosking 32
- Civic Education and Freedom
Alexander Sogomonov 40

HORIZONS

OF UNDERSTANDING

- Path Dependence
Alexander Auzan 54

INTERNATIONAL EXPERIENCE

- Publish Your Income!
Mona Toycen 62

IDEAS AND CONCEPTS

- «Hybrid Nationalism»:
 Sources, Risks and Opportunities
Dmitrii Gorin 68

RECENT PAST

- For the Truth and for the Good:
 The Creed of Glasnost
Leon Aron 71

ANNOUNCEMENT

- The Iron Curtain
Anne Applebaum 85

BOOKS

- A Family Business
Andrei Zakharov 104

REGIONAL BOOK REVIEW

- Rodion Garshin* 106

COUNTERPOINT

- Vladimir Ryzhkov* 109

NOTA BENE

- The World of an Artist
Serguei Takhtamyshev 118

СОДЕРЖАНИЕ
журнала «Общая тетрадь» за 2014 год

К читателю (№ 1)

Немировская Елена

«Все мы имеем право на жизнь и должны учиться жить вместе» (№ 4)

СЕМИНАР

Адамишин Анатолий

Внешняя политика и национальные интересы (№ 4)

Зевелев Игорь

Российская национальная идентичность и глобальный мир (№ 1)

Кудрин Алексей

Экономика и политика в поисках баланса (№ 2–3)

Маковецкая Светлана

Уроки гражданского прагматизма (№ 2–3)

ТЕМА НОМЕРА

Гельман Владимир

Российская политика после СССР: издержки пути к свободе (№ 1)

Дубин Борис

Историческая память и особый путь (№ 2–3)

Занусси Кишиитоф

Общее благо и духовная культура (№ 4)

КОНЦЕПЦИЯ

Иноземцев Владислав

Коррупция: победима ли она в «отдельно взятой» стране? (№ 2–3)

Дискуссия

Гаршин Родион

О патриотизме (№ 2–3)

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Кастуева-Жан Татьяна

Парадоксы «мягкой силы» России (№ 2–3)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Воллебек Дэг

Социальное доверие: условия и вызовы (№ 4)

Пашин Сергей

Правда и истина в суде (№ 2–3)

Хархордин Олег

Республиканская традиция — не быть рабом (№ 1)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Карастелев Вадим

Заметки о гражданском образовании (№ 1)

Пономарев Сергей

Российский неполитический активизм (№ 1)

Согомонов Александр

Гражданское образование и патриотизм (№ 1)

Согомонов Александр

Гражданское образование и свобода (№ 4)

Согомонов Александр

Гражданское образование и гражданская нация (№ 2–3)

Хоскинг Джефффри

О кризисе гражданского общества в Британии (№ 4)

Шманкевич Татьяна

Школа и город: «родительские стратегии» и гражданские практики (№ 2–3)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ

Аузан Александр

Экономическая теория права и оптимизация государства (№ 2–3)

Аузан Александр

Эффект колеи (№ 4)

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Бельтран Мигель

Что значит жить в федерации? (№ 2–3)

Флифлет Арне

Скандинавский омбудсмен (№ 2–3)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Тоусен Мона

Раскройте ваши доходы! (№ 4)

ИДЕИ И ПОНЯТИЯ*Вишневский Анатолий*Куда ведет демографический переход?
(№ 2–3)*Горин Дмитрий*«Гибридный национализм»:
истоки, риски и возможности (№ 4)**МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ***Жулякова Екатерина*Между романтическим самоуправлением
и финансовой вертикалью (№ 1)**НАУКА И ОБЩЕСТВО***Апенес Георг*

Пределы защиты информации (№ 2–3)

СМИ И ОБЩЕСТВО*Мошкин Сергей*«Священная корова» губернаторов
(№ 1)*Рогов Кирилл*Ресурсы электорального авторитаризма
(№ 1)**ЛИЧНЫЙ ОПЫТ***Квятковска Мартына,**Михалик Мартына*История о том, как поляки помогают
гражданскому обществу Таджикистана
(№ 2–3)*Марсия Леви*Независимы ли английские судьи?
(№ 2–3)**ИСТОРИЯ УЧИТ***Горин Дмитрий*

Как мы мыслим историю (№ 1)

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ*Арон Леон*

За правду и добро: кредо гласности (№ 4)

НАШ АНОНС*Розанваллон Пьер*

Общество равных (№ 1)

*Шульман Екатерина*Законотворчество как политический
процесс (№ 2–3)*Эплбаум Энн*Железный занавес. Подавление Восточной
Европы (1944–1956) (№ 4)**КНИГИ***Захаров Андрей*

Семейное дело (№ 4)

Зубок Владислав

Как закончилась холодная война (№ 2–3)

Трудюлюбов Максим

Новый взгляд на оттепель (№ 1)

РЕГИОНАЛЬНОЕ**КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ***Гаршин Родион* (№ 4)*Потехина Марина* (№ 1)**КОНТРАПУНКТ***Рыжсков Владимир* (№ 1, 2–3, 4)**NOTA BENE***Аверинцев Сергей*

Когда рука не сожмется в кулак (№ 1)

Поллар Стивен

Люди стареют (№ 2–3)

Тахтамьшев Сергей

Мир художника (№ 4)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
СМИ И ОБЩЕСТВО

СЕМИНАР
(Голицыно, 10–13 декабря 2014 г.)

Наши авторы:

Александр Архангельский
Георгий Бовт
Андрей Захаров
Алексей Кара-Мурза
Алексей Макаркин
Вадим Межуев
Сергей Пашин
Квентин Пил
Кирилл Рогов
Владимир Рыжков
Роберт Скидельский
Александр Согомонов
Зилке Темпель
Сергей Шумаков
Ютта Шеррер

Подписано в печать 20.02.2015.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Московская школа
гражданского просвещения
127006 Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

ISBN 978-5-91734-047-0

Издано некоммерческой организацией,
принудительно включенной в реестр Минюста РФ
как подпадающая под статус «иностранный агент».